

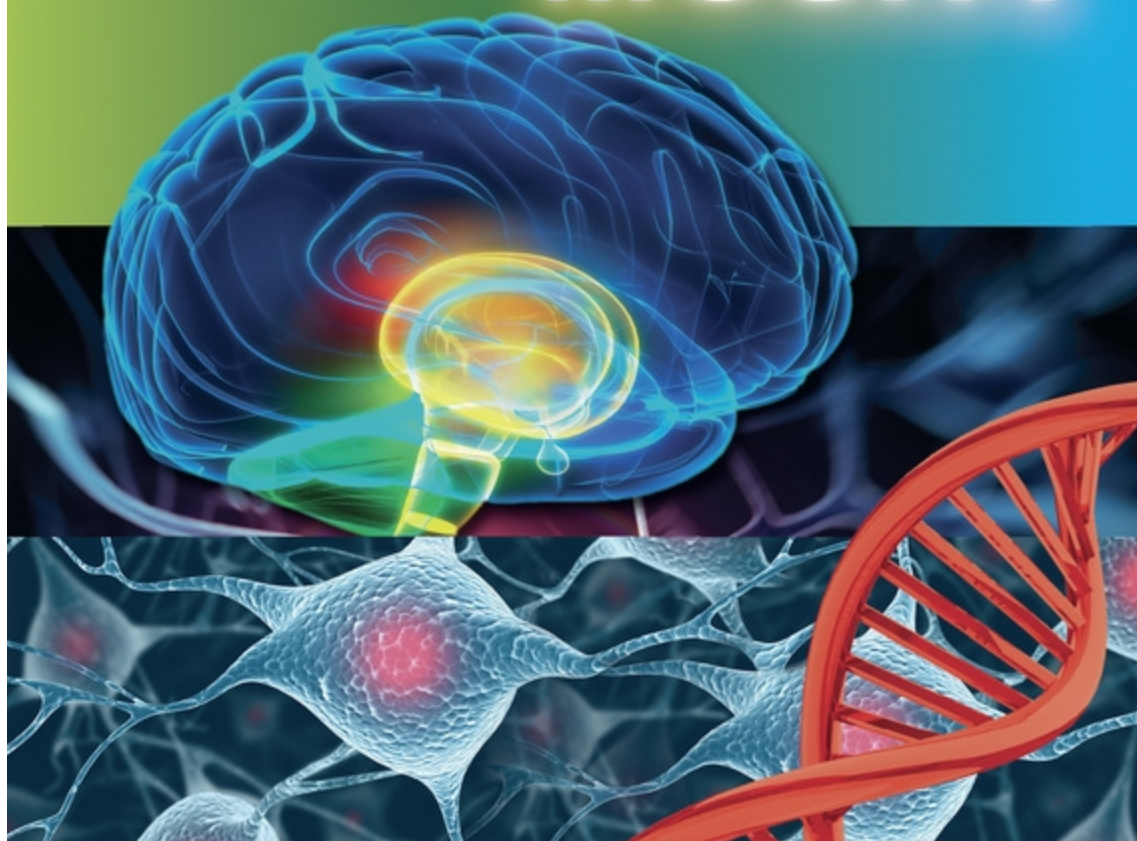
Владимир Михайлович Бехтерев
Феномены мозга

Человек – ген Вселенной –

ВЛАДИМИР
БЕХТЕРЕВ

профессор, д.м.н., всемирно известный русский медик-психиатр, невропатолог, физиолог

ФЕНОМЕНЫ МОЗГА

ЧЕЛОВЕК ГЕН
ВСЕЛЕННОЙ

«Феномены мозга»: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-086484-3

Аннотация

Про академика Владимира Бехтерева современники говорили, что анатомию мозга знают только двое – господь бог и Бехтерев. Он первым вторгся в святая святых человека – его сознание. И смог не только излечивать от самых серьезных болезней, но и управлять людьми с помощью внушения и гипноза. Бехтерев провел сотни уникальных опытов гипноза, после которых люди чудесным образом возрождались и избавлялись от своих пагубных привычек: алкоголизма, курения, наркомании.

Он объяснил тайну иллюзий и галлюцинаций – от призраков и стигматов до колдунов и НЛЮ (но верил в жизнь на других планетах!). Он понял, как Христос исцелял безнадежно больных людей. Разоблачил сектантов, предсказателей «концов света» и фокусников, выдающих себя за ясновидцев. Проанализировал, почему разгораются войны и как появляются такие лидеры, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон. Он исследовал самый фантастический феномен – передачу мыслей на расстоянии. Он знал, какими будут люди будущего. И самое удивительное открытие легендарного ученого – Бехтерев раскрыл секрет бессмертия.

Владимир Михайлович Бехтерев Феномены мозга

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Предисловие

«...Знают только двое – Господь Бог и Бехтерев»

Ему удивлялись. Ученик академика Бехтерева профессор Михаил Павлович Никитин вспоминал свой разговор с одним из зарубежных ученых, который неожиданно признался: «Я бы поверил, что Владимир Бехтерев один сделал так много в науке и написал такое количество научных работ, если бы был уверен, что их можно прочитать за одну жизнь». Разные библиографические справочники свидетельствуют, что Владимир Бехтерев написал и опубликовал более тысячи научных работ.

В него верили. Рекомендуя молодого ученого Бехтерева на заведование кафедрой психиатрии Казанского университета, его учитель И. М. Балинский писал, что «он встал твердой ногой на анатомо-физиологическую почву – единственную, от которой следует ожидать дальнейших успехов в науке о нервных и душевных болезнях».

О нем складывали легенды. Одна из самых известных даже получила название «Бехтерев на обходе». «Бехтерев ходил по палатам, сопровождаемый «хвостом», пошучивал, улыбаясь, как-то свободно сегодня решая вопросы, ставившие других в тупик.

– Этот больной после ссоры оглох. Специалисты отоларингологи не находят никаких

изменений в слуховом аппарате. Полагали, что глухота истерическая, но... – докладывала Бехтереву, деловито вскинув остренький подбородок, Раиса Яковлевна Голант.

– Хм! – хлопнул в ладоши над самым ухом больного: никакой реакции. – Впрочем... – Жестом показал больному раздеться по пояс. Написал на листке бумаги: «Я проведу пальцем или бумажкой по вашей спине, а вы мне ответите – чем?» И тут же, проведя пальцем, одновременно прошелестел бумажкой.

– Бумажкой, – быстро сказал больной.

– Вы здоровы, уже слышите! Вас можно выписывать.

– Спасибо, – тихо согласился больной. Бехтерев сказал врачам, сопровождавшим его:

– Симуляция вульгарис.

– ...Этого больного к нам перевели из Максимилиановской, – продолжала Голант. – Правосторонний паралич. Больной страдает пороком сердца. Предполагали эмболию сосудов. Лечение в течение двух месяцев не дало никакого улучшения. Вот решили посоветоваться с вами...

Бехтерев тщательно осмотрел больного и, прикладывая трубку к черепу, стал выслушивать его. Подзывал всех по очереди:

– Слышите? Это и есть то, что называется «шум волчка». Предполагаю аневризму. Она давит на двигательную область левого полушария. Больного надо немедленно оперировать.

Обход продолжался.

– Афазия... Инженер по профессии, поступивший к нам уже с полной потерей речи. Однако может объясниться письменно или с помощью специального словаря. Слух не нарушен.

Бехтерев помолчал, откашлялся. Наконец склонился к больному, взялся за пуговицу его халата:

– Скажите, уважаемый... а сколько будет два плюс два?

Больной смутился, пожал недоуменно плечами, жалко наморщил лоб. Бехтерев вздохнул:

– По-видимому, поражена передняя часть центра Брока, анатомически связанная с центром счета... – и, отойдя от больного, сказал: – Симптоматическое лечение. Бромиды. Физиотерапия. Покой! – и развел руки, подчеркивая бессилие медицины.

А к этой щуплой, шустрой старушонке, которая поднялась, улыбаясь, при входе академика в палату, Бехтерев подошел сам:

– Ну как, бабуся, лучше?

– Лучше, соколик, лучше.

– Ну вот. Прекрасно. Поезжайте к своему старику. И все будет хорошо. Я еще на вашу золотую свадьбу приду».

Им искренно восхищались. Коллеги Бехтерева не в шутку говорили, что анатомию мозга знают только двое – Господь Бог и Бехтерев.

Этапы его «большого пути» поражали воображение. Владимир Бехтерев был гением. Он первым в мире создал новое научное направление – психоневрологию и всю жизнь посвятил изучению человеческой личности. Именно для этого он основал 33 института, 29 научных журналов. Школу Бехтерева прошли более 5000 учеников. Начав с изучения физиологии головного мозга, он перешел к изучению его работы в различных режимах и отражение их на физиологии.

Серьезно изучал гипноз, и даже ввел его медицинскую практику в России.

Первым сформировал законы социальной психологии, разработал вопросы развития личности.

Своей титанической работой он доказал: одному человеку под силу сделать многое, если он идет к большой цели. И на пути к цели приобретает массу званий и знаний. Бехтерев – профессор, академик, психиатр, невропатолог, психолог, физиолог, морфолог, гипнотизер и философ.

Родился гений 1 февраля 1857 года в селе Сорали Вятской губернии в семье станового пристава. В девятилетнем возрасте остался без отца, и семья из пяти человек – мать и четверо сыновей – испытывала большие материальные трудности.

В 1878 году окончил Медико-хирургическую академию. С 1885 года был заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета, где впервые создал психофизиологическую лабораторию и основал журнал «Неврологический вестник» и Казанское общество невропатологов и психиатров.

С 1893 года работал в Петербурге, занимал пост профессора Военно-медицинской академии. С 1897 года – профессор Женского медицинского института.

В 1908 году стал директором организованного им Психоневрологического института.

В 1918 году возглавил созданный по его инициативе Институт по изучению мозга и психической деятельности (позже – Государственный рефлексологический институт по изучению мозга, получивший его имя).

В 1927 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Как ученого его всегда интересовал человек – его психика и мозг. По словам специалистов, он исследовал личность на основе комплексного изучения мозга физиологическими, анатомическими и психологическими методами, позже – через попытку создания комплексной науки о человеке и обществе (получившей название рефлексологии).

Крупнейшим вкладом в науку стали работы Бехтерева в области морфологии мозга.

Почти 20 лет он посвятил изучению полового воспитания и поведения ребенка раннего возраста.

Всю жизнь исследовал силу гипнотического внушения, в том числе и при алкоголизме. Разрабатывал теорию внушения.

Он впервые выделил ряд характерных рефлексов, симптомов и синдромов, важных для диагностики нервно-психических болезней. Описал ряд болезней и методы их лечения. Кроме диссертации «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний», Бехтереву принадлежат многочисленные работы, которые посвящены описанию малоисследованных патологических процессов нервной системы и отдельным случаям нервных заболеваний. Например, он изучал и лечил многие психические расстройства и синдромы: боязнь покраснеть, боязнь опоздать, навязчивую ревность, навязчивую улыбку, боязнь чужого взгляда, боязнь полового бессилия, одержимость гадами (рептилофрению) и другие.

Оценивая значение психологии для решения фундаментальных проблем психиатрии, Бехтерев не забывал, что и психиатрия как клиническая дисциплина в свою очередь обогащает психологию, ставит перед ней новые проблемы и решает некоторые сложные вопросы психологии. Это взаимообогащение психологии и психиатрии Бехтерев понимал следующим образом: «...получив толчок в своем развитии, психиатрия как наука, занимающаяся болезненными расстройствами душевной деятельности, оказала огромные услуги психологии. Новейшие успехи психиатрии, обязанные в значительной степени клиническому изучению психических расстройств у постели больного, послужили основой особого отдела знаний, известного под названием патологической психологии, которая уже привела к разрешению весьма многих психологических проблем и от которой, без сомнения, еще большего в этом

отношении можно ожидать в будущем».

Смерть его до сих пор вызывает недоумение. Умер он внезапно 24 декабря 1927 года в Москве, спустя несколько часов после того, как он отравился как будто бы некачественной едой: то ли консервами, то ли бутербродами. Причем это отравление произошло как будто бы после очень знаменательного события: после консультации, которую он дал Сталину. Но прямых свидетельств, что одно событие связано с другим, до сих пор нет. Между тем в умах многих людей они накрепко соединились друг с другом и держатся уже не одно поколение.

Вот что рассказывал профессор, заведующий кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии в Ленинграде – С.-Петербурге (прежде ею много лет руководил В. М. Бехтерев) Анатолий Портнов в своем интервью газете «Социалистическая индустрия» (1989, 28 апр.):

«...Я помню статью О. Мороза «Последний диагноз» в «Литературной газете» от 28 сентября 1988 года, где утверждается, будто Бехтерев в присутствии нескольких людей назвал Сталина «сухоруким параноиком»... Итак, высказана версия, что Бехтерев обследовал Сталина, поставил ему диагноз «паранойя», рассказал об этом в кулуарах съезда психиатров и невропатологов в декабре 1927 года. Это якобы стало причиной гибели академика. Откуда ни возьмись появились неизвестные личности в штатском, которые повели его в буфет и накормили подозрительными бутербродами. В результате у Владимира Михайловича возникло острое пищевое отравление и вскоре он скончался.

Этот детективный сюжет кажется мне неправдоподобным – так не травят. Что касается легендарной фразы, то Бехтерев, уверен, не мог ее сказать. И вовсе не потому, что испугался бы расправы. Владимир Михайлович действительно был очень смелым человеком и говорил нелюбезные вещи невзирая на лица, – об этом справедливо пишут авторы версии.

Но они почему-то умалчивают, что он был еще и человеком высочайшей культуры, который не позволял себе оскорблять людей, тем более – за глаза.

Сухорукий параноик... Так сказать о пациенте не может даже начинающий психиатр. А Бехтерев был крупнейшим специалистом, признанным во всем мире. Он отличался исключительным тактом, деликатностью, тонкостью в отношениях с людьми, призывал коллег соблюдать врачебную тайну, щадить самолюбие больных.

Если бы Бехтерев и поставил Сталину диагноз, то никогда не стал бы говорить об этом в кулуарах, да еще в оскорбительных выражениях. Я убежден, что их приписывают ученому люди, которые не знают его образа мыслей, нравственной позиции.

Имя Бехтерева на несколько десятилетий было предано забвению, сейчас о нем заговорили вновь. И нет у нас права – вольно или невольно – бросать на него тень, тем более не располагая убедительными доказательствами.

...Что же касается психического здоровья Сталина, то я окажусь весьма неоригинальным, сказав, что параноиком он не был. Весь его психический склад не соответствует тому, что бывает при этом заболевании... В частности, параноик вообще не способен на двуличие – Сталин сохранял его десятки лет».

Однако странные обстоятельства болезни – развитие ее в течение суток, непрофессионализм проведенного лечения, – а также особенности патологоанатомического вскрытия (был извлечен и исследован только мозг), поспешная кремация тела в Москве и последующее в течение 30 лет забвение ученого – все это наводит на мысль о насильственном характере смерти.

Урна с прахом Владимира Бехтерева похоронена на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. А его гениальный мозг хранится в Институте мозга.

Сын Бехтерева Петр – талантливый инженер и изобретатель – был репрессирован и

пропал в сталинском ГУЛАГе. Внучка Бехтерева Наталья Петровна как «дочь врага народа» с сестрой и братом оказалась в детском доме. В дальнейшем она окончила ЛМИ им. И. П. Павлова, стала академиком. С 1986 года возглавляла Институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге.

Про гипноз

...Что же такое гипнотическое состояние? Известно, что Шарко рассматривал его как особое нервное состояние, подобное истерии, Бернгейм – как внушенный сон, некоторые признавали его за особую эмоцию или душевное волнение (аффект), а я признавал правильным рассматривать его как особое видоизменение естественного сна.

Мнение Шарко, признававшего в гипнозе особое нервное состояние, подобное истерии, ныне совершенно оставлено, с тех пор как опыты показали, что гипнозу в той или иной степени поддается большинство людей, если не все. Признать же всех истеричными, очевидно, нельзя. Этой теории нанесен окончательный удар, когда выяснилась необходимость признать гипноз и у животных за явление, совершенно аналогичное и родственное человеческому гипнозу.

...Среди моих пациентов был один крестьянин-инородец из новобранцев, не понимавший русского языка, который страдал спинномозговым порезом, или неполным параличом, и которого я исследовал в отношении рефлексов, получаемых с большеберцовой кости. Для этой цели я должен был многократно молча поколачивать по передней поверхности берцовой кости. Не прошло и пяти минут, как я заметил, что мой испытуемый заснул. Предположив, что дело идет о гипнозе, я сделал, в целях испытания, внушение запахов и разных вкусовых веществ, и оказалось, что внушенные галлюцинации удавались полностью. Этот факт заставил признать, что дело шло в данном случае не об обыкновенном сне, а о гипнозе; между тем данный крестьянин-инородец внушению вовсе не подвергался и даже не понимал русского языка. Ясно, что и здесь дело шло о воздействиях механического характера, приведших к гипнозу при отсутствии внушения.

Я имел также случай, когда под влиянием простого внушения удавалось вызвать у одной из женщин гипноз умеренной степени, тогда как сильное освещение зеркалом без всякого внушения вводило ее в столь глубокое гипнотическое состояние с характером летаргии, что вывести ее из гипноза можно было не иначе как путем сильного механического расталкивания с окриком или путем применения сильного форадического тока, тогда как внушение проснуться, даже повторяемое с настойчивостью, оставалось безуспешным...

Эти и подобные им факты не оставляют сомнения в том, что гипноз вызывается не одним внушением и что физические воздействия оказываются иногда более действенными, чем словесное воздействие в форме внушения.

К такому же заключению приводит и тот факт, что дети в младенческом возрасте легко усыпляются путем методического поглаживания или легкого похлопывания по спине и монотонного напева колыбельной песни, тогда как словесное внушение здесь не играет роли.

Наконец, в настоящее время, как мы уже говорили, установлено, что гипноз животных является совершенно аналогичным гипнозу у людей, а у животных о словесном внушении не может быть и речи.

С другой стороны, нельзя признать безоговорочно и то сближение гипноза и сна, доходящее почти до отождествления, которое делает Бернгейм. Гипноз и сон при известных чертах сходства имеют и существенные отличия. Так, с гипнотиком можно говорить и получать от него ответы; далее, во время гипноза наблюдается повышенная внушаемость, каковой не бывает в обыкновенном сне: загипнотизированного можно заставить путем внушения

автоматически ходить, выполнять те или другие действия и т. п. Это и послужило для меня в свое время основанием к тому, чтобы признать гипноз не за сон, хотя бы и внушенный, а за своеобразное видоизменение сна, точнее – родственное сну состояние.

К сказанному следует добавить, что гипноз отличается от обыкновенного сна еще одной особенностью, так наз. раппортом. В глубоком гипнозе между гипнотизируемым и гипнотизатором устанавливаются особые отношения: первый слышит только слова второго, подчиняется ему во всем, исполняет его внушения беспрекословно, тогда как на воздействия сторонних лиц он совершенно не реагирует.

Посмотрим теперь, на чем основывается эмоциональная теория гипноза. Она опирается на тот факт, что при некоторых эмоциях утрачивается способность воспроизводить пережитое во время сильной эмоции и вместе с тем во время переживаемой эмоции обнаруживается повышенная внушаемость. Эти обе черты, как известно, наблюдаются и в гипнозе. Но при сходстве в указанном отношении все же гипноз не подойдет ни под одну из известных нам эмоций, а чтобы признавать его особой эмоцией, следовало бы указать его биологическую природу, ибо так наз. эмоции, или, выражаясь объективно, мимико-соматические состояния, вырабатываются в жизненных условиях как определенные реакции при тех или иных внешних условиях. Испуг при внезапном внешнем воздействии, страх при опасности, стыд как защитный рефлекс против посягательств на половую сферу, ревность как опасение утраты полового объекта и т. п. – все это мимико-соматические состояния, выработавшиеся как целесообразные рефлексy при соответственных условиях.

Какую же эмоцию или какое мимико-соматическое состояние представляет собою гипноз как родственное сну состояние?

Если гипноз, как мы знаем, наблюдается и у животных, то вполне естественно, что корни его происхождения находятся глубоко в органическом мире. И действительно, в целом ряде животных, от низших до высших, мы наблюдаем особые состояния «оцепенения», или явления так наз. мнимой смерти, которые у тех же животных могут быть вызываемы и искусственно. Когда жучок или паук ползет по бумаге, достаточно легкого удара по столу или по листу бумаги, чтобы он мгновенно и на долгое время сделался неподвижным, иначе говоря, замер в оцепенелом состоянии. Если, захватив змею за хвост, мы быстро встряхнем ее в воздухе, то увидим, как она мгновенно оцепенеет и становится твердой, как палка. Быть может, этим объясняется древнее «чудо», когда в руках Моисея, открывшего источник воды, жезл превратился в змею. Птичка под пристальным взглядом неожиданно появившейся змеи цепенеет и становится ее жертвой, хотя, казалось бы, легко могла улететь и тем избежать гибели. Крупный африканский грызун капибара, несмотря на то что обладает быстрым бегом, точно таким же путем попадает в пасть змеи. Аналогичные примеры оцепенения представляют и более высшие позвоночные, до обезьян включительно. В условиях культурной жизни человека такие явления наблюдаются сравнительно редко, но и здесь мы знаем случаи «остолбенения» или «оцепенения» при внезапно возникающих внешних раздражениях, как, напр., при пожарах и землетрясениях. Вспомним библейское сказание о Сарре, превратившейся при виде гибели Содома и Гоморры в «соляной» столб. (Название «соляной» здесь употреблено, конечно, в качестве сравнения.)

Спрашивается: каков биологический смысл этих явлений, характеризующихся внезапной скованностью движений? Наблюдения показывают, что они развиваются при внезапном появлении опасности. Но какой же смысл этих реакций и каким образом господствующий в природе естественный отбор мог удержать такое явление? Из вышеизложенного ясно, что во всем животном мире, до человека включительно, мы имеем общий тормозной рефлекс, развивающийся при условиях внезапных раздражений, поражающих мимико-соматическую

сферу. Хотя этот рефлекс приводит в отдельных случаях к гибели индивида, в общем, однако, он является защитным, а следовательно, и полезным. Полезность этого тормозного рефлекса видна из того, что состояние оцепенелости является для большинства случаев в полной мере спасительным средством для животного.

Жучок, принимая неподвижное положение, становится менее заметным как цель для хищников. Известны опыты, что даже птенцы легко схватывают ползущую гусеницу, тогда как спокойно лежащую гусеницу они оставляют в покое. И сама птичка в минуту опасности спасается путем неподвижного положения или состояния оцепенения от хищников. То же самое следует иметь в виду и по отношению к высшим позвоночным.

Если в отдельных случаях развитие этого рефлекса оказывается губительным для индивида, то нельзя упускать из виду, что то же мы наблюдаем и во всех вообще прирожденных рефлексах. Они оказываются целесообразными для огромного большинства случаев и могут оказаться как раз нецелесообразными и даже вредными в отдельных случаях. Примером может служить хотя бы мигательный рефлекс: будучи крайне полезен для глаз вообще, так как с помощью его частицы пыли удаляются со слизистых оболочек к внутреннему углу глаза, тот же рефлекс может оказаться и крайне вредным, если какой-либо острый предмет попадет под верхнее веко, ибо при мигании в этом случае возможно тяжелое повреждение роговицы глаза.

Полезность общего тормозного рефлекса с характером оцепенения использована в природе еще и в другом отношении, в интересах воспроизведения потомства, когда самка животных при условиях спаривания должна быть неподвижным существом. Это мы видим на земноводных и даже у птиц. Домашняя курица, на которую вскочил петух, захватив ее клювом за загривок, внезапно оцепеневаает, останавливаясь как вкопанная, и остается без малейшего движения в момент спаривания. Оцепенелость, связанная с появлением внезапных сильных раздражений того или иного рода, может обнаруживаться и под влиянием слабых и монотонных и вообще однообразных раздражителей. Примером может служить известное завораживание змей звуками флейты, укрощение зверей пристальным взглядом и т. п.

Указанное состояние оцепенелости, наблюдаемое в природе, и есть прообраз гипнотического состояния, которое мы изучаем в лабораториях и клиниках. **И то, что мы называем гипнозом, является лишь искусственным воспроизведением общего тормозного рефлекса в виде сноподобной оцепенелости в той или иной степени.**

Для вызывания гипнотического состояния у животных могут быть применяемы разные искусственные приемы, с которыми мы отчасти уже познакомились. Ящерицу, обладающую необычайной бойкостью движений, можно ввести в гипноз с помощью легкого поглаживания по грудке, предварительно закрыв ей глаза. Животное после этого оцепеневаает, и ему можно придать, как и лягушке в гипнозе, любое положение, которое оно сохраняет долгое время. Известен старинный (еще с XVI столетия) эффектный опыт Kir-cher'a над куриными. Если петуха или курицу предварительно успокоить и затем осторожно, пригнув туловище его к доске, провести от головы линию мелом впереди клюва, то птица останется в оцепенелом состоянии со взором, устремленным вдоль проведенной линии. По личному опыту могу сказать, что всякую птицу, даже из певчих, можно загипнотизировать. Для этой цели достаточно, взявши в руки птицу, ее успокоить и, повернув брюшком вверх, поместить на краю стола, оставив голову в свешенном положении за краем стола; затем стоит легонько почесать пальцем шейку птицы, как она со сложенными лапками и крыльями на долгое время останется в неподвижном положении, без всякого движения, причем можно осторожно вытянуть ей лапку, приподнять крыло и даже осторожно воткнуть иглу в ее тело, и она остается без движения.

Наконец, искусственный гипноз может быть вызываем особыми приемами и у

млекопитающих. Между прочим, Mangold предложил особый прибор, который мгновенно гипнотизирует животных, таких, напр., как кролик. Прибор необычайно прост и состоит в том, что животное ставится в станок, причем спина его упирается в крышу прибора. Затем с помощью особых лямок животное привязывается к крыше прибора под мышки и за ляжки, после чего при посредстве особого ворота крыша мгновенно поворачивается на полукруг (180°), и животное благодаря этому оказывается мгновенно лежащим на крыше прибора лапами вверх. Этого маневра достаточно, чтобы животное оказалось в гипнотическом состоянии. Очевидно, что в данном случае особую роль играет внезапное раздражение полукружных каналов уха как статического органа, поддерживающего равновесие тела, вследствие быстрого смещения содержащейся в них эндолимфы, как, по-видимому, дело обстоит и в случае быстрого сотрясения змеи за хвост.

Что касается человека, то у него мы получаем искусственное состояние оцепенелости или гипноза как с помощью физических приемов, например пассов, так наз. магнетического взгляда или длительных монотонных звуков и т. п., также и с помощью словесного внушения. Последнее имеет место потому, что у человека как существа социального слово как символ играет особо важную роль, замещая собою другие конкретные, т. е. физические, раздражители. Можно даже определенно сказать, что словесные раздражители в человеческом обществе играют гораздо более важную роль, нежели те или иные физические раздражители.

Для вызывания гипноза у человека я пользуюсь обыкновенно комбинированным раздражением, и физическим и словесным одновременно. С этой целью данное лицо усаживается в кресло, ему предлагается смотреть на блестящий кончик врачебного молоточка, после чего тотчас же начинается внушение о приближении сна, о расположении ко сну, о наступлении самого сна и т. д. Обыкновенно эта процедура длится не более одной-двух минут, чтобы с последним словом «засыпайте» человек впал в состояние гипноза той или другой степени, что зависит от индивидуальных условий гипнотизируемого лица.

Таким образом, мы приходим к выводу, что гипноз не является ни болезненным нервным состоянием наподобие истерии, как учил Шарко, ни искусственно вызванным сном или внушенным сном, как учил Бернгейм и как многие его до сих пор понимают, а представляет особое биологическое состояние в виде сноподобного оцепенения как общего тормозного рефлекса, наблюдаемого у различных видов животных, не исключая и человека. Это-то состояние может быть воспроизведено то в большей, то в меньшей мере искусственным путем, с помощью физических мер у самых различных видов животных, а у человека еще и путем словесных воздействий.

Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе

Как известно, при изучении гипноза немало труда было затрачено на исследование объективных признаков гипнотического состояния. Но помимо вопроса об объективных признаках самого гипнотического состояния немаловажное практическое значение имеет и вопрос о тех объективных признаках, которыми выражается осуществленное в гипнозе внушение. Всякому понятно, что даже в слабых степенях гипноза, когда гипнотизируемый субъект подчинен гипнотизатору, первый из чувства послушания подтверждает все делаемые гипнотизатором внушения, как будто бы они осуществлялись на самом деле, тогда как в действительности это осуществление остается лишь в воображении гипнотизируемого лица или оно осуществляется лишь в слабой мере или даже и вовсе не осуществляется.

Допустим, что мы внушаем анестезию. Загипнотизированный убежден, что анестезия

наступила, и даже при исследовании на уколы он утверждает, что не испытывает боли, тогда как по гримасам лица, особенно при неожиданном уколе, нетрудно убедиться, что анестезия на самом деле не наступила или она выражена слабо. При соответствующих расспросах, конечно, не откажется подтвердить это и гипнотизируемый. То же самое может произойти и с другими внушениями, напр. с внушением гиперестезии, галлюцинаций, изменений настроения и т. п.

Ввиду этого и представляет особую важность изучение объективных признаков подействовавшего внушения, тем более что несомненное присутствие этих признаков, свидетельствуя об осуществлении внушения, говорит вместе с тем и о значительной внушаемости гипнотизируемого.

Между тем, если вопрос об объективных признаках самого гипноза имеет уже за собой известный ряд научных наблюдений, вопрос об объективных признаках реализации самих внушений представляется еще крайне мало разработанным, и по нему имеются лишь крайне скудные литературные указания.

Само собою разумеется, что в таких случаях, когда под влиянием внушения в гипнозе происходят изменения сердечной деятельности, остановка кровотечений и даже воспалительные явления на кожной поверхности, не представляется никакой надобности в каких-либо особых приемах для доказательства реального осуществления произведенных внушений. Но совсем иначе дело обстоит, когда мы внушаем галлюцинации, гиперестезию или анестезию, слепоту и т. п.

Здесь, без сомнения, нужны особые приемы для отыскания объективных признаков, убеждающих в том, что внушение осуществилось полностью, т. е. что произошла действительно гиперестезия или анестезия, слепота и т. п., а не имеются эти явления только в воображении лица, подвергнувшегося внушению.

Сравнительная скудость имеющихся литературных данных по занимающему нас вопросу и вынуждает обратить на него особое внимание.

Мои исследования по занимающему нас вопросу начались еще в начале девяностых годов и были опубликованы впервые в сообщении, сделанном в Казанском обществе невропатологов и психиатров в 1893 году, и затем опубликованы в моих «Нервных болезнях в отдельных наблюдениях» (Казань, 1894).

С тех пор наблюдения мои в этом направлении продолжались с разными перерывами до последнего времени, причем в позднейший период по моему предложению были произведены также исследования над влиянием внушенных в гипнозе эмоций на пульс и дыхание д-ром Лазурским. Кроме того, совместно с д-ром Нарбутом была опубликована мною работа под заглавием «Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе». Наконец, в последнее время было произведено в нашей лаборатории систематическое исследование д-ра Срезневского над внушенными в гипнозе цветами.

До опубликования моих первоначальных исследований в литературе имелись интересные исследования, относящиеся к тому же предмету, Vinet и Fere, из которых особенного внимания заслуживает состояние зрачков при внушении летящей птицы. Оказывается, что если заставить гипнотика смотреть на приближающуюся к нему летящую птицу, то вместе с конвергенцией глаз происходит постепенное сужение зрачка.

Со своей стороны я проделал над одной из больных, подвергавшейся гипнозу, следующий опыт, который, на мой взгляд, представляется еще проще, нежели опыт Vinet и Fere. Загипнотизировав одну особу и заставив ее открыть глаза в гипнозе, я внушил ей, что она видит вдали от себя светлую точку, и просил ее пристально всматриваться в эту точку. Затем я внушаю больной, что эта точка медленно приближается к ней и, наконец, находится непосредственно перед ее глазами. При этом можно было убедиться, что по мере кажущегося

приближения светлой точки к глазам больной они постепенно сводились внутрь и вместе с тем зрачки их постепенно суживались. Наконец, при внушении, что светящаяся точка находится совсем близко, перед глазами, гипнотизируемая заявляет, что ей смотреть больно, причем можно было убедиться, что глаза ее в этот момент резко скашивались внутрь.

С тех пор как было сделано мною это наблюдение, я повторял тот же опыт и на других гипнотиках с одинаковым успехом. Где этот опыт не удавался, там, наверное, не было и соответствующей галлюцинации в настоящем смысле слова.

Moll считает опыт Binet и Fere одним из ценных объективных признаков последовавшего внушения, и нельзя отрицать, что он представляется легко демонстрируемым. Но все же я полагаю, что как этот, так и приведенный нами опыт со светящейся точкой не могут быть признаны вполне безупречными для отличия симуляции от действительного внушения, так как конвергенция глаз может достигаться и произвольным путем, сужение же зрачков есть явление, сопутствующее конвергенции.

Таким образом, достаточно, чтобы гипнотик, не видя никакой птицы или светящейся точки, только вообразил движущийся к себе предмет, чтобы получились в отношении глаз и зрачков все те явления, которые наблюдаются и при действительном видении.

Гораздо убедительнее как объективный признак осуществленного внушения представляется, на мой взгляд, следующий опыт, который мною был сделан около того же времени, как и вышеприведенный. В глубоком гипнозе дается внушение, что будут производиться сильнейшие уколы булавки, от которых будет чувствоваться резкая и продолжительная боль. Между тем на самом деле производится надавливание тупым концом булавки на подбородок или другую часть лица при одновременном внушении, что при этом испытывается сильная боль. В результате получается искривление лица, как от боли, иногда даже прилив крови к лицу и ясная болевая реакция зрачков, выражающаяся их расширением.

Равным образом мною были сделаны аналогичные опыты со специальной и общей анестезией. После предварительного исследования зрения исследуемой в гипнозе было внушено, что она совершенно слепа на левый глаз.

Затем специальное исследование с аппаратом Снеллена, предназначенным для раскрытия лиц, симулирующих слепоту, показало, что у погруженной в гипноз обнаруживалась действительная слепота на левый глаз.

Равным образом и исследование с помощью стереоскопического слияния фигур не оставляло никакого сомнения в том, что исследуемая была действительно слепа, а не воображала себя только слепой. Казалось даже, что зрачковая реакция на левый глаз была несколько слабее, чем на правый; но этот факт можно было отнести на недостаток аккомодации вследствие отсутствия зрения.

Другой опыт, который мне удалось сделать над той же особой, состоял в том, что ей была внушена полная слепота к красному цвету не только во время гипноза, но и по пробуждении от него. Затем, когда по пробуждении ей было предложено смотреть в течение известного времени через красное стекло на пламя свечи, она, конечно, не видела красного пламени, а обыкновенный цвет пламени, только несколько бледнее. Затем, когда зрение ее было достаточно утомлено, ей предложено было перевести взор на светлый потолок, на котором она тотчас же увидела сероватое, а не цветное зеленоватое изображение пламени, как должно бы быть по принципу дополнительных цветов при смотре на красное пламя.

Таким образом, в отсутствие последовательного дополнительного цвета после смотрения при внушенной цветной слепоте на соответственные цветные предметы мы получаем новый контрольный признак осуществления внушения в виде настоящей цветной, а не воображаемой

только слепоты.

В наблюдениях, произведенных у нас над внушенными цветами в гипнозе д-ром Срезневским, оказалось, что после фиксирования внушенной цветной иллюзии получается последовательное цветное пятно, которое в большинстве случаев является вторичной иллюзией подобного же рода, как и первоначальная; в немногих же случаях обнаруживались явления цветной индукции под влиянием внушенной иллюзии, а в одном случае даже удавалось наблюдать в последовательном изображении явление цветных фаз и цветных контрастов. Последние явления также заслуживают известного внимания с точки зрения объективных признаков внушенных явлений.

Далее и для внушенной анестезии могут быть отысканы объективные признаки в реакции зрачка и других органических функций на болевые раздражения. Так, внушив аналгезию на одной половине тела, я убедился, что даже сильные раздражения в области внушенной аналгезии не вызывали болевой реакции зрачка, тогда как последнюю нетрудно было обнаружить при уколах в областях тела с нормальной чувствительностью.

Эти наблюдения над отсутствием болевой реакции зрачков при внушенной аналгезии были впоследствии проверены мной совместно с Нарбутом на других лицах, подвергавшихся гипнозу, и в общем дали те же самые результаты. Болевые раздражения в области внушенной аналгезии не давали реакции зрачка на свет в тех случаях, где анестезия была полная.

С другой стороны, мы исследовали также влияние раздражений в области внушенной анестезии и внушенной гиперестезии на пульс и дыхание; при этом дыхание и пульс записывались до гипноза, в гипнозе после сделанного внушения, но без раздражения, затем в гипнозе же во время или после раздражения и, наконец, после пробуждения от гипноза. Источником раздражения в этих опытах служил индукционный аппарат с катушкой Dubois Reymond'a; самое же раздражение производилось при посредстве электрода проф. Чирьева, представляющего собою плоскость с рядом окончаний проволок, разделенных друг от друга каучуком. Как области раздражения, так и сила его во всех случаях были одними и теми же. Контроля ради в отдельных случаях внушенной гиперестезии прикладывался электрод к кожной поверхности и пускался индукционный аппарат при незаметно для гипнотизируемого разомкнутой цепи.

Результаты сделанных опытов дали в общем следующее.

В отдельных случаях, где внушенная анестезия оказывалась более или менее полной, болевое раздражение в области внушенной анестезии почти не сопровождалось изменениями в отношении дыхательного ритма и в системе кровообращения или же эти изменения представлялись в общем крайне слабо выраженными.

В других случаях, с менее выраженной внушенной анестезией, реакция при болевых раздражениях обнаруживалась значительно слабее, нежели в бодрственном состоянии. При внушении гиперестезии, наоборот, вместе с болевыми раздражениями обнаруживались резкие изменения как в пульсе, так и в дыхании. При неглубоком же гипнозе, когда внушение анестезии и гиперестезии не достигало цели, и результаты оказывались неопределенными.

Таким образом, и эти наблюдения приводят к выводу, что у лиц, находящихся в глубоких степенях гипноза, внушенная анестезия и гиперестезия есть несомненный и реальный факт, а не продукт их воображения, подобно тому как анестезия и гиперестезия истеричных есть действительная, а не воображаемая только анестезия и гиперестезия.

Должно, однако, заметить, что такие явления, как внушенные галлюцинации, внушенные анестезии и гиперестезии, обычно удаются при более глубоких степенях гипноза; при более же слабых гипнотических состояниях эти явления редко удаются в такой полноте, а потому и вышеуказанные признаки не могут оказать в этих случаях существенной пользы для выяснения

последовавшего внушения. Но настроения и эмоции, по моим наблюдениям, легко внушаются даже и при сравнительно слабых степенях гипноза. Вот почему имеет существенное значение вопрос, какие имеются объективные признаки внушенных в гипнозе эмоций и настроения.

В этом отношении я уже давно отметил тот факт, что под влиянием внушения в гипнозе той или другой эмоции или настроения соответственным образом изменяются как ритм дыхания, так и пульсовые волны и ритм сердцебиения. Соответственные кривые мною ежегодно демонстрируются на лекциях о гипнозе, читаемых студентам Военно-медицинской академии вот уже в течение более 10 лет.

Затем предмет этот был предложен к специальной разработке занимавшемуся в нашей психологической лаборатории д-ру Лазурскому, причем его систематические исследования в этом отношении дали в общем те же результаты, как и наши исследования.

Подобно мне, он убедился, что в гипнозе всякое внушенное чувство сопровождается резкими изменениями пульса и дыхания. Особенно сильное влияние обнаруживали в этом отношении страх, гнев и угнетающие аффекты; между тем влияние радости обнаруживалось в значительно менее резкой степени. Почти во всех случаях обнаруживалось как более или менее значительное учащение пульса, так и изменение пульсовой кривой. Изменение дыхания при радости выражалось учащением дыхания и уменьшением его амплитуды, иногда же, как при испуге и гнев, наблюдались неправильные и неравномерные дыхательные движения, представлявшиеся то более глубокими, то более поверхностными.

Наконец, существенно важным объективным признаком осуществления внушений, касающихся различного рода эмоций и настроений, а также внушенных ощущений или галлюцинаций приятного и неприятного свойства является соответственное изменение мимики лица. Этот признак, которым я постоянно пользуюсь на своих лекциях о гипнозе для доказательства реального осуществления внушенных состояний, представляется очень ценным ввиду его необычайной наглядности. **Если мы будем внушать гипнотику, что он испытывает страх или радость, что ему дают кислое или горькое питье, что он внюхивает приятный или зловонный запах, то мы увидим в случае реализации этих внушений, что сообразно делаемым внушениям мимика его лица будет изменяться.**

Особенно эффектно это изменение мимики происходит у лиц, обладающих подвижной физиономией; у лиц же с менее развитой мимикой изменение ее все же с ясностью может быть обнаружено по отношению к неприятным ощущениям (напр., вкусовым, обонятельным), а также по отношению к тягостным душевным аффектам, при внушении которых вообще у всех лиц обнаруживается гораздо более резкое изменение мимики, нежели при аффектах и ощущениях приятного свойства.

...Симуляция и бессознательное внушение – вот два главных подводных рифа, которых следует избегать при изучении факторов внушения, говорят Бине и Фере в своей монографии о животном магнетизме. Насколько трудно иметь точные измерения психического состояния гипнотика – распространяться не приходится; отличить действительность испытываемого им внушенного настроения по его психическим проявлениям от продукта деятельности его собственного воображения нередко является задачей совершенно неразрешимой. Поэтому целым рядом наблюдателей было обращено внимание на вопрос, не оказывают ли внушения, производимые в гипнозе, то или иное влияние на соматические функции организма, которые можно было бы подвергнуть более или менее точному обследованию. Вопрос этот настолько заманчив и настолько важен в судебно-медицинском отношении, что на разрешение его было затрачено немало труда со стороны ученых. Литература в этом отношении обладает многими ценными работами.

Еще Braid в 50-х годах при помощи довольно точных измерений указал на то, что у

загипнотизированных лиц слух бывает в 12 раз чувствительнее, чем в нормальном состоянии, аналогичные наблюдения сделаны были им и в области чувства обоняния и осязания. Braid, между прочим, наблюдал, что загипнотизированный может чувствовать и следить за движениями стеклянной воронки, колеблемой в воздухе на расстоянии 15 футов. **Вследствие крайней чувствительности кожи во время гипнотического состояния субъекты могут ходить по комнате, не наталкиваясь на окружающие предметы.** По мнению Braid'a, они руководствуются при этом теплопроводностью предметов и сопротивлением воздуха.

В конце 70-х годов благодаря исследованиям Charcot и его учеников вопрос об объективных признаках гипноза был впервые обследован в возможной полноте. Результатом этих исследований явилось, как известно, подразделение гипнотического сна на три фазы: летаргическую, каталептическую и сомнамбулическую – с присущими каждой из них особыми, ей только свойственными объективными признаками гипнотического состояния. Не останавливаясь на описании этих объективных признаков, так как они всем хорошо известны, считаем необходимым только отметить, что уже вскоре, при проверке их Bernheim'ом и его учениками, все построение гипноза в виде трех упомянутых фаз с их объективными признаками было поколеблено и на первый план была выдвинута *степень восприимчивости к внушению...*

О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями

Не очень давно я напечатал клиническую лекцию, в которой изложил применяемый мною способ лечения навязчивых идей самовнушениями в начальных периодах гипноза и привел тяжелый случай навязчивых идей, кончившийся выздоровлением благодаря применению только что сказанного лечения. Между прочим, в этой лекции я упомянул, что «в течение нескольких последних лет в своем курсе психиатрии при изложении учения о навязчивых идеях я всегда обращал внимание слушателей, между прочим, и на применение послегипнотических внушений с целью лечения навязчивых идей».

В то время, когда я писал эти слова, мне еще не удалось провести на практике лечение навязчивых идей послегипнотическими внушениями, так как у наблюдавшихся мною больных с навязчивыми идеями хотя и могли быть вызываемы самые начальные явления гипноза, но ни один из больных не мог быть приведен в более глубокие степени последнего, в которых, как известно, лучше всего удаются послегипнотические внушения.

...Так как собиравание подходящего материала в указанном направлении продолжается мною и по сие время, то я пока и не имею в виду приводить здесь все случаи навязчивых идей, пользованные мною гипнотическими внушениями, и ограничусь лишь одним наблюдением, которое прекрасно поясняет целебное значение гипнотических внушений по отношению к навязчивым идеям.

К., замужняя, 40 лет, дочь очень нервной матери и отца, злоупотреблявшего спиртными напитками. Две сестры ее отличались нервностью. Сама больная в молодости была нервной и в девичах страдала бледною немочью. Года 4 спустя после выхода замуж, т. е. лет 18 тому назад, у нее впервые обнаружилось припадки большой истерии, бывшие, впрочем, всего два или три. Но с тех пор время от времени случаются припадки малой истерии, выражающиеся давлением в горле, сердцебиением и слезами, а изредка и хохотом. Кроме того, **больная с давних пор обнаруживает чисто болезненную боязнь некоторых животных, например кошек и мышей, боязнь привидений, а иногда и боязнь нечистоты, в силу которой она принуждена часто мыть свои руки. Вместе с тем она поразительно нерешительна во всем и тревожится по всяким пустякам. Поводом к тревогам нередко служат даже такие**

маловажные события, как посылка куда-нибудь прислуги с самым обыденным поручением. Наконец, по временам у больной бывали и более резкие навязчивые идеи; так, если она бывала в обществе, то ей нередко казалось, будто она обидела то или иное лицо своим разговором. Эти мысли об обиде кого-либо обыкновенно подолгу преследовали больную и нередко приводили ее в сильное волнение. Но особенно резко состояние ее ухудшилось недели за три до первого ее визита ко мне в конце декабря. Совершенно неожиданно с ней случилось следующее происшествие, послужившее поводом к развитию мучительных навязчивых идей: она посоветовала одной из своих родственниц, г-же М., страдавшей уже лет 16 чахоткой, поехать на поклонение мощам святого Германа в Свяжск. Г-жа М., действительно, послушалась ее совета, но случилось так, что приехав из Казани в Свяжск, она умерла как раз у цели своего путешествия, в самой церкви. Известие об этом сильно поразило нашу больную. С тех пор ее стала преследовать мысль, что ее родственница умерла благодаря ее неуместному совету. Несмотря на внутреннее разубеждение самой больной, эта мысль с того времени не оставляла ее в покое почти ни одной минуты: она часто и подолгу оплакивала как свою родственницу, так и свой поступок. Беспокоившие ее ранее мысли, вечные сомнения, тревоги и различные страхи теперь отошли на второй план и как бы перестали существовать для больной. Ни развлечения, ни занятия ее уже не успокаивают. Будучи в обществе, она не слышит, что говорят кругом ее, и все думает об одном и том же; хозяйство тоже не идет ей в голову вследствие той же причины. Даже ночью больная нередко видит свою несчастную родственницу в сновидениях; вместе с тем ей часто представляются те или другие события, касавшиеся смерти последней. Поэтому больная спит в высшей степени беспокойно, часто просыпается, тревожась и ночью той же мыслью.

При объективном исследовании (17 января) найдено следующее. Больная несколько ниже среднего роста, правильного телосложения, с довольно бледными покровами, но достаточно развитым подкожным жировым слоем. Легкие в порядке. В сердце замечается лишь некоторая возбудимость и склонность к учащенной деятельности. Со стороны кишечника можно отметить некоторую вздутость. Никаких других расстройств внутренних органов не замечается. Чувствительность и двигательная сфер, а равно и рефлексы без существенных изменений.

Назначив больной бромистый натрий, который, впрочем, она и раньше принимала без особенного успеха, я предложил ей, кроме того, лечение гипнозом, на которое она решилась не без колебаний. При первой попытке гипнотизирования больная, наслушавшаяся много о гипнозе, начала обнаруживать сильное волнение; появились даже признаки предстоящего истерического припадка. Ввиду этого, я воспользовался самой слабой степенью сна, применив на первый раз описанный мною ранее способ самовнушения. Как только больная сомкнула веки под влиянием пассивов, я заставил ее повторять за мною следующие слова: «Отныне я не должна более тревожиться смертью М., потому что она умерла не вследствие моего совета, а вследствие того, что была больна уже давно и могла бы одинаково умереть и дома точно таким же образом». Последствием этого самовнушения было то, что уже на следующий день (18 января) больная чувствовала себя лучше, не плакала совсем и хорошо спала ночью. Навязчивая мысль, по ее словам, как бы отдалилась от нее. Правда, она еще приходит на ум, но уже не так беспокоит больную и скоро исчезает из сознания. Дальнейшим последствием самовнушения было то, что больная теперь относилась к гипнозу уже без всякого волнения и могла быть, действительно, в короткое время загипнотизирована с помощью пассивов, причем во время гипноза ей было внушено не мучиться более мыслью о смерти г-жи М. Явления гипноза заключались в том, что больная не могла произвольно открыть глаз; вместе с тем у нее появлялось резкое притупление чувствительности к болевым раздражениям и некоторое расслабление членов.

Для испытания силы внушения в этом относительно легком гипнотическом состоянии я приказал больной сжать в кулак кисть правой руки, заявив после того, что она не может более расправить пальцы; и, действительно, больная некоторое время вовсе не могла раскрыть кулака, а затем хотя и раскрыла его, но лишь после долгих усилий. Следует, впрочем, заметить, что подобные же внушения, хотя и в значительно меньшей степени, удаются у больной и в бодрственном состоянии.

На следующий после гипноза день (19 января) больная заявила, что после вчерашних внушений весь день до вечера чувствовала себя хорошо, но с 8 часов вечера вновь появилась мысль о смерти г-жи М., по ее мнению, вследствие того, что она целый вечер оставалась одна. Ночью в сновидении больная тоже видела М., но утром чувствовала себя довольно покойно. Следует заметить, что со вчерашнего дня у больной открылись месячные, во время которых прежде она всегда чувствовала себя несколько хуже и страдала сильнее навязчивыми идеями. Гипноз вызывается теперь заметно глубже прежнего. Внушения сделаны те же.

20 января больная, явившись ко мне на прием, заявила, что весь вчерашний день после гипноза чувствовала себя очень хорошо и навязчивые идеи в течение дня совсем не появлялись. Ночью спала с 11 до 3 часов, затем проснулась и некоторое время тревожилась прежней мыслью о г-же М., к 5 часам заснула, однако хотя и видела снова во сне М., но, проснувшись утром, чувствовала себя так же хорошо, как и с вечера. Так как больная должна была дней на пять уехать домой в деревню, то, загипнотизировав ее, я внушил ей, чтобы во время своей отлучки из Казани она не думала вовсе о г-же М. и чувствовала себя также и ночью покойно, не видя вовсе М. и во сне. Гипнотический сон у больной теперь получался уже глубже прежнего, и сила внушений вследствие того изменилась: теперь у больной в состоянии гипноза повторными внушениями можно было вызвать параличи, сведения и полную анестезию, что прежде не удавалось.

Уехав после 20 января, больная вернулась ко мне лишь 12 марта с заявлением, что прежние мысли о г-же М. у ней совершенно исчезли вслед за последним сеансом. По ее словам, от прежнего у ней осталось лишь нервное состояние; но зато в последнее время больную вновь стали беспокоить явления, бывавшие у нее до навязчивой идеи о смерти г-жи М. Так, ее смущает поразительная нерешительность во всем: если, например, ей нужно сделать какое-либо распоряжение по хозяйству, то она постоянно сомневается, как правильнее поступить, и долго не может на что-нибудь решиться; решившись же, меняет свои распоряжения раза по три. Кроме того, она по-прежнему стала бояться некоторых животных (кошек, мышей), возвратилась также и боязнь привидений и нечистоты. В силу последней она постоянно моет руки, иногда бесчисленное число раз в сутки; часто даже моется и вся раза по три в день.

...Ввиду такого состояния больной я решил уже не медлить гипнотическим лечением и 17 марта, загипнотизировав ее, внушил, чтобы она более не мучилась сомнениями, не тосковала и вообще не испытывала никакой боязни, между прочим, и боязни нечистоты.

Через день, 19 марта, больная сообщила мне, что сомнения ее уже не беспокоят в такой мере, как прежде; боязнь нечистоты меньше, и вообще она чувствует себя лучше. Снова сделано внушение в состоянии гипноза...

Оправившись совершенно от мучивших ее навязчивых идей, больная уехала к себе в деревню, где остается и до настоящего времени, не чувствуя потребности в дальнейшем лечении.

Итак, в первый раз, в январе, потребовалось всего 4 гипнотических сеанса (из которых один с самовнушением), чтобы освободиться от мучительной навязчивой мысли, а второй раз, в марте, было достаточно трех гипнотических сеансов, чтобы устранить из сознания больной целый ряд навязчивых идей.

Результат этот, безусловно, говорит сам за себя и не нуждается в особых пояснениях. Во всяком случае способ лечения навязчивых идей гипнозом, на мой взгляд, заслуживает самого серьезного внимания со стороны врачей-специалистов...

Про внушение

...Что такое внушение? Вопрос о том, что такое внушение, есть один из важнейших вопросов новейшей психологии и общественной жизни, получивший в последнее время огромное практическое значение благодаря в особенности изучению гипнотизма; тем не менее ныне твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как первое проявляется в бодрственном состоянии и притом наблюдается в общественной жизни везде и всюду при весьма разнообразных условиях. Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор еще представляется в такой степени мало изученной, что этому понятию различные авторы придавали и придают весьма различное значение.

Уже в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» я обратил внимание на разноречия авторов по этому поводу и на ту путаницу, которая от этого происходит. «Еще недавно этот термин, – говорю я, – не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными. Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения».

...Есть много примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение, по крайней мере в бодрственном состоянии, гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем пример: «Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые томы болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено, они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазеет на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут, и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они прекрасные, дешевые».

«Уличный оратор влезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении. Речь Антония в «Юлии Цезаре» представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что в этом случае действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы

замечено всеми, что торговец не в меру расхваливает свои предметы, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере все, для которых ясна вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действиях последнего, по крайней мере в большинстве случаев, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться». **Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия.** Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны человека, которого оно имеет в виду, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго на Отелло, который первоначально встречает это внушение сильным сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны гипнотизируемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного лица.

Очевидно, что в гипнозе личность большей частью не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии ему со стороны лица, которому производится внушение, мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу того или другого лица без малейшего сопротивления с его стороны. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у него парализована, и оказывается, что с этих пор в самом деле он лишился употребления руки. Все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других случаях, нет и тени сопротивления.

...Нельзя также думать, что внушение не допускает критики. Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемой идеи с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я». Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже и критики, не переставая быть в то же время внушением.

Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность еще относится с критикой ко всему окружающему, и в том числе к внушению. Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» – спрашиваю я.

«Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли вам что-нибудь сделать?» – спрашиваю я. «Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» – отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним. Очень хороший тому пример мы находим также у Б. Сиддиса (доктор, преподаватель Гарварда Борис Сиддис. – Ред.). Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: «Нет, я не стану этого делать!» «Что делать?» – спросил я. «Зажечь сигаретку, это бессмыслица!» «А вам очень хотелось это сделать?» – спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: «Вы очень желали это сделать?» «Не очень», – отвечал он коротко и уклончиво».

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей и действий» также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается не осуществленным вовсе, как это было в только что приведенных примерах. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, и двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется далеко не всегда автоматически.

Надо, впрочем, заметить, что в других случаях внушение действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически. Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Faria, действовавшего одним приказанием. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и на сознании рациональности подчинения, сколько на действительном внушении, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления. Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны внушающего лица и которое может происходить или незаметно для лица, которому производится внушение, или же с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, сообразуясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие предметы и явления. Последние, входя в психическую сферу при участии внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личного

сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно скрываются за порогом сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но, кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято, напр. при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше вследствие тех или других причин ослаблено, как это наблюдается, напр., в состоянии рассеянности. И в том и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в другие области нашей психической сферы, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является достаточно независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего сознания могут при известных условиях входить и в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых в тех и других случаях. Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит благодаря случайному сцеплению идей и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, о чем мы не можем даже и помыслить в сфере личного сознания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которое происходит помимо нашего «я», проникает непосредственно в сферу общего сознания. Еще в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898) я определил внушение после соответствующих разъяснений следующим образом:

«Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания». Я пояснил при этом, что «в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с *участием личного сознания*».

...Несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно

подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

Так, приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения в силу разумности подчинения вообще и т. п. В этом отношении приказание действует совершенно подобно убеждению. Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу как внушение. Как известно, термин «внушение» до введения его в психологию предпочтительно употреблялся публикой для выражения властного влияния одного лица на другое. Лучшим примером влияния приказа как внушения может служить команда, которая действует, как известно, не только путем страха перед последствиями за непослушание, но и путем прямого внушения, не давая возможности здраво обсудить предмет команды. Точно так же и **пример, с одной стороны, действует, несомненно, на разум путем убеждения в полезности того, что человек видит и слышит; с другой стороны, пример может действовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.**

В этом отношении мы напомним о заразительном влиянии публичных казней, о самоубийствах из подражания, о передаче путем подражания судорожных болезненных форм и т. п.

Что касается других форм воздействия одних лиц на других, как требование, советы, выражение надежды или желания, то в сущности они не имеют в виду ничего более, как предоставить материал для суждения другому лицу, а следовательно, имеют в виду поддержать или укрепить в нем определенное убеждение, хотя в известных случаях и эти формы воздействия могут влиять непосредственно на сознание наподобие внушения.

Таким образом, как приказание, так и пример, а равно и другие формы психического воздействия одних лиц на других действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения, чаще же они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение и потому не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению... Поэтому-то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

По нашему мнению, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова, или воздействие производится при посредстве какого-либо явления или действия, т. е. имеем ли мы словесное или конкретное внушение, оно всегда влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или по крайней мере без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. д. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической

сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать – значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его «я», т. е. в обход его самосознающей и критикующей личности.

Если внушение есть нечто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания данного лица, которому производится внушение, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда проникает в психическую сферу или незаметно, вкрадчиво, при отсутствии особого сопротивления со стороны «я» субъекта, или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же, когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего...

О роли внушения в общественной жизни (часть 1)

...Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, **где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.**

...Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удастся лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.

...Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при

наличности воли. Есть лица, у которых внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как и в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они по существу ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что **эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия.** Благодаря этому внушения входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъект, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий **случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.**

Осенью 1896 года мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов. Этот паралич длился уже более месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил, таким образом, перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению. Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем благодаря внушению излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить. Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь на коляске.

С этих пор у больного оставались одни истеро-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как продемонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры и параличи, иллюзии и галлюцинации – словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами...

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии так же легко осуществляются разнообразные внушения, как, напр., иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не

оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения в сущности не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого «я», при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта действует с непреодолимою силою на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиники. **Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения;** не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, невской воды и других индифферентных средств против многих болезней, магическое слово аббата Faria, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением, наконец, многие из тех внезапных исцелений, которые нередко ставят в тупик очевидцев и которые повторяются еще и поныне.

Примера ради достаточно указать на недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шляттера, который, начав башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки.

Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Особенной славой он пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним случилось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие – что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели – лже-Шляттеры.

В конце концов скелет настоящего Шляттера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьера-Мадре в 50 милях от casas grandes в провинции Чигуагуе.

Этот поразительный пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, какова может быть сила внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого внушения и в отсутствии психического противодействия по отношению к внушению.

Но не повторяется ли то же самое в большей или меньшей мере и с врачом, подходящим к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоравливающее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый, холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех.

Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим. Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного и монотонного делается очень веселым и оживленным. В свою очередь оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения, или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением*. Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала. Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых, необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее. **Возникает, однако, вопрос: каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.**

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанного.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи

идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому является орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что **весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольное сжимание губ и обильное слюноотделение.** Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувств. Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами. Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает. Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то, что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере (больница в Париже. – Ред.), причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, и такой орган, как мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения. Надо думать, что не составляют в этом отношении исключения даже и такие органы, как орган обоняния и вкуса.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить все вообще органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как органы, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действуют везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего общаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической природы и, наоборот, принимает от нее те или другие

психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот, между прочим, объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожителстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков. Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик, с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и совершенно незаметного прививания, или внушения.

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного помешательства. В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой – передача болезненных психических состояний от одного лица другому.

Известны примеры, что случаи наведенного помешательства наблюдались в целой семье, состоящей из четырех, пяти и даже шести лиц. Эти случаи представляют, таким образом, уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (*folic transformee*).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное обособление больных, влияющих друг на друга.

Можно, конечно, подумать, что в вышеприведенных примерах дело идет о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные или массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явлений. **Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.**

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, т. е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неопикуемый страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь.

Наутро дело разъяснилось: вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставлял штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 году Фрегат «Bella-Poule» и корвет «Verseau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Verseau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски его вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Bella-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец, однажды в жаркий солнечный день после полудня сигнальщиком, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачты. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигнальщика было справедливо.

Само собой разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели перед собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimede». День уже приходил к концу и начинала спускаться южная ночь, когда «Archimede» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimede» видел погибавших на плоту людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Verseau» окончательно погибла. Самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров. Беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на «Verseau», сильно содействовали известному направлению умов.

Естественно, что мысли всех сосредоточивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигнальщик замечает на горизонте на стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было уже достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной идеи. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашаются, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая галлюцинация длится много часов до наступления ночи, когда посланные с крейсера «Archimede» шлюпки врезались в густую листву плавающих

деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают.

Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. **Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то что современная авиация не давала основания верить в действительность этих полетов.** Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторяется ли та же история и с шаром Андре (имеется в виду неудачная попытка шведских ученых добраться до Северного полюса, в ходе которой все три члена экспедиции, в том числе и организатор Август Андре, погибли в 1897 году. – Ред.)?

Сколько уже было получено телеграмм из разных концов Северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имеется ли и здесь дела с массовой иллюзией или галлюцинацией, подобно тому как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение, по крайней мере, напрашивается само собой, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности. Видение это, стереотипно повторявшееся в нескольких местах, было настолько полным, что, как известно, была даже высказана мысль, что оно могло обуславливаться существованием особой не открытой еще планеты, с чем, однако, совершенно не согласуется относительная быстрота движения видимого шара.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится, между прочим, известное видение креста на небе с надписью «Сим победишь» – видение, испытанное воинами Константина Великого перед началом решительной битвы.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время, особенно в Средние века. Они возможны даже и теперь, как показывает случай, описанный Verga.

В период тяжелой холерной эпидемии в 1885 году жители деревни Корано, близ Неаполя, начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на одном из ближайших холмов, где стояла часовня.

Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начало стекаться множество народа.

Видение это продолжалось до тех пор, пока итальянское правительство не приняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения внушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других.

Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психической неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мыслей, которые тотчас же путем невольного внушения сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большую

частью роковое, значение. Известно, что в Габсбургском доме, например, такую галлюцинацией, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения кончины и передается из уст в уста в виде семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавалась боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали совершенно случайно или намеренно от выстрелов из ружья или револьвера.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и *самовнушение*, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив того, нередко действует даже вопреки всякой логике.

Кому не известно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует?

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств. Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольном настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, **могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, напр., предчувствие.**

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, **объясняются различные стигматы и даже периодические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа,** как показывает известный в медицинской литературе и тщательно проверенный видными научными авторитетами.

Но мы бы отвлеклись далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задалась целью подробнее разъяснить только что указанные явления нашей психической жизни.

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектантства, выражающиеся в крайне грубых формах. Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства тираспольских беспоповцев

погребением и замуравыванием живьем в подземельях 25 человек по их собственному желанию? Читая описание этого потрясающего события, перед которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников.

Ковалев, выполнивший этот обряд, погребен в Терновских хуторах над 25 сектантами, в числе которых были его мать, дочь и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе шести человек в подаемнной нише и была забрасываема землею.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения, как это случалось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в землю или до так называемого запощения или до уморения себя голодом еще далеко. Не подлежит, однако, сомнению, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет крайне благоприятные условия для поддержания и развития религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву. Эта проповедь действует в этих случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному решению «соблюсти благочестие без отступления», согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься. Исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольничьего скита.

Время не позволяет долее останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль.

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях. На этих психопатических эпидемиях отражаются, бесспорно, прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что эти эпидемии развиваются главным образом путем взаимовнушения и самовнушения.

Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в Средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения. Вот, например, средневековой пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим

следуют другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоудержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные воззрения о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит, таким образом, к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история Средних веков.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII век. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому как колдовство было недугом XVI века, а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения Средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали склонность к эпидемическому распространению.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски Св. Витта и Св. Иоанна, народного танца, носящего название тарантеллы, и, наконец, так называемого квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерах из Луи Дебоннера. **Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки.** Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производят движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, парализованными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений. Прочитав это описание современника, кто из невропатологов станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически.

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Филье:

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски Св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в., с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионируют, и конвульсионировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионированных как бы вперегонку друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье.

Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешерон, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле.

Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое «па», знаменитый скачок карпа (*saute de Carpe*), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище.

Однако эта мера не прекратила безумия конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для рассеивания ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию.

Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионированный предавался суду, специально учрежденному при Арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись».

Прочитав эти строки, можно ли сомневаться в том, что эти эпидемии конвульсионированных развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий? **Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на кострах и эшафотах, наверно, много более народа, нежели во всех, вместе взятых, войнах нынешнего столетия.**

Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявлявшихся в самых различных частях Европы, особенно в XVI веке, ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи Средних веков.

По описанию Реньяра, к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один прекрасный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: «Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером, или же на нем роскошный кафтан, осыпанный

драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом».

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков, или так называемые колдуньи по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазителя.

Другое не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху Средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая **бесоудержимость, т. е. обладание дьяволом человеческим телом**. Благодаря самовнушению эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

«Первая большая эпидемия этого рода, – по словам Реньяра, – произошла в мадридском монастыре.

Почти всегда в монастырях, и главным образом в женских обителях, религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекло за собою различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого донне Терезе еле исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена изо рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастная объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неопишуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но безуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами, прежде чем напасть на них».

Бесноватость бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией луденских урсулинок, беснования которых относятся к следующему 1631 году. «В Лудене существовала община урсулинок, посвятивших себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц.

Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем

несчастье товаркам. Результат получился как раз обратный – вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово «одержимость» было пущено в ход и принято всеми. Монах Миньон, сопровождаемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья мадам де Бельсьель объявила, что она одержима Астаротом, и, как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кроме того, утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как священники со Св. Дарами в руках гнались за ними; изо рта у них высывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было 7, у мадам де Сазильи – 8, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакорум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бред или в состояние полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю».

А вот, между прочим, сцены, которые разыгрывались в том же монастыре под влиянием заклинаний, заимствованные *из книги отца Иосифа*.

Однажды начальница пригласила отца отслужить молебен Св. Иосифу и просить его защиты от демонов во время говения.

Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквях.

Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в День поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы. Был уже поздний час, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед тем, кому поклонялись волхвы.

С этой целью он взял одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю.

Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакоруму пасть ниц и поклониться Младенцу Иисусу; демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия.

Тогда заклинитель пропел «Magnificat», и во время пения слов «Gloria patri» и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой было действительно переполнено злым духом, воскликнула: «Да будет проклят Бог-Отец, Сын, Святой Дух и все Небесное Царство!» Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы, во время пения «Ave Maria Stella», причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился.

Его спросили, зачем он вызывает на борьбу всемогущего Бога. «Я делаю это от бешенства, – ответил он, – и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим!»

Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме.

Отец Сюрэн вновь приказал Исаакоруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них... Исаакорум не покорился.

Последовавшее затем пение «Gloria» послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву.

Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакорума повиниться перед Божьей Матерью, во время которых у игуменьи появились такие сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи.

Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакорум, повергая ее на землю, воскликнул: «Да будет проклята Мария и Плод, который Она носила!»

Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покался перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пение гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться; он приблизился (т. е. довел тело г-жи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад, и послышался сильный голос, произнесенный как бы из глубины груди: «Царица Неба и Земли, прости!»

Нетрудно представить себе, что подобные заклинания не только не действовали успокоительно на окружающих лиц, но еще способствовали большему развитию бешенства у несчастных монахинь. В заключение следует заметить, что луденская эпидемия урсулинок кончилась трагически, так как несчастный аббат Грандье, обвиненный в чародействе, был подвергнут ужасным пыткам и истязаниям и был в конце концов сожжен на костре. Описания пыток и казни Грандье производят потрясающее впечатление, и я, щадя нервы своих высокочтимых слушателей, опускаю их, но всем интересующимся рекомендую прочесть несколько страниц, относящихся к этому предмету, у Реньяра (Умственные эпидемии).

Но как ни тяжела была казнь Грандье, сожженного живым на костре с раздробленными ранее ногами, она не успокоила беснующихся урсулинок, пока не было приступлено к их изолированию. «После того демоны стали еще преследовать молодых девушек в г. Лудене. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адский Лев, Ферон и Малон. Эпидемия распространилась на окрестности.

Девушки в Шиноне почти все подпали страшному недугу и обвиняли при этом двух священников в чародействе; к счастью, коадьютор пуатьевского епископства благоразумно повел дело и разъединил бесноватых.

Но еще замечательнее тот факт, что Миньон, искони считавшийся страной пап, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная луденская трагедия еще не изгладилась из памяти ее современников; истина относительно мученичества несчастного Грандье едва только успела выясниться, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью Св. Елизаветы в Лувье.

Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то по крайней мере точкой отправления для распространения недуга. Лувьевскими монахинями овладело желание посоперничать в деле набожности с своим духовным пастырем.

Они стали поститься по неделям, проводили в молитве целые ночи, всячески бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 года священник Пикар (духовник) внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились.

Их духовный отец стал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими начали делаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь: у несчастных являлось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и пользовалось их любовью.

Вид Св. Даров усиливал их бешенство; они доходят до того, что даже плюют на них. Затем монахини катаются по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин».

Современный богослов Лабретан, имевший случай видеть лувьевских монахинь, дает нам следующее описание их беснований:

«Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия страшное отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжающегося полчаса и более, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь, шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Это описание не оставляет сомнения в том, что дело идет в данном случае о проявлениях большой истерии, хорошо изученной за последнее время, особенно со времени классических трудов Charcot и его учеников.

Наше современное кликушество в народе не есть ли тоже отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных, ранее привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы при известных возгласениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в Средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости.

Во время отчитываний, которые производятся над такого рода больными, вероятно, еще и теперь в отдаленных монастырях глухой провинции, можно видеть те ужасные корчи, которым

подвергаются такого рода бесноватые при производстве над ними заклинаний, причем дьявол, вошедший в человека, может быть вызван на ответы и не скрывает своего имени, горделиво называя себя во всеуслышание Легион или Вельзевул.

Все эти сцены, которых случайным очевидцем мне приходилось быть еще в раннем детстве, без сомнения, являются результатом внушенных идей, заимствованных из Библии и народных верований.

Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в Средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре.

Впрочем, кликушество в народе хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками в тех или других местах нашей провинции, но во всяком случае в настоящее время оно уже не приводит к развитию грозных эпидемий, какими отличались Средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и бесоудержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества, и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдуньями правосудия и удовлетворения общественной совести.

Тем не менее до сих пор еще не лишены важного социального значения другого рода психопатические эпидемии религиозного характера, которые выражаются развитием некоторых форм сектантства в народе, носящих явные психопатические черты.

Об одной такого рода психопатической эпидемии религиозного характера, известной под названием малеванщины и развившейся у нас за последнее время на Юге, я могу сказать несколько подробнее, так как самое развитие эпидемии было более или менее близко прослежено врачами – специалистами по душевным болезням.

С самого начала я остановлюсь на виновнике этой эпидемии Кондрате Малеванном, несомненно психически больном субъекте, над которым я читал клиническую лекцию в Казанской окружной лечебнице в течение зимы 1892/93 года, еще до появления прекрасной брошюры проф. И. А. Сикорского, и уже тогда подробно разобрал как самую болезнь К. Малеванного, так и возникшую под влиянием его учения психопатическую эпидемию по присланным в лечебницу документам и собранным сведениям. Благодаря этому я имею возможность представить довольно полную историю болезни этой своеобразной и достойной внимания личности.

Кондрат Малеванный, 48 лет, малоросс, из мещан г. Таращи Киевской губ., неграмотный, женат, имеет 7 детей, колесник, принадлежал к секте штундистов, был доставлен 31 марта 1892 года в Кирилловские богоугодные заведения, около г. Киева, как больной хроническим помешательством, распространявший среди народа лжеучение, известное под названием секты малеванцев. В брошюре проф. И. А. Сикорского мы находим следующие сведения о Малеванном, почерпнутые на основании данных исследования в Кирилловских богоугодных заведениях.

«Малеванный – человек худощавый, высокого роста, с резкими чертами лица и резкими решительными жестами, говорит плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потоком собственной речи.

Родители Кондрата Малеванного злоупотребляли спиртными напитками; сам он начиная с молодых лет тоже предавался весьма неумеренному употреблению спиртных напитков, что продолжалось до сорокалетнего возраста его жизни.

Малеванный всегда был чувствительным к действию спиртных напитков, издавна страдал бессонницей, частыми приступами тоски, и ему нередко настойчиво приходила в голову мысль о самоубийстве.

С появлением в Юго-Западном крае штундовства Малеванный, томившись чувством болезненного беспокойства, искал перемены, и казалось ему, желаемый исход находится в этой новой вере. Малеванный оставил православие и с 1884 года стал штундистом.

Он сделался ревностным последователем секты, перестал злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовским религиозным упражнениям и среди молитвы и пения легко доходил до экстаза.

Состояние возбуждения, к которому его организм издавна привык и которое в течение многих лет достигалось употреблением спиртных напитков, теперь стало заменяться религиозным упражнением, проповедью и экстазом.

После нескольких лет такой жизни Малеванный стал страдать галлюцинациями обоняния и общего чувства. Это случилось в 1889 или в 1890 годах.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, не сравнимые ни с какими ароматами на земле, и Малеванный объяснял это необычайное явление близостью Св. Духа. Это был, по мнению Малеванного, запах Св. Духа.

Вскоре затем Малеванный стал испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тела; ему казалось, что он отделяется от земли, вследствие чего он стал во время молитвы невольно поднимать руки как бы с целью содействовать этому необыкновенному подъему. По словам Малеванного, и сам он чувствовал свой подъем, и окружающие видели, что он отделяется от земли вершков на пять.

Вскоре у Малеванного сформировался бред. Он убеждал, что в нем находится Св. Дух и что все, что он делает и говорит, исходит от Св. Духа.

Он также находится в постоянном и непосредственном общении с Отцом (т. е. Богом-Отцом).

Кроме того, Малеванный считает себя Иисусом Христом, Спасителем мира. Евангельский же Христос, по его мнению, не был исторической личностью, и все сказания о евангельском Христе суть только пророчества о нем – Малеванном. Доказательства своей божественности Малеванный видит в появлении того, что он называет *свидетельствами*, а именно в поднятии его тела на воздух, в появлении божественных запахов и в появлении ярких звезд, которых никогда раньше не было видно и которые видел как он сам, так равно видели в 25 государствах, что, по словам Малеванного, и описано в газетах целого света.

Уже в 1890 году у Малеванного во время молитвы и поднятия рук стали дрожать руки, а затем дрожания и судороги распространились и на другие части тела.

Малеванный объяснял это вхождением в него Св. Духа, так как, по его словам, он был совершенно непричастен этим движениям, происходившим помимо его воли.

Дрожание и трясение Малеванного, которое нередко было ритмическим, производило большое влияние на простодушных окружающих Малеванного его поклонников.

Во время общих молитв, в ту пору, когда Малеванный начинал дрожать («*трястись*», по местному выражению), у некоторых присутствующих, особенно женщин, являлись также вздрагивания и судороги.

С этого времени вздрагивания сделались почти неизбежной принадлежностью молитвенных собраний, имевших место в присутствии Малеванного, отчасти и без него.

Уже с 1890 года Малеванный стал заменять молитву, которой прежде предавался, проповедью, в которой он утверждал, что он Спаситель мира, что скоро наступит Страшный Суд, в котором он будет судить людей, и потому он приглашал всех к покаянию.

В 1891 году Малеванный был по распоряжению властей освидетельствован относительно умственных способностей и помещен в психиатрическое отделение при Кирилловских богоугодных заведениях в Киеве.

По тщательном исследовании он оказался страдающим паранойей, уже перешедшей в хроническое состояние.

В течение своего более нежели годичного пребывания в больнице Малеванный постоянно обнаруживал описанные выше идеи бреда, по временам был подвержен галлюцинациям и, приходя в возбужденное состояние, импровизировал или чаще цитировал отрывки из того, что когда-либо было им читано и усвоено заучиванием.

Речь его носит характер автоматического потока фраз, сопровождаемых одними и теми же движениями, жестами и интонацией.

Течение его мыслей лишено последовательности. Такой же характер носит и так называемое Евангелие Малеванного – это записанная его поклонниками с его слов импровизация, не лишенная лирического оттенка, но лишенная последовательности, логического и грамматического смысла.

При исследовании физического состояния Малеванного обращает на себя особенное внимание извилистость черепных сосудов и налитие их кровью, что особенно резко выражается, как только Малеванный начинает говорить или проповедовать, хотя он при этом и не бывает возбужден. Очевидно, что это налитие кровью не есть следствие эмоционального возбуждения, а должно быть отнесено к другим причинам (вероятно, к алкоголизму, которым страдал сам Малеванный и его родители)».

Так как последователи не оставляли Малеванного в покое и во время пребывания его в Кирилловских богоугодных заведениях приходили слушать его проповедь к окнам и заборам больницы, то Малеванный по распоряжению начальника края был выслан из г. Киева этапным порядком в г. Казань для помещения в окружную лечебницу, где он и был всесторонне исследован как врачами лечебницы, так и мною.

Здесь мы дополним вышеприведенные данные лишь сведениями из скорбного листа психиатрической клиники при Казанской окружной лечебнице, могущими служить пополнением характеристики болезненного состояния Малеванного, упуская все то, о чем было уже упомянуто нами ранее.

Речь Малеванного и здесь сохранила вышеописанный характер, она была несколько ускорена, не всегда последовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами из Священного писания и вообще носила на себе характер проповеди или поучения. С врачами Малеванный всегда охотно беседовал.

О себе он передал, что с детства был внимательным и задумчивым. Когда он вырос и стал понимать отношения людей друг к другу, то они казались ему странными, повсюду он видел ложь и обман, и это обстоятельство его нередко волновало, и в его уме являлись вопросы: почему люди живут так безнравственно, где же Бог, могущий устранить все это и заставить людей жить в мире и согласии?

Недовольный христианской религией, он 10 лет тому назад перешел в секту штундистов и стал еще более задумываться о безнравственной жизни окружающих. Многих из них он старался помирить; стал восставать против дурных людских отношений и проповедовал всеобщий мир и любовь.

Окружающие стали над ним подсмеиваться и мало-помалу начали его преследовать. Так, напр., когда он шел по улице, он замечал, что над ним насмеваются, издеваются, хулят его, клеветают на него и вообще его преследуют.

Это преследование распространялось не только на него, но и на его жену и детей, когда, напр., они отправлялись за водой, их бранили и били.

По словам больного, он чувствовал призвание к своей проповеднической деятельности уже 6 лет назад, но в то время не мог еще хорошенько понять, что он будет иметь такое великое

назначение и обладать такой божественной силой, какая в нем теперь имеется.

В 1887/88 году к нему часто являлись различные лица, по его выражению – философы и миссионеры, то под видом священников, то чиновников из Петербурга и вели с ним беседы.

Во время этих бесед его душа испытывала особенно радостные ощущения, а у беседовавших часто капали слезы от жалости к нему за перенесенные и испытываемые им страдания.

На расспросы о своих преследованиях он иногда заявлял, что все будет подробно описано в пророчествах и что Дух Божий его называет сыном и уговаривает его без боязни идти всюду, куда бы его ни повели. После этого он стал еще усерднее проповедовать свое учение, заявляя, что все, о чем он говорит, принадлежит не ему, а духу, поселившемуся в нем. С этим духом он вел и теперь еще часто ведет беседы, причем дух говорит ему обыкновенно не прямо, а примерами.

Полагает, что преследования его происходят главным образом со стороны попов, которые неоднократно приходили к нему, уговаривая принять от них благословение. Но так как все эти уговоры оказались напрасными и совратить с истинного пути его не удалось, то им стало досадно, что Христос проявился не в их среде, а в нем, простом человеке.

Он уверяет, что по подстрекательствам попов народ стал преследовать не только его, но и его последователей, а полицейские забирали этих последователей и убивали. Они бы убили и его, если бы имели на то силу. Нередко его уводили в участок и там подвергали мукам.

Однажды его в участке били в продолжение четырех часов, до тех пор пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводит ни к чему, они стали ему совать в нос табак и другие гадости, и, несмотря на все эти мучения, он лежал недвижим, и тело его было неуязвимо.

После этих мучений четыре гонителя уверовали в него и заявили, что это не простой человек. Об этом факте, как и о многих других, было предсказано в пророчествах.

Сущность учения Малеванного, как она выясняется по его заявлениям во время пребывания в Казанской окружной лечебнице, заключается в следующем.

Дух Божий от сотворения мира носился над вселенной, отыскивая безгрешного человека. Этот Дух Божий нередко спускался на некоторых людей и отчасти соединялся с ними, вследствие чего они приобретали дар пророчества и писали пророческие изречения, но это соединение было временное, и Дух Божий опять витал над вселенной.

Теперь этот Дух Божий сошел и поместился в нем, Кондрате Малеванном, почему он и есть истинный Спаситель мира – Иисус Христос.

Вследствие этого соединения он получил особенную Божественную силу: он, Малеванный, может, напр., говорить и проповедовать на всех языках, он обладает способностью угадывать мысли и желания всех окружающих людей и т. п. Все, что бы он теперь ни говорил или делал, принадлежит не ему, а поместившемуся в его теле высшему духу.

Находясь под непосредственным покровительством этого духа, он решил обратиться в истинную веру всех неверующих-раскольников.

Раскол, уже приведший к различным религиям на земле, произошел следующим образом.

Было Священное писание и пророчества, но уже в этих пророчествах вкрались ошибки, и одна из самых главных ошибок заключается в том, что везде поставлено слово «было» вместо «будет». Сказано: «Был Христос, страдал и умер», а надо читать: «Будет Христос, будет страдать и т. д.».

Это Священное писание всем простым и неопытным людям читать не следует, так как в нем они, как в море или в пустыне, могут заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкование, которое дает им он.

Вследствие упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые из этого Писания начали выбирать только те «штрихи», которые им нравились и были полезны, все же другое, не подходящее, они отбрасывали в сторону.

Таких людей нашлось много, и каждый из них образовал новую, конечно извращенную, религию и стал зазывать к себе в последователи доверчивых людей.

Таким образом сложились магометанская, еврейская, «польская», немецкая, православная и многие другие религии, а их хитрые руководители назывались мулла, раввин, ксендз, поп и т. д.

Люди, как овцы, шли, гонимые каким-нибудь одним заблудившимся пастухом, или как целое стадо овец, манящее маленьким кусочком хлеба, не зная куда и зачем, быть может на бойню, где «толстошейный» поп или ксендз высосет из них кровь в свою пользу.

Далее Малеванный осуждает поступки и действия этих пастырей и ставит вопрос: «Какие же они руководители? Каждый начальник прежде всего должен быть строг и справедлив. Посмотрите, каждый полицейский за какой-нибудь безнравственный поступок тащит человека в часть и там возлагает на него наказание. А поп что делает? Какие грехи ему ни говори – он все произносит: «Прощаю и разрешаю – Бог простит». Что же из этого выходит? Выходит только то, что он потворствует злу».

Малеванный проповедует, что скоро наступит кончина мира, вся жизнь каждого человека, его поступки и грехи будут ясны для всех, как солнечный свет, и они понесут должное наказание; желая спасти этих несчастных, он и обращается к ним с проповедью. Все умершие не воскреснут, а последователи его будут жить вечно.

Он уговаривает всех жить в мире и согласии, ввиду скорой кончины не заботиться о материальном благосостоянии: все лишнее продать, иметь общую братскую кассу, из которой каждый неимущий мог бы брать, сколько ему нужно; оставить полевые и другие работы и все время посвящать молитве и слушанию его божественного слова. Такие последователи нашлись и, собираясь в его доме, подолгу молились. 15 ноября 1889 года во время такой усердной молитвы со своей братией (человек 18) на нем проявилось чудо-наитие Святого Духа. Малеванный поясняет, что это было в присутствии полицейских и других посторонних лиц, причем исполнилось все в точности, как сказано в пророчестве.

Вдруг его голова стала отделяться от тела и невидимою, как бы электрическою силой подниматься кверху, тело же оставалось на месте, и руки продолжали быть сложенными на молитву. В сердце ощущалось какое-то особенное радостное трепетание, а в глазах разливался темный цвет; затем голова опустилась снова на свое место, и он продолжал молиться.

На дворе в это время был туман, и, несмотря на то, ясно были видны звезды, и особенно одна, о которой говорится в Священном писании, что ее видели волхвы (по Малеванному, неверно; надо читать «увидят»). Эта звезда была видна во всех 25 государствах, и действительно, волхвы-астрономы ее не просмотрели: вскоре из Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звезда, доказывающая появление Христа, и мы-де веруем. Эта Вифлеемская звезда стояла над его городом три месяца. Эта звезда, как особая благодать Божия, переселилась потом в его тело. Затем впоследствии, когда он был арестован, в киевских газетах было пропечатано, что мы приняли Христа, называемого Кондрат Малеванный.

Далее Малеванный рассказывает, что за 40 дней до этого чудесного над ним проявления он молился и постился. С этого времени он окончательно бросил все свое домашнее хозяйство, потому что при всяком физическом труде у него появлялась сильная слабость и дух, поселившийся в нем, не позволял сосредоточиваться над работой.

Через неделю после первого проявления Божественной благодати над ним совершилось второе: его тело начало распинаться; **руки были как бы прибиты, а самое туловище как бы поднималось в воздухе и слегка покачивалось.** В сердце в это время ощущались вопросы и ответы, напр. вопрос: какая будет кончина мира? Ответ: будет Новый завет и новая жизнь, бесконечная и радостная... В прошлом году, когда он особенно сильно страдал, 17 мая померкла луна, а 25 мая – солнце, это продолжалось недолго и сменилось видением столба, одна половина его была совершенно черного, как смола, цвета, а другая темно-огненная («как будто огонь был смешан с сажей»). При этом видении в него уверовали некоторые полицейские и сказали: «Действительно, он святой человек».

В последнее время появилось четыре новых звезды, расположенных на небе крестообразно. Все эти чудеса и знамения предвещают скорую кончину мира. Об этом Малеванный рассуждает так: сейчас, по божеству, ночь, люди ходят и живут, не зная своего пути – как ночью, но скоро придет время, когда поступки всех людей так же ясно будут видны, как днем мы видим дорогу, тогда они все познают Бога и будут испытывать духовную борьбу, т. е. муку о своих грехах.

Люди грешные и строптивые будут испытывать эту борьбу в течение 6 лет, а люди, уверовавшие в него, только в течение одного года, потому что их страдания искупил он – Христос, который в течение 40 лет за них проливал в молитве пот и слезы.

По истечении 6 лет, проведенных в посте и молитве, все получают обновление, узнают, что душа их бессмертна, и войдут в Божий мир. Тогда явится Божественная сила, не описанная ни в какой книге, брэнное тело исчезнет, души не будут переселяться в новые брэнные тела, а будут только видимы друг для друга, как звезды небесные в бесконечные времена и на бесконечном пространстве.

Все живущее на земле умрет, и останутся только тела нетленные (камни, деревья и травы). Видимые ныне звезды – это души небесные. В прошедшие времена они иногда испускали свои лучи на избранных людей – пророков, и вследствие вхождения этих лучей во внутренность таких избранных они получали дар предсказания.

После вышеуказанных видений и наития на Малеванного Св. Духа число его последователей еще более увеличилось, они шли напролом, не обращая внимания на приставленную к его дому стражу. В силу этого по распоряжению киевского генерал-губернатора он был взят и посажен в Кирилловское богоугодное заведение.

Малеванный сообщил далее, что он имеет жену и 7 детей в возрасте от 7 до 20 лет. Все его дети обладают пророческим духом, и, несмотря на то, что они учились только в простой школе, они обладают большей премудростью, чем все прочие люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Далее он заявляет, что ежедневно он испытывает на себе проявление благодати Божией. На вопрос, в чем эта благодать выражается, он ответил, что ежедневно он в сердце и внутренностях испытывает до 1000 изменений: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно он по нескольку раз как бы умирает и воскресает; когда у него является тоска, то это состояние он отождествляет со смертью, наоборот, радость – с воскресением.

Его душа ежедневно невидимо обновляется, и из его тела расходится особенный, наподобие электричества, свет, видимый только истинно верующим на несколько тысяч верст; этот свет напоминает им о тех муках, какие он за них испытывает.

Среди окружающих он не имеет ни одного последователя, их сердца настолько загубели, что они не в состоянии понять его божественные слова; это его еще более мучает, и жить среди этих чудовищ, как он выражается, крайне тяжело. Он успокаивает себя только мыслью, что скоро наступит Страшный Суд и будет представлена книга, в которой с замечательной точностью будут описаны все его мытарства.

Окружающие суть не люди, а чудовища, надевшие только маску человека. Если бы эти чудовища были дикие животные, без речи, он жил бы с ними дружно, как с овцами, но так как они ежечасно произносят яд своими языками (ругаются), то он не может с ними жить в дружбе.

Но еще хуже «этого яда языка» их помыслы и желания, которые ему так же ясны, как и их дерзкие слова. Хотя он и находится здесь, в казанской лечебнице, тем не менее его дух постоянно раздает приказания во все концы мира, и все они исполняются; летом он слышит исполнение своих приказаний в громах и молнии, теперь же, когда этих явлений природы нет, ему сообщает об этих исполнениях тот же дух, который в нем поселился. С этим духом он ведет постоянную беседу и получает ответы, ощущаемые, однако, не органом слуха, а умом».

Малеванный заявляет, что если бы он запел в присутствии своей братии, то врач и вся вселенная затрепетали бы, но без его последователей ему запретил петь Тот, Кто в нем находится, – Бог-Отец, Сын и Дух Святой.

Врачу он это сообщил под некоторым секретом, будто бы из нежелания самого себя прославлять; об этом засвидетельствуют и скажут другие.

Далее Малеванный сообщил, что еще в 1891 году, в мае месяце, он видел, как его руки поднимались высоко в воздух, они касались даже туч, воздух при этом был темно-красного цвета. Вначале была полная тишина, потом послышался голос: «Готовься к смерти!» При этих словах его рубашка моментально была с него снята воздухом. Потом снова голос: «Приготовь и семью твою, пусть наденут белые рубашки, хотя и тяжело мне, но я погублю весь мир, а тебя с твоим семейством восхищу в неприступный свет, и ты будешь жить, как свет Солнца, Луны и звезд».

Это говорил какой-то дух, который то входил, то исходил из его тела.

При этом духи моря, молнии, громов, ветра и др. говорили ему, Малеванному, что им приказано не спасать живущих на земле людей, а губить.

Когда он услышал эти слова, у него явилось сильное сожаление, и он в течение 40 дней и ночей постился и молился и вот вследствие этой молитвы сначала выхлопотал спасение только своим последователям, а в 40-й день – спасение и всей России.

Надо заметить, что, какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непременно постарается перевести ее на духовное содержание и тогда, переходя от одного вопроса к другому, готов беседовать по целым часам.

Будучи спрошен, например, об окружающих больных, он ответил, что смотрит на них как на отступников Божиих; по его рассуждению, в каждом человеке должна присутствовать искра Божия, и вот от некоторых людей эта искра отступилась вследствие их греховности, от других – вследствие греховности их родителей.

Такие люди! Без этой искры не могут рассуждать по закону и вследствие этого размещаются по сумасшедшим домам, тюрьмам и острогам. Это «клятвопреступники, одержимые бесом». Когда его спросили, зачем же он помещается здесь, Малеванный с улыбкой ответил, что он помещается совсем по другому поводу, во-первых, потому, что он должен испытать все муки и гонения, а во-вторых, так сказано в пророчествах, он должен помещаться в казанской лечебнице.

Это он выводит следующим образом: «Были пророчества и *предсказания*», в этом-то последнем слове и есть уже намек на его помещение в казанской лечебнице: *предсказание, сказание, казание, Казань*.

Когда зашел разговор о других физических заболеваниях, то Малеванный объяснил их следующим образом: «Когда человек живет в грехе, он редко страдает телесно, но вот у него начинается внутренняя борьба, наступает раскаяние в грехах, он колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолевает телесная немощь, вследствие этой борьбы он теряет сон, аппетит,

его здоровье вследствие этого расстраивается, кровь волнуется, появляется воспаление костей и крови, а вследствие всего этого уже какое-нибудь физическое заболевание – тиф, горячки, лихорадки, нарывы и т. п. Видя припадок эпилепсии, Малеванный заявляет, что душа этого человека, почувствовав близость его, т. е. Малеванного, желает избавиться от своей темницы, т. е. грешного тела; это она трепещет и радуется, желая снова обращаться в звезду той или другой ясности».

Нужно заметить, что звезды более ясные, по Малеванному, – это души более добродетельных людей, менее ясные – менее добродетельных.

Появление холеры Малеванный объясняет наказанием Божиим, она поражает только клятвопреступников и вообще людей грешных, она будет продолжаться до тех пор, пока он – Христос – не погубит ее. На вопрос, скоро ли это случится, уверенно отвечает, что скоро.

Холере дана власть царствовать на земле, пока Христос не прославится в славе Божией. Он скоро будет исцелять не только холерных, но и одержимых всеми другими заболеваниями, хромым, слепых и увечных.

Говорит, что откровений у него и в настоящее время имеется много, но заявлять он может только о прошедших, о настоящих же и будущих ему пока еще запрещено говорить. Беседуя с врачом, он полагает, что это дух врача желает обновиться его божественным словом и желает, как всякий беседующий с ним, избавиться на Страшном Суде от мук.

У Малеванного имеется много и других бредовых идей, напр. о переселении душ; о том, почему все государства названы женскими именами: Россия, Англия, Америка, Азия и пр. Его дух может назваться премудрым плавальщиком, он носился над всеми государствами и везде тем или иным способом проявлял себя в различных мудрых лицах, теперь же, как предсказано в пророчествах, вселился в него, по телу простого человека, Кондрата Малеванного. Это дух Сына Божия, дух Христа вселенской церкви, как называет его вся община истинной веры.

Кроме того, Малеванный рассказывает, что 6 лет тому назад к нему приходил Иоанн Креститель под видом кронштадтского солдата. Этот солдат показывал ему свой билет и просился переночевать. Что это Иоанн Креститель, ему тогда сказал его Дух.

Слыша церковное пение в лечебнице, Малеванный осуждает обрядовую его сторону, говорит, что это делается с целью, чтобы предоставить ему больше муки, и вообще многие факты окружающей его жизни он старается связать с своим религиозным бредом. Он держит себя крайне однообразно – работой не занимается, только с некоторыми из больных, которых он признавал за здоровых, вел беседы духовного содержания, советуя вести себя скромно, помогать друг другу. Насчет духовенства говорит, что оно извратило религию, что не нужно креститься, так как это противно Евангелию. О себе заявляет, что он неграмотен, но что вследствие божественного наития он обладает такой премудростью, что если бы в числе его последователей нашлись лица, не знающие русского языка, то Дух вразумил бы его и он заговорил бы на неизвестных ему языках. С врачом охотно беседует, выдавая себя за проповедника. Ждет скорой кончины мира; тогда, по его мнению, для всех будет ясно, что он Христос – Спаситель мира.

Будучи приглашен в конце января на обычное совещание врачей, где производится разбор больных лечебницы, Малеванный с чувством рассказывал о своей проповеднической деятельности.

Из предварительных сведений, присланных в Казанскую окружную лечебницу, отметим следующее: «Ранее Малеванный помещался в киевском Кирилловском богоугодном заведении, куда был доставлен 31 марта 1892 года за лжеучение так называемой секты малеванцев.

Вследствие его учения его последователи оставили все свои полевые работы, распродали имущество, проводили время только в еде и молитве и ожидали скорой кончины мира.

Одна женщина в припадке фанатизма задушила свою шестилетнюю дочь. Последователей Малеванного было более тысячи, и они считали Кондрата за Христа.

В скорбном листе киевской лечебницы отмечено, что *проповедовать он начал после внушения этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особой силы.*

Вскоре после наития на нем проявилось знамение его божественного избрания, выразившееся, по его словам, в том, что он незримою силою был поднят от земли вершков на пять, что будто бы видели и окружающие.

Во время самого знамения и два дня спустя он испытывал особенно радостное ощущение в своем сердце, в последующие же дни появилась тоска. После этого знамения число его последователей заметно увеличилось».

Нужно заметить, что изложенный выше бред представляет собой несколько скомбинированный результат многократных бесед с Малеванным, так как речь его часто не имеет строгой логической связи и он не в состоянии в течение продолжительного времени поддерживать один связный разговор.

В приведенных выдержках из истории болезни Малеванного яркими красками обрисовывается его религиозный бред, который с течением времени под влиянием тех или других окружающих условий, понимаемых Малеванным как знамение свыше, еще более укрепился и развился в разных направлениях, сохранив, однако, все свои основные черты.

Мы не будем касаться здесь вопроса о происхождении и развитии бреда и галлюцинаций у Малеванного, страдавшего так называемым первичным сумасшествием или паранойей, так как вопрос этот может интересовать более всего специалистов, но отметим здесь приведенное выше указание, что «проповедовать начал Малеванный после *внушения* этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особенной силы».

Очевидно, что мы имеем здесь дело с внушающим влиянием обманов чувств, которое наблюдается и в других случаях и на которое я обратил внимание в одной из недавних своих работ.

Нельзя сомневаться в том, что обманы чувств, возникая из бессознательной сферы, нередко действуют на психическую сферу, подобно всякому постороннему внушению, и вызывают влечения и побуждения, против которых человек не в состоянии бороться, как и против действительных внушений.

Очевидно, что в этом отношении и галлюцинации Малеванного, действуя на его психическую сферу, подобно внушению, и подчиняя его сознание, привели его к тому проповедничеству, последствия которого мы знаем.

Если бы мы ближе вошли в развитие бреда Малеванного, то мы заметили бы, что эти галлюцинации, в свою очередь, до известной степени обязаны *самовнушению*.

Будучи субъектом, предрасположенным уже с раннего возраста, он ослабил свою нервную систему злоупотреблением спиртными напитками, после чего, перешедши в штундизм, начал усиленно предаваться молитве и религиозным упражнениям, причем здесь во время молитвы и религиозного экстаза начали у него впервые появляться обманы чувств в виде запахов, не сравнимых ни с какими ароматами на земле.

Таким образом, долго работавшая в религиозном направлении мысль во время подъема душевной деятельности, обусловленного религиозным экстазом, вылилась в форме, соответствующей религиозному чувству галлюцинации, которая, таким образом, является обязанной самовнушению, обусловленному господством в сознании религиозных идей. Последовавшие затем галлюцинации об отделении тела от земли, очевидно, также обязаны в значительной мере самовнушению, поддерживаемому чувством особой легкости тела, сопровождающей религиозный экстаз и умиление.

Таким образом, здесь, как и в других подобных случаях, обманы чувств обязаны своим происхождением в значительной мере самовнушению, и нужно иметь в виду, что этот род происхождения обманов чувств в той форме болезни, которою страдает Малеванный, представляется далеко не редким, на что, однако, до сих пор недостаточно обращалось внимания.

Появление такого рода обманов чувств, в свою очередь, действует на сознание, подобно внушению, и, укрепляя бред, вызывает побуждения, которым больной вполне подчиняется.

Таким образом, явление, в известной мере обусловленное самовнушением, само действует, подобно внушению. Но таков уж закон взаимодействия явлений в нашем организме, благодаря которому развивается столь губительно действующий *circulus vitiosus*.

Как бы мы вообще ни смотрели на основной характер болезни Малеванного, нельзя не признать, что в отдельных ее проявлениях играло известную роль самовнушение или внушение и, между прочим, склонность к проповеднической деятельности обязана внушающему влиянию обманов чувств, которым он был подвержен.

Для всякого непосвященного наблюдателя может, конечно, показаться странным, что заведомо душевнобольной, каким является Малеванный, мог найти себе поклонников, хотя бы и из простого народа.

Как бы ни был неразвит наш народ, но он чуток к основным религиозным догматам и логическим путем всегда с негодованием отвергнет мысль, что какой-то безграмотный мещанин является Христом, Богом-Отцом, Духом Святым, а евангельский Христос есть только миф.

Но внушение делает другое и вопреки здравой логике укрепляет в окружающих Малеванного лицах, склонных к религиозным возбуждениям, те самые мысли, которые проповедует Малеванный как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим. В результате развивается психопатическая эпидемия, принявшая грозные размеры и потребовавшая вмешательства властей.

По описанию проф. И. А. Сикорского, эта эпидемия, охватившая население до 1000 человек, проявилась в ненормальном настроении духа, выражавшемся необычайным благодушием, нередко переходившим в экзальтированное радостное состояние, не обусловленное какими-либо внешними мотивами, вообще жизнерадостным настроением и особенно чувствительностью.

Точнее выражаясь, малеванцы чувствовали себя как беззаботные дети, находящиеся в радостном или праздничном настроении духа.

Их идеи, а равно и поступки и действия вполне соответствуют их жизнерадостному настроению. Считая Малеванного за Спасителя и веря его проповеди, они живут в ожидании кончины мира, которую признают благоприятной переменой своего существования. Человек тогда не будет умирать, не будет ни заботиться, ни трудиться, так как все за него будет устроено Богом.

Они признают себя избранниками ввиду того, что они первые приняли новую веру и поэтому получают лучшую участь в будущем, тогда как все те, кто не хотел уверовать, будут осуждены на Страшном Суде.

В силу этих ожиданий Страшного Суда они отказываются от труда и заботы, предоставляя и то и другое неверующим; они продали или раздарили свое имущество, дабы не иметь в этом отношении никаких забот.

Свои поля они оставили необремененными под влиянием той же идеи предстоящего Страшного Суда. Дело дошло до того, что многие даже продали молочный скот и стали покупать молоко для своих детей православных.

На вопрос о причине безделья со стороны малеванцев можно было получить иногда следующий характерный ответ: «Если в мое сердце Отец или Дух (т. е. Отец небесный или Дух Святой) вложит желание, я исполню это желание».

Точно так же в объяснение своих нелепых или бессмысленных поступков нередко можно было слышать не менее характерное заявление: «Я чувствую, что Отец внушил мне, я чувствую, что Он побуждает меня так поступить, и т. п.».

Дальнейшей особенностью малеванцев является состояние психической усталости, пассивности или задержки воли с преобладанием над ней чувства. В силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездеятельностью, недостатком сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевнобольной Малеванный, по мнению малеванцев, есть истинный Бог и Спаситель мира, который установит новый порядок устройства вселенной, в силу чего Малеванный сделался предметом богопочитания. Вместе с тем резкую болезненную особенность малеванцев представляют обманы чувств и судорожные движения.

По словам проф. И. А. Сикорского, «размеры, в которых малеванцы подвержены галлюцинациям, можно назвать исключительными. Галлюцинации относятся главным образом к сфере обонятельной. Таких лиц среди малеванцев, которые не имели бы галлюцинаций, немного; большая часть имеет галлюцинации по временам».

Нередко галлюцинации обоняния будят спящего человека, и он просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость. Обыкновенно появившееся таким образом радостное состояние уже не покидает человека. У многих галлюцинации повторялись часто.

В общем «до 80 % исследованных лиц имели галлюцинации обоняния, из которых многие описывают свои галлюцинации весьма подробно». «Случалось, что в присутствии комиссии, посещавшей малеванцев, особенно среди религиозного или молитвенного настроения, многие из них одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающий воздух и прочие предметы, ища источник приятных запахов, которыми, как им казалось, наполнено было помещение. По рассказам всех имевших обонятельные галлюцинации, запахи были приятными. Одни называли эти запахи сладкими, другие – ароматическими, иные – неземными, божественными, иные, наконец, заявляли, что пахнет Св. Духом».

«Второе место после обонятельных галлюцинаций у малеванцев занимали галлюцинации общего чувства, напр. чувство легкости, воздушности своего тела, или его бестелесности, чувство как бы отделения от земли и поднятия на воздух.

У некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения (слышание повелений Бога, шепот Св. Духа, видение отверстого неба и его небожителей, появление звезд разнообразных цветов необыкновенной величины и ярких или необычное озарение и прыгание звезд и т. п.).

У большей части малеванцев галлюцинации являлись эпизодически, один-два раза, и затем исчезали, а у некоторых галлюцинации возобновлялись от времени до времени; у немногих, наконец, галлюцинации оставались в виде постоянного симптома».

Наблюдаемые у малеванцев «судорожные движения проявляются в трех видах. Наименее частый вид судорог – это крик, хохот, всхлипывание, судорожные слезы, икота, отрыжка и иные судорожные формы, свойственные малой истерии.

Но самой частой формой судорог являются также свойственные большой истерии разнообразные ритмические и подражательные движения, соответствующие различным профессиональным и привычным движениям и жестам, большею частью однообразным у одного и того же лица.

Хотя истерические судороги весьма различны по своему внешнему виду, но наиболее

часто наблюдается следующая общая картина.

Среди общего шума, крика и беспорядка одни падают, как сраженные молнией, другие восторженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, отвечающие разнообразным эмоциональным состояниям – радости, счастью, отчаянию, страху, ужасу, удивлению, мольбе, выражению физической боли, обнюхиванию, смакованию и т. д., то, наконец, подражают собачьему лаю, конскому ржанию и другим диким звукам». «Судорожные движения нередко длятся до изнеможения субъекта».

Нетрудно видеть, что как настроение духа, так и ряд бредовых идей, а также обманы чувств и, наконец, судорожные проявления в общем носят такое сходство как между собой, так и с явлениями, обнаруживаемыми распространителем секты Малеванным, что не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением прививным, т. е. обусловленным преимущественно взаимовнушением и самовнушением.

Проф. И. А. Сикорский, бывший на самих радениях, или молитвенных собраниях малеванцев, сам высказывается в том смысле, что, вероятно, у некоторых субъектов, особенно среди общих молитвенных собраний, обонятельные галлюцинации возникают путем внушений. Но, прибавляет он, «несомненно, что у весьма многих малеванцев галлюцинации совершенно самостоятельны и непосредственны и обуславливаются лишь состоянием организма и нервных центров, а не внешними воздействиями».

С этим последним объяснением, однако, вряд ли можно согласиться безусловно. Не подлежит сомнению, что состояние организма и нервных центров составляет благоприятную почву для развития психопатических явлений, но характер последних, т. е. настроения, бредовых идей и галлюцинаций, в данном случае представляет в такой степени стереотипное сходство даже в мелочах, что признать их самостоятельными, а не обусловленными по крайней мере в значительной мере взаимовнушением или самовнушением представляется невозможным. Равным образом и проявление судорог носит несомненные признаки зависимости их от взаимовнушения и самовнушения, как видно из самого развития их на молитвенных собраниях.

По заявлению проф. И. А. Сикорского, «сами малеванцы придают значение судорожным проявлениям, считая их несомненным действием Божественного начала в человеке».

Находясь на молитвенных собраниях, они ждут наступления судорог у кого-либо из присутствующих, радуются виду судорог, оживляются и восторгаются картиною судорог, и при первом появлении судорог во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву, реже при других условиях.

Но особенно часты и сильны бывают судороги в собраниях; всего же резче они проявляются в общих молитвенных собраниях, когда условия для взаимного внушения становятся наиболее благоприятными.

О значении самовнушения и внушения в развитии судорог свидетельствует, между прочим, и тот факт, что, несмотря на заразительность истерических припадков для взрослых, особенно мужчин, на детях они отражаются весьма мало, в особенности в возрасте от 3 до 8 лет. Это обстоятельство легко уяснить себе, если принять в соображение, что дети в вышеуказанном возрасте не могут проникнуться тем же религиозным возбуждением, как и взрослые, и, само собою разумеется, не могут также усвоить себе идею, что судороги являются свидетельством сошествия Св. Духа на человека.

Равным образом, следя за развитием отдельных случаев помешательства во время этой

психопатической эпидемии, нетрудно убедиться, что благодаря необычайной психической восприимчивости и здесь большое значение имеет как внушение, так и самовнушение. Прежде всего, читая описание этих случаев, нетрудно убедиться в большом сходстве психопатических явлений, особенно бредовых идей и обманов чувств, наблюдаемых у различных лиц, с теми явлениями, с которыми мы познакомились у душевнобольного Кондрата Малеванного. С малыми различиями здесь дело идет также о повышенном настроении духа, об ощущении радости в сердце, о превращении своей личности в святого или пророка, о слышании приятных неземных запахов, об отделении тела от земли, о тех или других видениях на небе, о слышании небесного голоса, о просветлении ума и об уразумении евангельских и библейских истин, о призывании к покаянию, о повелении проповедовать и пр. и пр. Благодаря восприимчивости такого рода психических натур нетрудно проследить и в отдельных случаях, какую огромную роль играет внушение или самовнушение в развитии их болезненных проявлений.

Вот, напр., образчик внушающей силы галлюцинаций, которым был подвержен один из малеванцев, крестьянин Ефим К. В течение около 5 лет подвергаясь волнениям и колебаниям по вопросу о переходе в штундизм, из которого затем в апреле 1892 года он перешел в малеванство, в мае 1892 года, вскоре после перенесенного им сочленового ревматизма, он начал подвергаться зрительным галлюцинациям. Однажды ему показалась на небе синяя книга с большими буквами; в другой раз он видел, как звезды сблизилась и сгруппировались в одну корону. Со времени перехода его в малеванство, т. е. с апреля 1892 года, его часто начали тревожить сновидения, происходившие в состояниях неглубокого сна, во время которых он видел Спасителя, т. е. Малеванного.

Во время одного из таких сновидений он услышал голос: «Пойди зажги свою избу и гумно, и тогда все уверуют, что эта вера (т. е. малеванщина) есть вера истинная». Это повеление начало тревожить его сердце в такой степени, что он среди дня произвел поджог, от которого сгорела его усадьба вместе с избой соседа.

Очевидно, что галлюцинация здесь подействовала совершенно подобно внушению, и трудно было бы найти какое-либо различие между искусственно произведенным внушением и тем внушением, которое производят галлюцинации. Можно разве допустить, что галлюцинации благодаря совершенно скрытому от субъекта их происхождению еще сильнее подчиняют сознание, нежели посторонние внушения.

Вообще надо заметить, что как в отдельных случаях, так и в целой массе развитие психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, в значительной мере обязано внушению, взаимовнушению и самовнушению. При этом мы ничуть не отрицаем важности влияния целого ряда указываемых проф. И. А. Сикорским нравственных и физических факторов (развитие штундизма, алкоголизм населения и пр.), составляющих благоприятную почву для развития эпидемии в населении; но несомненно, что непосредственным и главным толчком к развитию последней на подготовленной уже почве служило внушение в той или другой форме. Только этим путем и можно объяснить себе тот с первого взгляда непонятный факт, **что родоначальником малеванщины и ее распространителями явились лица помешанные.** Как справедливо замечает проф. И. А. Сикорский, «население, увлеченное брожением, усвоило себе парадоксальное параноическое мышление и логику помешанных и в силу этой болезненной логики стало разрешать основные вопросы жизни и религии при помощи сравнений и пустой игры слов».

Бред и болезненная логика помешанных явились образцом мудрости и подражания для населения, которое раньше обнаруживало здравую логику и здоровое мышление.

Это объединение здоровых с помешанными на почве болезненной логики является в истории человеческой мысли фактом глубоко интересным и в некоторых отношениях

загадочным. То, что случилось на наших глазах, случалось и раньше, и, чтобы не приводить многих примеров, сошлемся на факт, что некоторые действия Парижской коммуны 1871 года были плодом расстройства помешанных, которым толпа повиновалась слепо (Laborde).

Мы не без цели остановились несколько дольше на этой своеобразной, так недавно пережитой нами психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, так как и сам Малеванный, основатель секты малеванцев, был подробно мною изучен как душевнобольной при чтении клинического курса в Казанской окружной лечебнице и, с другой стороны, развитие всей эпидемии на месте было так подробно и обстоятельно изучено проф. психиатрии И. А. Сикорским.

Таким образом, эпидемии этой, в смысле ее изучения, посчастливилось, наверное, более, чем какой-либо другой. А между тем составляет ли она что-нибудь исключительное, не повторявшееся в другие времена и при других условиях? Ничуть не бывало. В этом отношении я вполне разделяю мнение проф. И. А. Сикорского, по которому нечто вполне аналогичное мы встречаем у некоторых наших сектантов, особенно хлыстов, духоборцев и скопцов. Знакомясь ближе с так называемыми радениями у хлыстов, нетрудно усмотреть в них сходственные и даже в известном отношении тождественные явления с тем, что представляет проявление большой истерии на радениях малеванцев. Следя за описанием радений и плясок хлыстов, мы встречаемся здесь с тем же повышением душевного настроения, с развитием психического экстаза и судорог такого же рода, какие мы встречаем и у малеванцев. У хлыстов мы встречаем даже радения и пророчества, вполне напоминающие нам вышеописанные радения малеванцев. Равным образом и описание радений и кружений с прорицаниями, судорожными и обморочными припадками у скопцов совершенно напоминает нам явления, наблюдавшиеся у малеванцев.

Существует даже тождество в основных верованиях малеванцев и хлыстов, а именно в возможности непосредственного общения человека с Богом в форме вхождения Св. Духа в человека во время истерических конвульсий. По словам И. А. Сикорского, «этого входящего духа чувствуют одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнению тех и других, дух обозначается судорогами и трепетанием. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые в экстазе малеванцами: «Ой дух, ой дух!», тождественны с хлыстовскими». По мнению этого автора, как у малеванцев, так и у хлыстов радения и религиозные упражнения стоят в тесном соотношении с истерией, которая, как мы знаем, благоприятствует развитию галлюцинаций, судорог и иных нервных припадков, признаваемых теми и другими за наитие Св. Духа, и которая дает столь благоприятную почву для внушения. Радения же этих сект составляют весьма благоприятную почву для развития как путем внушения, так и путем самовнушения истерических болезненных проявлений, признаваемых божественными.

Нам кажется, что в этом взаимовнушении заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имеют радения для малеванцев, хлыстов и скопцов – этих представителей секты, имеющих несомненно патологическую основу.

Обыкновенно принимают, что страсть к этим радениям объясняется перспективой ожидаемого экстаза радости.

Это объяснение, бесспорно, имеет свою реальную основу, но вряд ли только одной перспективой ожидаемого экстаза радости, обусловливаемого, как думают некоторые, движением, может быть объяснено неудержимое влечение этих сектантов к своим радениям.

По крайней мере не меньшую роль играет в этом отношении, на мой взгляд, то взаимовнушение, которое на таких радениях производится отдельными членами друг на друга и которое поднимает чувство восторга и упоения в них до необычайного напряжения, не достигаемого при иных условиях отдельными членами. Это же взаимовнушение сплачивает

отдельных членов сект на радениях в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящую одни и те же возгласы, исполняющую одинаковые по существу жесты и телодвижения.

Естественно, что это целое, являющееся источником недостижимых наслаждений, столь притягательно для отдельных членов, что заставляет их, несмотря на строгий запрет закона, под тем или другим предлогом устраивать свои радения и являться на них даже за десятки верст.

С другой стороны, в этой притягательной силе радений и молитвенных собраний вышеуказанных сектантов заключается, между прочим, в значительной мере и необычайное упорство этих грубых сект, с которыми оказывается бессильною борьба правительства и духовенства.

Быть может, найдутся лица, которые в развитии вышеуказанных эпидемий будут обвинять прежде всего невежество грубых масс народа, нашу культурную отсталость. Несомненно, что эти условия имеют неоспоримое влияние на развитие психопатических эпидемий, подобных вышеуказанным. Но они отражаются лишь на внешней форме и на внутреннем содержании таких явлений, но не более.

При большем умственном развитии, при большей культурности населения подобного рода психопатические явления с таким, если можно так выразиться, грубым содержанием, без сомнения, невозможны. Но в другой форме психопатические эпидемии являются вполне возможными и в интеллигентной части общества.

Всякий, вероятно, помнит, с какой чудовищной силой еще так недавно начал развиваться мистицизм в интеллигентной части нашего общества и как быстро вместе с тем начала развиваться настоящая спиритическая эпидемия. А между тем что такое спиритизм и его позднейшее видоизменение, известное под названием теософизма? Не есть ли это также своеобразное общественное явление, которое если не по внутреннему содержанию, то по внешности родственно сектам хлыстов, духоборцев и малеванцев, допускающим реальное общение с Духом? В этом отношении нельзя не согласиться с метким сравнением, которое сделано проф. И. А. Сикорским:

«Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнавать через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее – вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им в обыкновенных состояниях, и это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего через организм медиума или иным путем.

Подобно тому как хлысты или малеванцы, прорицая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или по крайней мере не признают как собственные, а, напротив, признают их чуждыми себе, совершающимися волею вошедшего извне духа, так же точно и пишущий или вертящий столон спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им, как простым орудием».

«Относя к одной общей категории малеванцев, хлыстов и спиритов, мы не можем не закончить этого сравнения сопоставлением скопческих и хлыстовских *прорицаний* с *откровениями* спиритов. Если первые большей частью лишены смысла или по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, то и все то, что успели сообщить спиритам их духи, совершенно посредственно или ничтожно и, по справедливому замечанию английского мыслителя, «не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни» (Карпендер)».

Итак, возникновение психопатических эпидемий, подобных вышеописанным, возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, производимое устно и печатно. Надо, однако, иметь в виду, что психическая зараза проявляется не только распространением психопатических эпидемий, но и распространением психических эпидемий, которые не могут считаться патологическими в узком смысле слова и которые, несомненно, играли большую роль в истории народов. Такого рода психические эпидемии происходят и в современном нам обществе, и притом не особенно редко. **Один из ярких примеров психических эпидемий, правда кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой.** Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение и которая получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу. Из лиц, бывших на театре последней русско-турецкой войны, многие, вероятно, вспомнят при этом случае о тех паниках, которые неоднократно охватывали население Систова во время нашего Плевненского сидения.

Так как паника касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому, то она развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и среди простолюдинов. Условиями же ее развития должна быть неожиданность в появлении всеми сознаваемой опасности, на какой-либо почве достаточно малейшего толчка, действующего, подобно внушению, чтобы развилась паника. Так как чувство самосохранения свойственно и животным, то понятно, что паника возможна и среди животного царства. В этом случае могут быть приведены поразительные примеры развития таких паник при известных условиях среди домашних животных, которые называются стампедами и которые приводят к не менее печальным последствиям, нежели людская паника. Известны примеры, что целые стада домашних животных под влиянием таких стампед погибали в море. Но возвратимся к паникам, развивающимся при известных условиях среди людей.

Однажды мне самому во время моего студенчества пришлось вместе с другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описание этого случая не лишено известного интереса в связи с рассматриваемыми нами явлениями.

Дело было в течение зимы 1875/76 года, когда произошел взрыв от случайного воспламенения 45 тысяч пудов пороха на пороховом заводе близ Петербурга.

Все жившие в то время в Петербурге, вероятно, помнят тот страшный звук, который произошел от этого взрыва и от которого полопались стекла в значительном числе домов на набережной Большой Невы. Мы сидели в то время на лекции покойного профессора Бессера в аудитории одного из деревянных барачков, занятых его клиникой.

Вдруг во время полного внимания всей аудитории раздается оглушительный звук, потрясший все здание барака до его основания. В эту минуту никто не мог понять, что такое случилось. Мне показалось, что должен рушиться потолок здания, и я, сидевший впереди всех у окна, невольно поднял на мгновение голову к потолку; тотчас же после этого я услышал непонятный для меня шум в аудитории, и, обернувшись, я увидел, что все сидевшие в аудитории оставили скамьи и ринулись к дверям, давя друг друга и перепрыгивая по скамьям. Увидев всех бегущими, я сам направился к дверям, хотя проникнуть через них вследствие

большого стеснения товарищей в дверях не представлялось уже возможным. Впрочем, паника прекратилась тотчас же, как только аудитория почти вполнину очистилась. Тогда, очнувшись, никто не знал, в чем дело, и никто не мог себе отдать ясного отчета, почему он бежал вместе с другими. Все сознавали, что, однако, произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушением всего здания. К счастью, все обошлось благополучно, и лишь некоторые пострадали при давке, отделавшись ушибами, вывихами рук и другими несерьезными повреждениями.

В этом случае причиной паники явились два момента: внезапный и сильнейший стук, потрясший все здание и вселивший ужас в массу слушателей, и, с другой стороны, невольный взгляд одного из слушателей к потолку, внушивший или укрепивший идею о разрушении здания.

Подобные паники случаются вообще нередко при всевозможных случаях, внушающих мысль о неминуемой опасности, и, как известно, нередко являются причиной огромных бедствий. Всякий знает, что в театрах, церквах и в других многолюдных собраниях достаточно произнести слово «пожар!», чтобы вызвать целую эпидемию страха или панику, быстро охватывающую все собрание и почти неминуемо приводящую к тяжелым жертвам. Случившаяся недавно катастрофа на благотворительном базаре в Париже дает наглядное представление о тех ужасных последствиях, к которым приводит паника.

Так как паника является следствием внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакие рассуждения и убеждения не могут устранить паники до тех пор, пока сама очевидность не рассеет внушенной идеи. Вот почему военачальники более всего опасаются развития паники в войсках, обычно ведущей к печальным последствиям.

В зависимости от условий, содействующих устранению внушенного представления о неминуемой опасности, стоит и продолжительность паники; иногда она является лишь кратковременною, в других случаях более продолжительною и, следовательно, более губительною.

Но кроме такой астенической эпидемии, выражающейся в панике, мы знаем психические эпидемии другого рода, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидным психическим возбуждением. Такие эпидемии под влиянием соответствующих условий иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватых огромными последствиями.

Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или другой период истории, представляют собой также своего рода психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями.

Один из ярких исторических примеров таких психических эпидемий мы видим в крестовых походах, являвшихся последствием несомненно привитой или внушенной идеи о необходимости освобождения Святого Гроба. Вспомните несчастный крестовый поход детей, предводительствуемых галлюцинантом, и вы легко уясните, какую силу приобретало в то время внушение и взаимовнушение, находившее себе благоприятную почву в господствовавших в то время религиозных заблуждениях, и почему оно было в состоянии подвинуть народные массы того времени на отдаленные и разорительные походы.

В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обуславливается столь могущественное действие психической инфекции – этого психического микроба, лежащего в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию

обыкновенной физической заразы, способствует более всего известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные сборища во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

В этом случае должно строго отличать простое собрание лиц от сборища лиц, воодушевленных одной и той же идеей, волнующихся одними и теми же чувствами.

Такого рода сборища сами собою превращаются как бы в одну огромную личность, чувствующую и действующую как одно целое. Что, в самом деле, в этом случае связывает воедино массу лиц, незнакомых друг другу? Что заставляет биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ можно найти только в одной и той же идее, связавшей этих лиц в одно целое, в один сложный и большой организм. Эта идея, быть может, вселена в умы некоторых лиц путем убеждения, но она для многих лиц в таких сборищах, без сомнения, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших его действиях главнейшая руководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения.

Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?

Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу; достаточно заметить, что нет никакого основания придерживаться заявленного в литературе мнения об особых «психических волнах», распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению.

Такие «волны» никем и нигде не были доказаны; но не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Без сомнения, та же самая сила внушения действует и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Нельзя, конечно, оспаривать того, что **дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее, колоссальное тело, но последнее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих.** Вот почему умение поддержать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под

влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но в отличие от последних внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. **Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам.** Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из «Войны и мира» на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для спасения себя одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию!

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу или организовавшимися в тайное общество, по справедливому замечанию Тарда, нисколько не препятствуют быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща. В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, можно сказать мгновенно, часто по внушению толпа изменяет свои чувства, показывает рассказ Ph. de Segur об одной толпе 1791 года, которая в окрестностях Парижа преследовала одного богатого фермера, будто бы нажившегося на счет общества. В ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собою вокруг дерева свободы, тогда как за минуту перед тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело идет не об одном только социальном объединении, но и о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению.

...Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения и самовнушения.

Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон Первый и пр., окружались благодаря народной вере в силу их гения таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц, подобно внушению, невольно увлекая за

ними массы народов, чем, без сомнения, в значительной мере облегчалось и осуществление принадлежащей им исторической миссии. Известно далее, что даже одного ободряющего слова любимого полководца достаточно, чтобы люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов, и в особенности в тех исторических событиях, в которых активной силой являлись народные собрания...

...О в высшей степени важном вопросе, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории.

Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силою вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей чередой вне всякой зависимости от влияния на них отдельных личностей.

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений.

О роли внушения в общественной жизни (часть 2)

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробов, что, на мой взгляд, не лишнее вспомнить и о «*contagium psychicum*», приводящем к психической заразе, микробы которой, хотя и не видимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом – где бы мы ни находились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными...

...Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удается далеко не у всех.

Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим.

Это внушение происходит незаметно для лица, на которого оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на

всех производит, например, появление одного веселого господина в скудном обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного, монотонного делается очень веселым и оживленным.

В свою очередь, оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения, или естественного прививания психических состояний, от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным взаимовнушением...

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее.

...Возникает, однако, вопрос, каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психическое состояние других лиц и подчинять нас своему влиянию. Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено, в сущности, ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанною.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться тем же путем, как передается вообще влияние одного лица на другое, то есть при посредстве органов чувств.

В сущности, невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действует везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего обращаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

...Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру эффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно. Эти коллективные и массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явлений. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были проведены обычные в таких случаях морские

похороны, т. е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится, между прочим, известное видение креста на небе с надписью «симъ победишь» – видение, испытанное воинами Константина Великого перед началом решительной битвы.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и самовнушение, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению...

...Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектанства, выражающиеся в крайне грубых формах.

Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства Тираспольских беспоповцев погребением и замуравливанием живьем в подземельях 25-ти человек по их собственному желанию. Читая описание этого потрясающего события, пред которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников...

...Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в Средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII век. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому, как колдовство было недугом XVI века, а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски св. Витта и св. Иоанна, народного танца, носящего название тарантеллы, и, наконец, т. н. квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Наше современное кликушество в народе не есть ли тоже отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных ранее привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы, при известных возглашениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в Средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости.

Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в Средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре.

Впрочем кликушество в народе, хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками в тех или других местах нашей провинции, но во всяком случае в настоящее время

оно уже не приводит к развитию грозных эпидемий, какими отличались Средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и бесоудержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдуньями правосудия и удовлетворения общественной совести.

...В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обуславливается столь могущественное действие психической инфекции – этого психического микроба, лежащего в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию обыкновенной физической заразы, способствует более всего известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные сборища во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

...Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?.. Не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Без сомнения, та же самая сила внушения действует и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Нельзя, конечно, оспаривать того, что дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее, колоссальное тело, но последнее, для того чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внешней той идее, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему умение поддержать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются героические подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось бы, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но в отличие от последних, внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким

и даже безнравственным поступкам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединявшаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, пред которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из «Войны и мира» на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для спасения себя одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию!

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу или организовавшимися в тайное общество, по справедливому замечанию Тарда, нисколько не препятствует быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща. В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, можно сказать, мгновенно, часто по внушению, толпа изменяет свои чувства, показывает рассказ об одной толпе 1791 года, которая в окрестностях Парижа преследовала богатого фермера, будто бы нажившегося за счет общества. В ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собою вокруг дерева свободы, тогда как за минуту пред тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело не идет об одном только социальном объединении, но и о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению.

Но то же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим в известной мере и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга и в зависимости от качества получаемой ими «инфекции» волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям, а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут

считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом «внушение», является в значительной мере нивелирующим элементом и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, т. е. выигрывает или проигрывает.

В этом нельзя не видеть важного значения внушения, как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы, внушение и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс.

И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений.

И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий. **Тем не менее нельзя не признать, что внушение в других случаях является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы, как одно целое, к величайшим подвигам, составляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.**

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс заключается в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям...

Внушение и воспитание

...Особая впечатлительность детей стоит в тесной связи и с необычайной их внушаемостью, благодаря которой ребенку легко прививается как все дурное, так и хорошее.

Как велико значение внушения в детской жизни, показывает, между прочим, тот факт, что маленькие дети легко успокаиваются после ушиба, коль скоро подуть на ушибленное место...

Известно далее, что маленькие дети успокаиваются в присутствии близких им лиц и тотчас же быстро засыпают.

Поразительно также, как легко дети подвергаются чувственному внушению. Достаточно, чтобы окружающие обнаруживали веселое настроение, и это настроение тотчас же заражает и детей; с другой стороны, испуг и растерянность старших тотчас же передается и ребенку.

Witlasek (немецкий психолог. – Ред.) сообщает, что при рассматривании картин ему удалось прививать детям по желанию ту или другую чувственную реакцию в зависимости от того, обнаруживал ли он сам удовольствие или неудовольствие при представляемом предмете.

Plschst (немецкий психиатр. – Ред.) также имел аналогичные наблюдения. Поставив стакан на стол, наполненный не совсем крепким уксусом, он выпивал его в присутствии маленькой девочки со всеми признаками удовольствия, после чего и девочка просила о том же и выпивала полстаканчика. Хотя лицо девочки при этом стягивалось, но она произносила

«хорошо» и требовала вскоре после того еще и остаток. В другом случае на вопрос: «Хороша ли твоя кукла?» – получался энергичный ответ: «Да», но, когда автор отходил с замечанием, что кукла дурная и что она злая, девочка клала куклу со страхом или бросала ее в угол, хотя в другое время она ее обожала.

Благодаря поразительной внушаемости и свидетельские показания детей страдают неправдивостью, в чем согласно большинство авторов.

Pisсher приводит поразительный пример внушаемости детей из своей собственной практики, иллюстрирующий только что сказанное.

Он спросил около 11 часов дня своих учеников: не видал ли кто из них что-либо лежавшее на его столе? Никто ничего не сообщил. На его дальнейшие вопросы, не видал ли кто-либо положенный им ножик, из 54 учеников 29, т. е. 57 %, ответили, что они его видели, и притом ответило таким образом известное число таких учеников, которые со своего места не могли ничего видеть; 7 учеников видели даже, как он ножом резал бумагу и после того положил ножик, 3 – как он чинил карандаш и 1 – как он отрезывал резинку для физических опытов. На объяснение Pisсher'a, что ножик после перерыва в занятиях исчез со стола, первоначально было молчание, затем стали выяснять, что мальчик Г., который за короткое время перед тем обвинялся в воровстве, во время перерыва в занятиях держался вблизи стола, как бы желая осмотреть поставленные аппараты. В действительности автор в течение всего предобеденного времени не вынимал ножа из своего кармана. Ученик Г. вышел из комнаты в числе первых и во время перерыва находился все время на школьном дворе в непосредственной близости с ним.

Как велико внушающее влияние на детей даже простых вопросов, показывают известные опыты Stcm'a (немецкий психолог. – Ред.), показывающие, между прочим, как и предыдущий случай, какую ценность могут иметь свидетельские показания детей на суде. Автор предъявлял испытуемым детям картинку в течение U секунды и требовал от детей, чтобы они сообщили о виденном, после чего предлагал им заготовленные ранее вопросы.

Оказалось, что при простом сообщении число ложных ответов достигало 6 %, при опросах оно достигло 33 %.

Этот результат объясняется тем, что всякий вопрос до некоторой степени оказывает уже внушающее влияние на испытуемого...

Поразительной детской внушаемостью объясняются, между прочим, и такие явления, как детские психические эпидемии, и в числе их одно из поразительных явлений этого рода представляет собою детский крестовый поход 1212 года.

(СПРАВКА РЕДАКЦИИ. В мае 1212 года, когда немецкое народное войско прошло через Кельн, в его рядах насчитывалось около двадцати пяти тысяч детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. В хрониках XIII века более пятидесяти раз упоминается этот поход, который получил название «Крестового похода детей». Во Франции в мае того же года у пастушка Стефана из Клуа произошло видение: ему «явился» Иисус в образе белого монаха, велел встать во главе нового Крестового похода, в котором приняли бы участие лишь дети, дабы без оружия с именем Божиим на устах освободить Иерусалим. Возможно, идея крестового похода детей была связана со «святостью» и «непорочностью» юных душ, а также суждением, что им не может быть причинен физический вред оружием. Пастух начал так страстно проповедовать, что дети убежали из дома вслед за ним. Местом сбора «святого войска» был объявлен Вандом, в котором к середине лета по оценкам собрались более 30 000 подростков. Стефан почитался чудотворцем. В июле они с пением псалмов и хоругвями отправились в Марсель, чтобы отплыть на Святую Землю, но о кораблях никто заранее не думал. К воинству часто присоединялись преступники; играя роль

участников, они жилились за счет подаяний благочестивых католиков. – Ред.)

Можно ли в самом деле иначе объяснить, как силой внушения, странное влечение детей, которые вопреки воле родителей выскакивали из окон, чтобы присоединиться к проходящим детским толпам, направлявшимся в Святую Землю с целью освободить Гроб Господень.

Сумасшедшая идея освободить Святой Гроб с помощью детских рук подавляла совершенно в детях всякий страх перед неизвестностью и увлекала их под видом чарующей воображение мнимой божественной миссии на путь верной гибели и рабства.

С тех пор столь грозных детских эпидемий не случалось в истории отчасти, может быть, потому, что дети ныне живут обыкновенно в условиях, исключающих большое их скопление на улицах.

Однако в школах детские психические эпидемии случаются сплошь и рядом.

Они описывались многими авторами, и вряд ли нужно приводить здесь примеры таких школьных эпидемий. Чаще всего они выражаются в распространении среди детей судорожных и иных форм истерии и истерической хореи.

Хотя в происхождении этих детских психических эпидемий играют роль такие явления, как наследственное расположение, малокровие и т. п., но, собственно, непосредственной причиной здесь все же является психическая зараза, основанная на внушающем действии примера и переживании соответствующей эмоции.

Всем известно, что достаточно одного истерического или эпилептического приступа среди детей, чтобы в известных случаях развилась целая судорожная эпидемия, захватывающая нескольких школьников.

Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдаленных путешествий, например в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюль Верна и др. Так, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу, чтобы охотиться за белыми медведями.

Чтение книг, действующих на воображение, вообще оказывает на детей огромное внушающее влияние. Известны примеры, что дети совершали тяжкие преступления исключительно под влиянием чтения книг, в которых описываются преступления и где сами преступники являются героями. Так, четыре 13-летних мальчика под влиянием чтения разбойничьих историй основали воровскую шайку и совершили ряд больших краж.

Тот же автор сообщает, как в 1908 году после наделавшей большого шума истории с вымогательством посредством угрожающих писем, направленных к одному богатому мюнхенцу с требованием 100 000 марок, последовал целый ряд подобных же историй с вымогательством путем угрожающих писем и в других местах Германии, причем виновниками всех этих историй оказались дети в возрасте, не превышавшем 15 лет. Нет надобности говорить, что в России в период экспроприации эти явления были обычными и, вероятно, из России они и распространились на Германию.

В России они нередко совершались также подростками и детьми из подражательности и под влиянием описаний, которыми в то время были наполнены столбцы газет.

Эти подражательные детские преступления случаются у нас в изобилии еще и в настоящее время. Мы то и дело читаем о детских играх в «стражников» и в «экспроприаторов», об играх в «смертные приговоры» и в «самоубийство».

Еще недавно газетные известия со станции Провенишки сообщили о результате детской игры в «Столпына» и «Богрова», и осужденному «Богрову» была накинута детьми веревка на шею, которую зацепили за забор на высоте 2 арш. «Богров» сорвался и повис на веревке. Когда прибыл отец, повешенный ребенок оказался уже мертвым. По тем же газетным известиям, в

Саратове три ученика рисовального училища в возрасте от 14 до 16 лет оказались серьезными экспроприаторами. Один из этих мальчиков, 14-летний Коля, неожиданно исчез. Вскоре получилось письмо в дому, что «Колю держат члены организации социалистов-революционеров», требуя «выслать 5300 р. за выкуп». Авторами этого письма оказались два товарища Коли, Петя Власов и Сережа Баукин. Образовав шайку экспроприаторов, они приобрели себе браунинги и кинжалы. Посвященный в это дело Коля будто бы стал «пробалтываться». Тогда двое товарищей решили с ним покончить. Они потребовали, чтобы он взял у отца браунинг и кинжал, и заявили ему, что покажут ему фокус в загородной пещере, где решили собраться для экспроприации. Когда пришли в пещеру, Коле было приказано играть похоронный марш на мандолине и смотреть на ожидаемый фокус, а в то же время Сережа Баукин, зайдя сзади, выстрелил ему в затылок. Несчастный Коля упал навзничь, после чего Сережа Баукин еще выстрелил ему два раза в лоб. Нечего говорить, что подметное письмо о 5300 р. было подброшено нарочно, для отвода глаз.

* * *

Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности.

...число рецидивизма колеблется в зависимости от организации тюрем. Так, например, в Бельгии рецидивизм достигает 70 %, во Франции – 40 %. С введением одиночного заключения рецидивизм понижается до 10 %, а через индивидуализированные наказания – до 2,68 %.

Ясно, что высокие цифры рецидивизма при общем тюремном содержании детей зависят от повышенной детской внушаемости.

Равным образом известны и самоубийства под влиянием тех же условий. Н. Piecher рассказывает, как одна 17-летняя девушка, Fanny Schneider из Wüihelmshafen, решила покончить с собою, открывши кран газового рожка. Причиной было то, что она начиталась романа, под влиянием которого ей захотелось однажды «так же прекрасно» умереть, как описывалось в этом романе. Будучи уже мертвой, она еще держала в правой руке книгу своего романа.

Внушение как причина самоубийства в юношеском возрасте отмечается весьма многими авторами. **Один из поразительных примеров, где одной из причин самоубийства явилось внушение, представляет следующий случай.** Молодая девушка 25 апреля 1890 года бросилась на рельсы пред локомотивом и была раздавлена. При ней была найдена записка, в которой говорилось, что она уже давно преследовалась мыслями о самоубийстве. Причина этого заключается в том, что ей еще в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни. «Это верно, но не надо было мне об этом говорить», – значилось в записке.

Еще более яркими примерами детской внушаемости являются патологические случаи, особенно же случаи развития нервных состояний под влиянием внешних впечатлений. Всем известно, например, что испуг, простой испуг, служит одной из частых причин развития падучей, которая в таких случаях нередко остается на всю жизнь.

Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод о преимуществах одиночного заключения для малолетних, как и для взрослых, преступников. Притупляющее влияние одиночного заключения на умственное развитие настолько значительно, что не может быть и речи о том, чтобы применение его в какой-либо мере можно было оправдывать не только в применении к детям, но и к взрослым. Для детей-преступников во всяком случае наиболее благонадежным средством является лишь перевоспитание их в хорошо устроенных детских колониях...

Не менее убедительным доказательством детской внушаемости является развитие

половых извращений. Хотя многими признавалось и признается, что половые извращения являются результатом неблагоприятной наследственности и прирожденных уклонений, но несомненно, что кроме условий невропатической наследственности большинство из них обуславливается главным образом детской впечатлительностью, приводящей к тому, что однажды пережитые впечатления, почему-либо сопровождавшиеся эротическим возбуждением, сохраняются в виде прочной ассоциации наподобие сочетательного рефлекса, благодаря чему иногда на всю жизнь упрочивается связь двух явлений – данного внешнего впечатления и эротического возбуждения – в такой мере, что каждый раз вместе с возникновением того же впечатления наступает и эротическое возбуждение, с повторением же этого возбуждения при необычных условиях нарушается и даже утрачивается возможность нормальной половой функции...

Вот почему ребенок благодаря своей необычной впечатлительности должен быть оберегаем от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе.

...С другой стороны, во всех тех случаях, в которых дело идет уже о привившихся дурных привычках или других каких-либо ненормальных проявлениях, необходимо по возможности немедленно прибегнуть к систематическому врачебному внушению, которое может быть, смотря по случаю, гипнотическим внушением, или же просто внушением в бодрственном состоянии, или тем или иным видом психотерапии.

Что касается гипнотического внушения, то оно уже успешно применялось некоторыми авторами в случаях тех или других ненормальных состояний у детей.

Так, уже Scillon приводит случай излечения у 14-летней наследственно обремененной девочки онанизма, начавшегося с 4 лет, и одновременно с тем упорного грызения ногтей. Тот же автор сообщает об излечении с помощью гипнотического внушения склонности к воровству у одного мальчика. В другом случае тем же путем был избавлен мальчик 12 лет от навязчивого страха, имевшего предметом смерть бабушки. Доктор Wetfcrstrand излечил 9-летнюю девочку гипнотическим внушением от непроизвольного ночного недержания мочи (Rude). Доктор Licbcault с успехом пользовался гипнотическим внушением мальчика от лени. **Даже один идиот, не имевший возможности вследствие недостаточного внимания научиться ни читать, ни считать, благодаря систематическим гипнотическим внушениям, производимым Licbcault, спустя два месяца мог выучиться читать и вместе с тем мог обходиться с четырьмя правилами арифметики.**

Доктор Rude также сообщает о случае с мальчиком, у которого он путем гипнотического внушения возбудил не существовавший ранее интерес к химии, поддерживавшийся в течение нескольких дней; тому же мальчику автор с успехом путем внушения прививал также интерес к орфографии, к этимологии, к псалмам и к библейской истории.

Уже вышеизложенные примеры показывают, что гипнотическое и вообще врачебное внушение является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений. В сущности говоря, в такого рода случаях простого воспитания, как бы старательно оно ни велось, недостаточно, чтобы достигнуть желаемых результатов. Неизбежность применения в подобного рода случаях специальных способов внушения тем именно и обуславливается, что эти случаи суть уже болезненные случаи, нуждающиеся не в воспитании только, но и в лечении...

Если применение гипноза почему-либо может оказаться нежелательным, следует пользоваться внушением в бодрственном состоянии, для чего ребенку предлагают лишь закрыть глаза и затем начинают с ним вести беседу, как и при обыкновенном гипнотическом

внушении.

Я считаю крайне важным как в том, так и в другом случае не пользоваться формой приказа, а влиять скорее на чувство ребенка и действовать убеждением, представляя ребенку в доступной для него форме, с одной стороны, вред той привычки, с которой приходится бороться путем внушения, и необходимость во что бы то ни было от нее освободиться, с другой стороны, необходимо внушить ребенку, чтобы он всемерно отвлекал от нее свое внимание, при этом необходимо укрепить его волю, внушив ему, что он может и должен воздерживаться от своей привычки во что бы то ни стало. Вместе с этим желательно дать ребенку идеалы хорошего поведения и хорошей жизни. В этом заключается способ лечения перевоспитанием...

Лечение внушением у детей применимо в самых разнообразных случаях. Разберем их по порядку.

Крайне важно в воспитательных целях бывает устранить онанизм, который часто прививается к детям в очень раннем возрасте. Само собою разумеется, что каждый случай онанизма должен быть подробно обследован, причем необходимо, чтобы были устранены те или другие физические состояния, приводящие к раздражению половых органов, например мелкие глисты (*oxiuris verm*) или экзема. Равным образом могут быть применены и другие содействующие устранению половой возбудимости средства (прохладные ванны, препараты камфоры, брома и т. п.). Но за всем тем необходимо психическое воздействие, которое и должно состоять в применении внушения.

Последнее должно состоять в том, чтобы, разъяснив ребенку вред онанизма, отвлечь внимание его от половой сферы, чтобы он никогда не вспоминал о ней и не думал, чтобы не создавал в то же время никаких соблазнительных представлений и чтобы при всяком случае отклонял от себя все мысли, возбуждающие половую сферу. В то же время необходимо укрепить его волю, чтобы он ни в каком случае сам не допускал физического раздражения половой сферы и чтобы устранял даже возможность случайного ее раздражения, устраивая ночью свои руки подальше от половых органов.

Само собою разумеется, что эти внушения необходимо производить систематически в несколько сеансов, сначала чаще, со временем же все реже и реже, причем закончить лечение можно лишь тогда, когда явится уверенность, что онанизм устранен окончательно.

Кроме онанизма могут быть и другие извращения с половым характером у детей даже раннего возраста, которыми трудно бороться иначе как психотерапией и внушением.

Я помню мальчика 7 лет, который проявлял уклонения полового инстинкта, выразившиеся в том, что он обнюхивал тело своей мамы и няни с выражением особенного удовольствия или ощупывал у них мягкие части бюста. Этому мальчика, которого не удавалось отучить от нехорошей привычки никакими воспитательными усилиями, можно было исправить совершенно в течение нескольких сеансов внушений и психотерапии.

Далее заслуживают большого внимания различного рода нравственные уклонения, которые легко прививаются детям, особенно нервным. Так, могут быть случаи клептомании или склонности к воровству, которые также обыкновенно неустраняемы обыкновенными воспитательными усилиями и которые легко устраняются путем внушения. В этом отношении я мог бы привести несколько примеров полного устранения у детей клептоманических поступков, не поддававшихся обычным воспитательным приемам.

Очень нередки случаи детской лжи, которая прививается иногда детям с самого раннего возраста и с которой борьба опять-таки возможна главным образом путем психотерапии.

Равным образом и другие противонравственные склонности, не устраняемые путем обыкновенных воспитательных усилий, легко устраняются под влиянием систематически

проводимого внушения и психотерапии.

Возьмем другие привычки, с которыми приходится считаться воспитателю.

Всем известно, что некоторые из детей приучаются грызть ногти, и эта привычка, не устраненная вовремя, может вкорениться столь прочно, что остается нередко на всю жизнь. Попробуйте ее искоренить обыкновенными воспитательными усилиями. Можно быть уверенным, что в огромном большинстве случаев они не приведут ни к чему. Между тем достаточно несколько сеансов внушения, чтобы эту привычку искоренить навсегда.

В других случаях дети благодаря дурному примеру приучаются к курению табака или даже к вину.

И здесь при укоренившейся привычке обыкновенными воспитательными усилиями нелегко бывает добиться благоприятных результатов, тогда как систематически проведенное внушение и психотерапия устранят вполне вкоренившуюся привычку.

Нужно, однако, иметь в виду, что отучение от курения табака, если оно сильно вкоренилось, правильнее и при внушениях отнимать не сразу, а в два, три или несколько приемов, предоставляя на каждый день все меньшее и меньшее количество папирос, тогда как вино предпочтительнее отнимать сразу, без малейших послаблений.

Далее, в известных случаях мы встречаемся с нарушением речи в виде заикания, приобретенным вследствие подражания или испуга. Оно обыкновенно также поддается внушению, особенно не в запущенных случаях, и почти вовсе не поддается другим воспитательным усилиям.

Затем могут быть случаи застенчивости детей или особой конфузливости, которая вкореняется нередко в самый характер ребенка, становясь иногда упорным навязчивым состоянием, не поддающимся никаким воспитательным усилиям, тогда как под влиянием систематически примененного внушения и психотерапии и эти нарушения обыкновенно исчезают совершенно.

Внушение и чудесные исцеления

– Напрасно, все напрасно! Мне не изгнать душевных мук! И вот лежу, хотелось мне смеяться, и слышу конки звон и дребезжанье рам. – «Вы погрузились в сон, теперь вы в гипнотизме. Страдания прекратятся, пусть не вдруг». – И что же? Тяжесть век, немение рук мне говорят о силе месмеризма...

Такими или приблизительно такими словами описывал свое состояние один из больших скептиков, подвергавшихся словесному внушению, пожелавший обрисовать в стихах воздействие на себя внушающего лица.

Внушение представляет собою один из способов воздействия одного лица на других, которое намеренно или ненамеренно производится со стороны воздействующего лица, и притом незаметно для внушаемого или же с его ведома и согласия. Испытуемый же может воспринимать воздействие на него другого лица непосредственно, без всякого размышления, критики и сосредоточения на предмете, а, так сказать, пассивно, в состоянии рассеянности и отвлечения. В таком способе воздействия одного лица на другое заключается сущность того влияния, которое оказывает на человека применение внушения. Поэтому последнее можно определить как прививание внушаемых лицу тех или других состояний и поступков помимо активного отношения самого внушаемого к предмету внушения и, что заслуживает особого нашего внимания, при отсутствии суждения и критики. Внушенное, будучи пассивно воспринятым, большею частью осуществляется затем без сопротивления, иногда даже с непреодолимой навязчивостью.

О силе внушения, зависящей и от умения внушающего лица, и от степени восприимчивости к внушениям стороннего лица, можно составить себе представление по ряду фактов из жизни прошлой и настоящей.

Целебное значение внушения известно со времен глубокой древности. В древние времена им пользовались жрецы при храмах, связывая силу внушения с религиозными церемониями. В евангельские времена на каждом шагу производились исцеления бесноватых и одержимых, которых наука признает ныне за больных истерическим психозом. Такие больные среди религиозно настроенного населения, верящего в силу дьявола, встречаются и у нас в деревнях под названием порченных и кликуш.

Литература Средневековья, особенно XV и XVI веков, изобилует тяжелыми картинами «бесоодержимости». Приведем одно из наиболее ярких описаний этого рода, оставленных нам очевидцем Лабертоном. Речь идет о пятнадцати «одержимых» лувьевских монахинях.

«Эти 15 девушек, – пишет Лабертон, – обнаруживают во время причастия строгое отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение 4 часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволновано, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжавшегося полчаса и больше, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь и шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Что касается порчи и кликушества, равно как и бесноватости, то, как я писал в одной из своих работ, «психическая» их сторона черпает свои особенности в своеобразных суевериях и религиозных верованиях народа. Этим объясняется не только характер бредовых идей о порче и о вселении нечистой силы вовнутрь тела, но и все другие характерные явления в поведении кликуш, порченных и бесноватых. Таковы, напр., их своеобразная боязнь всего, что верою народа признается святым, наступление припадков в церкви при пении «Херувимской», при известных молитвословиях во время служения молебнов и при отчитывании, склонность некоторых из кликуш к прорицанию и т. п...

Чтобы исцелить от безоодержимости, порчи и кликушества, обычно прибегали к религиозным воздействиям, а именно: отчитывали подобных «одержимых» молитвами, произносили в церкви заклинания дьяволу – поклониться Богу и оставить «одержимую», на что обыкновенно со стороны последней получался или ряд кощунственных слов и движений, еще

более резких, или новый припадок с конвульсиями.

Если мы зайдем в современную психиатрическую больницу, то встретим там больных под названием истеричных или страдающих истеро-эпилепсией. **Болезненные проявления их совершенно сходны с теми проявлениями, какие описаны у бесоудержимых – с тою только разницею, что демон уже не фигурирует в бреду больной.** Но мы видим у больных ту же типичную «арку», когда истеричка выгибается в виде дуги так, что больная касается постели только пятками и теменем, и контрактуру, проявляющуюся в верхних и нижних конечностях.

Лечение здесь уже иного, конечно, рода, вместо заклинаний – научная терапия.

В прежние времена подобные случаи исцелялись силой внушения, связанной с религиозным подъемом. В настоящее время они поддаются лечению внушением же, производимым со стороны врача, умеющего вселить веру в грядущее исцеление. Точно так же в начале нашей эры производилось исцеление «сухоруких» и «расслабленных», иначе параличных и «мнимоумерших». Есть полное основание утверждать, что под общим названием сухоруких и расслабленных в древние времена понимались все вообще параличные, в том числе и пораженные истерическим параличом рук или ног, вообще, как известно, поддающиеся целительному внушению.

Секрет целительного внушения был известен также и многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговоров и т. п. Особенно известны заговоры крови знахарями.

Далее, в истории последних столетий известны так называемые магнетизеры, заявлявшие обыкновенно об особой присущей им силе, часто именуемой животным электричеством, и пользовавшиеся внушениями с корыстными для себя целями. Сюда относится, например, Калиостро, подвизавшийся в конце XVIII века, Месмер – в начале XIX века и Ганзен – в 70-х годах XIX века. Особой популярностью и до сих пор пользуется имя Месмера, слава которого в Париже дошла было до того, что он не успевал принимать всех обращавшихся к нему больных. И чтобы освободить себя от притока неимущих пациентов, он однажды заявил, что им заморожено растущее на улице дерево, к которому должны были прикасаться бедняки, чтобы получить исцеление.

Парижская Академия, запрошенная по поводу происходивших явлений, будто бы обусловленных особою флюидической силою и получивших название месмеризма, не увидела ничего необыкновенного в достижениях Месмера, приписав новые для того времени, оказавшиеся чудесными явления и случавшиеся вместе с тем исцеления силе воображения. Месмер, потеряв с этого времени всякий кредит в сферах, вынужден был покинуть Париж, и удивлявшие публику явления не подверглись дальнейшему исследованию. Но в 1841 году английский доктор Бред, намеревавшийся было разоблачить проделки подобного же гипнотизера в Женеве Лафонтена, присутствуя на его магнетических сеансах, признал подлинность показываемых явлений и ввел впервые в науку понятие об искусственно вызываемом сне, назвав самое явление гипнотизмом (гипнос – по-гречески сон).

Вполне естественно, что долго еще в умах ученых продолжалась неуверенность в действительности «чудесных явлений», пока наконец во второй половине 70-х годов истекшего столетия работами проф. Шарко над явлениями гипноза истеричных и исследованиями проф. Бернгейма не было установлено огромное научное значение внушения и гипнотических явлений.

Справедливость требует сказать, что еще лет за двадцать до этих научных исследований д-р Льебо в Нанси (небольшой университетский город около Парижа) уже ввел внушение в свою медицинскую практику, изложив свой метод лечения в особой книге. Так возникло научное изучение и применение во врачебной практике внушения и гипноза, оказывающее

благодетельное влияние на весьма многие нервные расстройства, особенно из числа тех, которые относятся к так называемым общим неврозам, в частности к истерии.

Врачебное применение внушения в бодрственном состоянии осуществляется с большою легкостью у некоторых лиц, особенно впечатлительных и обладающих повышенной внушаемостью. Благодаря этому достаточно с ними говорить повелительным тоном, чтобы вызывать у них этим путем и параличи, и судороги, и другие нервные явления и таким же образом освобождать или исцелять их от того и другого. Но чтобы внушаемое возымело свое действие, необходимы и благоприятные к тому условия, и первым из них является вера в грядущее исцеление со стороны самого больного. При данных условиях последнее отражается соответственным подъемом энергии, а в этом заключается залог успеха. Затем ввиду склонности человека преклоняться перед всем таинственным при внушении могут иметь значение, с одной стороны, соответственная обстановка, с другой – те или иные приготовления или приспособления. Так, напр., **Ventra, изучая вопрос о внушении, имел в руках железную дугу, мнимо изображавшую магнит, недействовавшую электрическую машину, двояковыпуклую чечевицу и игральные карты, и ему удавалось не только внушать мнимые мышечные, осязательные и зрительные впечатления (напр., заставляя через линзу видеть на простой чистой бумаге целые здания), но и излечивать неврастению, нервную рвоту и приступы грудной жабы.**

Наряду с внушением нередко действует и самовнушение, когда человек и сам уверует в чудодейственную силу какого-либо средства. Так, путем самовнушения объясняется, напр., действие многих так называемых симпатических средств, оказывающих нередко то или другое целительное действие. **Ferragus, напр., излечивал лихорадку с помощью бумажки, на которой были начертаны два слова: «Против лихорадки», и больной должен был каждый день отрывать по одной букве. Известны случаи целебного свойства «хлебных пилюль», «невской воды», простого «наложения рук» и т. п. И это объясняется тем, что у некоторых лиц благодаря их необычайной внушаемости по одному слову, произнесенному достаточно внушительным тоном, можно производить все те превращения в параличных, хромых, конвульсионерах и бесноватых, которыми так богата история древних и особенно средних веков благодаря распространенной в то время вере в бесовскую силу. Поэтому у внушаемых лиц легко производить и исцеления теми или другими, безразличными по существу средствами.**

Однако следует иметь в виду, что, хотя внушаемость при некоторых условиях, напр. в толпе и при соответствующей обстановке, может повышаться, все же легкая внушаемость в бодрственном состоянии составляет исключение из общего правила. В силу этого современная медицина пользуется для внушения гипнотическим состоянием, в котором, как показывает опыт, внушаемость всегда повышается до значительной степени, причем делаемые в этом состоянии внушения могут оказывать и оказывают соответствующее воздействие и на послегипнотическое время, осуществляя нередко так называемые чудесные исцеления.

Под гипнотическим состоянием, или, проще, гипнозом, понимают состояние, близкое к сну и напоминающее в природе живых существ, с одной стороны, так называемую мнимую смерть, или, лучше было бы сказать, «замирание», или, еще вернее, оцепенение, обнаруживающееся у всех вообще животных при внезапных внешних воздействиях, а с другой стороны, всем известное засыпание при нежных или слабых, но однообразных и длительных раздражениях (напр., журчанье ручья, тиканье часов, шум мельничного колеса и т. п.).

Дело в том, что после соответствующего изучения оказалось возможным вызывать искусственно гипнотическое состояние как у животных, так и у человека различными приемами. **Наиболее употребительными для человека приемами гипнотизации в**

настоящее время считаются, при условии полной неподвижности гипнотизируемого, так называемые пассы в виде легких поглаживаний руками гипнотизирующего врача по лицу и конечностям, сосредоточивание его взора на блестящем предмете и словесное внушение, состоящее в прививании процесса засыпания словами: «Думайте о сне, веки ваши тяжелеют, вы засыпаете» и пр. По прошествии нескольких минут таких воздействий результат обыкновенно не замедляет выразиться развитием гипнотического состояния той или другой глубины, начиная от состояния, близкого к дремоте, до глубокого гипноза без возможности давать затем отчет о всем испытанном, бывшем во время последнего. Это различие степени гипноза зависит главным образом от свойств личности самого гипнотизируемого, отчасти же и от искусства гипнотизирующего – довести гипноз до возможно большой глубины.

Когда усыпление достигнуто, врач делает соответствующие лечебные внушения, действие которых рассчитано не только на время гипноза, но и, что особенно важно, на послегипнотическое состояние. Такого рода сеансы могут быть повторяемы то или другое число раз, смотря по случаю и в зависимости от внушаемости данного лица, стоящей, в свою очередь, в некоторой зависимости от глубины гипноза.

Если гипноз глубок, то внушения могут быть воспринимаемы заснувшим только от гипнотизирующего лица (так наз. раппорт), причем загипнотизированный буквально становится как бы машиной, заводные ключи от которой находятся в руках гипнотизатора. **Это-то состояние и дает возможность осуществлять в клиниках и даже в частной врачебной практике те поразительные исцеления, которые практиковались жрецами, так называемыми святыми и церковнослужителями вообще и которые ранее признавались за чудеса, обусловленные будто бы особой сверхъестественной силой.** Между тем с развитием учения о гипнозе эти так наз. чудеса сделались прочным достоянием науки и осуществляются в клиниках врачами в виде исцеления от параличей, судорог, слепоты и других расстройств, главным образом истерического происхождения.

В целях пояснения примерами приведем лишь некоторые из многих случаев исцелений таким путем в клиниках.

Пролежавший полтора месяца в клинике больной, не имевший возможности вследствие внезапно развившегося вслед за истерическим припадком паралича передвигаться на ногах в течение более 9 месяцев, однажды был привезен в тележке для осмотра ко мне в аудиторию. Здесь достаточно было закрыть ему глаза, внушить ему, что он спит, затем, путем внушения же, поставить его на ноги и провести по комнате, сказав, что паралича больше уже нет и он может ходить свободно и по пробуждении. Пробужденный от гипноза больной в восторге пошел в свою палату, чем привел в изумление всех соседей-больных, наполнявших данное отделение клиники и признавших в факте его выздоровления совершившееся «чудо». Тому же больному в другой раз в совершенно бодрственном состоянии было произведено внушение о прекращении бывавших с ним еще судорожных истерических приступов, после чего он от них окончательно освободился.

Другой случай – девушка, бегавшая во время игры по комнате, случайно наткнулась боковой частью живота на рояль, и с тех пор у нее развилось сведение соответствующей ноги с параличом ног. Это состояние держалось несколько месяцев без перемен, несмотря на применяемые врачебные меры (электризация, лекарственное лечение и др.). Но достаточно было эту девушку подвергнуть гипнозу, заставить в последнем встать на ноги, провести по комнате, внушив, что паралич ее исчез, и затем разбудить, чтобы девушка стала совершенно здоровой.

Далее, у больной крестьянки было длительное сведение руки (так наз. контрактура). Когда

же в гипнозе я выправил руку, эта «сухорукая» крестьянка по пробуждении, перебегая от одних лиц к другим, показывала всем поднимаемую ею вверх руку с неудержимыми от радости возгласами: «А ведь здоровая, глядите, глядите, совсем здоровая!»

Наконец, укажу еще на недавно происшедший факт излечения внушением наследственной слепоты. Случай этот, бывший в моей практике, поразил даже опытных врачей по глазным болезням, не допускавших возможности устранения слепоты в этом случае какими-либо лекарственными средствами.

Нет надобности умножать здесь другие примеры. Но мы скажем обще, что из болезненных состояний можно с успехом излечивать гипнотическими внушениями.

Прежде всего внушением излечиваются, как видно и из вышеприведенных примеров, истерические **нервные состояния, как истерические припадки, параличи, сведения (контрактуры) и судороги, а также разнообразные нарушения чувствительности и т. п.** Из других нервных расстройств внушением с успехом излечиваются заикание, развивающееся на почве истерии или неврастении, затем часто наблюдаемые при неврозах раздражительность, головные и иные невралгические боли, развивающиеся не на почве органических поражений нервной системы, головокружения, нервные расстройства, сердцебиения, нервная одышка, нервная рвота, ночное недержание мочи, припадки сомнамбулизма, недостаток и отсутствие аппетита, половая слабость нервного происхождения, бессонница, в некоторых случаях маточные кровотечения, нервные сыпи и многое другое. До какой степени поразительны могут быть результаты внушения в нервных состояниях, видно, между прочим, кроме вышеуказанных случаев из следующего примера. Проф. Бернгейм, располагая небольшим количеством минут до отхода поезда, успел загипнотизировать обратившуюся к нему больную крестьянку и вылечить ее внушением от истерического сведения руки. Точно такой же случай был описан и мною.

Внушение в гипнозе крайне благотворно действует и на различные приобретенные в силу привычки болезненные влечения, как-то: пьянство, морфинизм и все вообще виды наркомании, не исключая и привычного употребления табака. Много есть уже примеров излечения от клептомании (страсти к воровству), и не только временного, но и прочного. Можно привести затем целый ряд благоприятного действия внушения на онанистов и при разнообразных формах полового извращения, против которых почти нет иных действительных врачебных средств.

Из так наз. психических расстройств могут быть излечиваемы с помощью гипнотических внушений все навязчивые состояния (мания счета, бродяжничества, боязни острых предметов и т. п.). Затем существенную пользу приносит внушение при болезненно удрученном состоянии, в особенности вследствие тяжелых потрясений и вследствие тех или других мнимых или болезненных состояний, а также при многих других болезненных процессах, связанных с нарушением деятельности нервной системы...

Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение

...Между прочим, внушение играло роль и при гаданиях древних, особенно же в прорицаниях. Указания на пользование внушением можно найти, между прочим, и в книгах Ветхого завета.

В последнее время гиппологическая литература пополнилась исследованиями, относящимися до применения внушения в евангельские времена в соответствующих случаях с особым успехом.

Известно, что в евангельские времена на каждом шагу производились исцеления бесноватых и одержимых, которых наука ныне признает за больных истерическим психозом и

которые в религиозно настроенном населении, уверовавшем в силу дьявола, всегда встречаются в изобилии. Позднее много было таких бесноватых или одержимых в Средние века. Ныне в интеллигентных слоях населения случаи такого рода уже почти исчезли, но в некультурных слоях еще до сих пор много верующих в колдовство, порчу и бесовскую силу, и немало встречается еще и ныне так называемых бесноватых под названием порченных и кликуш.

Как в евангельские времена эти больные исцелялись силой внушения, связанной с сильной религиозной эмоцией, так и ныне они поддаются лечению внушением и еще больше – внушением, связанным с эмоцией грядущего исцеления, основанной на вере. Таким же точно образом производилось в эту эпоху исцеление сухоруких и расслабленных.

Но ввиду особого интереса мы считаем небесполезным ознакомиться с приемами, которыми пользовался Иисус при своих исцелениях. Некоторые описания, сделанные евангелистами, достойны того, чтобы на них остановиться. В этом отношении поучительным может явиться, между прочим, случай исцеления сухорукого, описанный тремя евангелистами (Матф. XII, 9–13; Марк III, 1–8; Лука VI, 4–10).

Вряд ли нужно говорить здесь, что под общим названием сухоруких в евангельские времена понимались вообще больные с недеятельностью руки от паралича и атрофии. К таковым, без сомнения, относились, между прочим, и случаи истерического паралича, также при долговременном развитии сопровождающегося атрофией от недеятельности. Нечего говорить, что и в числе расслабленных имелись случаи истерического паралича нижних конечностей.

В упомянутом случае нетрудно узнать истерический паралич еще и потому, что дело шло об изолированном параличе руки. Исцеление происходило в субботу, когда по старому закону и требованию фарисеев евреи не могли ничем заниматься. Но Новый Учитель, как известно, устранял ненужные отжившие формы, которых крепко держались фарисеи вопреки даже здравому смыслу. Так случилось и на этот раз при совершении исцеления. В синагоге в субботу находился больной, правая рука которого была «сухая». Присутствующие, естественно заинтересованные борьбой нового учения со старым, ожидали, что Иисус непременно приступит к исцелению сухорукого в субботу же. Нечего и говорить, как должен был желать своего исцеления несчастный больной, который, очевидно, уже давно уверовал в чудодейственную силу Иисуса.

Иисус, в которого вера была уже упрочена, войдя в синагогу, велит выйти больному на середину, перед всеми, что должно было еще усилить эмоцию больного и укрепить веру в ожидаемое им. Затем возникает коварный вопрос со стороны тех, которым исцеление могло только помешать: «Можно ли исцелять в субботу?» Но этот вопрос фарисеев был тотчас же отпарирован встречными вопросами со стороны Нового Учителя: «Должно ли в субботу добро делать или зло? Душу спасти или погубить?» Фарисеи не знали, что сказать. «Кто из вас, – продолжилось нравоучение, – имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколь же лучше человек овцы? Итак, можно в субботу делать добро».

Нечего и говорить, что эта нравственная победа Нового Учения над фарисейским могла только усилить его ореол среди окружающих и не могла не воздействовать и на самого больного.

После этой разговорной прелюдии Иисус, посмотрев на фарисеев, «с гневом скорбя» (Марк), обращается к больному: «Протяни руку твою» – и исцеление происходит (Марк).

Не менее поучителен другой подробно описанный евангелистами случай исцеления расслабленного в Капернауме. Случай этот описан теми же тремя евангелистами. Вряд ли нужно говорить здесь, что под расслабленным опять-таки следует понимать

истерически-параличного.

В то время, когда Иисус учил в Капернауме, собралось много фарисеев и книжников из различных мест – Галилеи, Иудеи и из Иерусалима. Сюда же принесли и расслабленного на постели. Нет надобности говорить, что он был привлечен сюда как своею верою в Иисуса, так и верою окружающих его лиц. Но оказалось, что стечение народа было столь значительно, что проникнуть, да еще с постелью, сквозь массы народа не было никакой возможности. Но вера делает свое, и обращаются к героическому средству: раскрывают крышу и этим необычным способом доставляют расслабленного на постели непосредственно к ногам Нового Учителя (Лука).

Нет надобности говорить, что и громадное стечение народа, и столь необычный прием в доставлении расслабленного к ногам Иисуса не могли не подготовить пациента к исцелению. Видя веру их, Иисус, обращаясь к больному, говорит: «Прощаются тебе грехи твои». И, заметив, очевидно, недоумение на лицах окружающих его книжников и фарисеев, которых такое обращение не могло не поразить, и как бы читая их мысли, говорит им то, что одновременно должно было относиться и к самому больному: «Что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: «Прощаются тебе грехи твои» или «Встань и ходи»?» Это косвенное, но сильное внушение подействовало на верующего больного, и совершается чудо, поразившее всех.

Вера и слава Нового Учителя обеспечивают то, что уже одних громких и повелительных форм внушения, как «исцелись», «встань и ходи», «я хочу», достаточно, чтобы исцеление действительно наступило. В иных случаях Иисус еще усиливает свою повелительную формулу, требуя не только чтобы пациент встал и шел, но и чтобы он взял с собою и постель свою и нес ее сам: «Встань, возьми одр свой и иди за мною!»

Не менее поразительны случаи исцеления прокаженных, под которыми, как утверждают некоторые авторы, понимались в древности больные, страдавшие песью, или *viliigo*, которая, по народному поверью, распространенному и ныне на Востоке, должна была олицетворять собою духовную нечистоту, вследствие чего люди, страдавшие такой сравнительно невинной болезнью, считались отверженными отовсюду, пока не очистятся.

Одинаковыми приемами пользовались и апостолы. В этом отношении заслуживает внимания исцеление с помощью религиозного внушения и веры Петром и Иоанном хромого нищего, описанное в Деяниях апостолов (III, 1–8). **Увидев возле храма среди других нищих просящего милостыню хромого, Петр, будучи вместе с Иоанном, всмотревшись в больного и, очевидно, распознав исцелимую форму паралича ноги, обратился к нему: «Взгляни на нас». И тот стал всматриваться пристально, уже поддавшись внушению. В эту минуту Петр решительно заявляет: «Сребра и злата нет у меня, а что имею – даю тебе. Во имя Иисуса Христа Назарея встань и ходи».** Он при этом берет его за руку, и исцеление происходит.

Со времен древности чудесные исцеления, основанные на вере, производятся подобным же образом и позднейшими целителями, как показывают некоторые страницы Четвы-Минеи.

Но секрет внушения был известен также и многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговора, порчи, сглаза и т. п.

Применение гипноза и внушения разными гипнотизерами

Время от времени гипноз и внушение проникали и в более интеллигентную среду под видом разного рода оккультистических знаний, игравших особенно видную роль в Средние

века и позднее, как, напр., черной и белой магии, учения о животном магнетизме, так называемого месмеризма с его флюидической силой и т. п.

Нет надобности говорить, что, эксплуатируемые с корыстной целью, эти учения часто сопровождалось различного рода шарлатанскими приемами воздействия на людей, вследствие чего, естественно, солидные умы должны были отворачиваться от этих учений.

Тем не менее нельзя не отметить, что такие «магнетизеры», как Гритрекс, живший в XVII столетии, Калиостро, действовавший в конце позапрошлого столетия, Гаснер и современник его Месмер, делавший сеансы во Франции в течение первой четверти истекшего столетия, сильно возбуждали умы в населении и, естественно, привлекали к себе внимание ученых.

Слава Месмера в Париже, напр., дошла до того, что он не успевал принимать всех обращавшихся к нему, и, чтобы освободить себя от притока неимущих пациентов, он загипнотизировал на улице дерево, к которому должны были прикасаться бедняки, чтобы получить исцеление. Надо, впрочем, заметить, что это уже было началом конца его славы.

В это время парижская Академия, запрошенная по поводу явлений месмеризма, дала ответ, неблагоприятный для Месмера, признав, что в его действиях нет ничего необыкновенного, а то, что есть действительного, может быть сведено на воображение (imagination). Это решило участь Месмера, который потерял кредит в обществе и уже не мог оставаться в Париже. Говоря о Месмере, нельзя не упомянуть и о маркизе Пюнзегюре, лечившем во Франции магнетизмом одновременно с Месмером, но известном своим бескорыстием и открывшем, между прочим, явления сомнамбулизма.

Родиной современного гипнотизма признается Восточная Индия с ее таинственными факирами, где гипноз составляет как бы народное достояние и где «чудеса» гипнотизма показываются в больших городах, часто на рыночных площадях, за небольшую, собираемую тут же плату. Естественно, что, когда с прорывом Суэцкого канала Индия стала ближе к Европе, в последнюю стали проникать и более полные сведения о гипнозе. Тем не менее толчком к новейшему развитию учения о гипнотизме опять-таки послужили сеансы известного магнетизера Ганзена, который, как сообщали о нем газеты, ознакомился с явлениями магнетизма в Африке.

Явившись в Европу в конце 70-х годов, Ганзен стал, как и многие из завзятых гипнотизеров, эксплуатировать гипнотизм с корыстной целью, заявляя в то же время об особой принадлежащей ему силе. Устраиваемые им специальные сеансы на квартирах оплачивались довольно дорого: в Петербурге, например, не менее 200 руб. за вечер.

Эти сеансы на Западе заинтересовали и некоторых ученых, напр. Шарко, Гайденгайна и др.; но у нас к ним отнеслись иначе.

Сеансы Ганзена и здесь привлекли внимание интеллигентных, особенно аристократических, слоев населения, и в приглашениях Ганзена на сеанс, несмотря на их огромную стоимость, не было недостатка. Но вот его специально приглашают в один дом, близкий к высшим медицинским сферам того времени, и туда же приглашают почти всех тогдашних психиатров с профессором Мержеевским во главе. Приемы гипнотизации Ганзена, как я мог убедиться на этом сеансе, были очень примитивны и состояли из применения простого стеклянного граненого шарика, на который Ганзен предлагал смотреть в течение многих минут. К сожалению, вышеуказанный сеанс оказался неудачным. По крайней мере ни одно из многих лиц, желавших быть загипнотизированными, не впало в гипноз. Положение ухудшилось еще тем, что некоторые из врачей, будучи заранее предубеждены против гипнотизма как реального научного факта, притворились загипнотизированными и ввели в обман самого Ганзена. Хотя последний пытался затем представить присутствующим на этом

сеансе заранее подготовленных им для таких сеансов двух лиц, на которых он желал продемонстрировать разнообразные явления гипноза, но недоверие к нему, а следовательно, и к лицам, которые им были привезены на сеанс, возросло до такой степени, что все более авторитетные психиатры отказались смотреть демонстрацию явлений гипноза на посторонних лицах. Таким образом, ставка Ганзена была проиграна, и этот вечер решил его участь в России.

Сеансы его были запрещены, не возбудив в специалистах никакого научного интереса к явлениям гипнотизма. В то же время мой уважаемый учитель проф. И. П. Мержеевский вошел с соответственным представлением в Медицинский совет, результатом которого явилось запрещение публичных сеансов гипнотизма. При этом Мед. сов. постановил, что врачам разрешается применять гипноз к больным под теми же самыми условиями, установленными законом, которые относятся к производству операций, т. е. с обязательным присутствием при сеансе другого врача. При том же гипнотизирующий врач должен был предварительно озаботиться соответственным разрешением на лечение внушением...

Серьезные врачи отказались от применения гипнотизма в своей практике, потому что никому из них не было охоты рисковать своим положением и добрым именем, а это привело к тому, что гипноз как лечебное средство вскоре перешел у нас в руки профессиональных гипнотизеров-шарлатанов и вообще таких лиц, которым нечего терять.

Это запрещение вызвало известную реакцию и на Западе, так как в Германии была издана книга, в которой были собраны мнения многих известных авторов трудов по гипнотизму, которые, естественно, осудили распоряжение русских бюрократических сфер.

Но это не оказало воздействия на последние, и **развитие учения о гипнотизме и внушении у нас в России было в корне убито вплоть до конца истекшего столетия.**

Поводом к пересмотру вопроса о гипнотизме и внушении была репрессивная мера, принятая врачебной инспекцией по отношению к доктору М., осмелившемуся применить гипноз без соблюдения опубликованных правил. Это послужило толчком. Доктор М. написал маленькую брошюру о своем деле и передал рассмотрение вопроса на Пироговский съезд. Последний передал в свою очередь вопрос на рассмотрение специальных психиатрических обществ, которые все без исключения высказались в пользу устранения пут, которыми окружили в России без нужды применение гипноза во врачебной практике. После собрания всех этих мнений один из следующих Пироговских съездов возбудил ходатайство об изменении упомянутых постановлений, касающихся гипноза. **Когда ходатайство это достигло Медицинского совета, мне посчастливилось в качестве докладчика перед Медицинским советом содействовать устранению стеснительных постановлений в отношении гипноза и вместе с тем освобождению русских врачей от подозрительного к ним отношения со стороны властей в вопросе о гипнозе.**

Такова печальная история врачебного применения гипноза в России, сильно задержавшая, как сказано выше, и научное развитие у нас учения о гипнозе.

Способы вызывания гипноза

Обращаясь к вопросу о вызывании гипноза, необходимо иметь в виду, что для этого с пользою могут служить различные способы, из которых одни могут считаться физиологическими, так как они действуют непосредственно на те или другие из воспринимающих органов и последовательно на мозг, тогда как другие суть так называемые психические приемы, так как они рассчитаны на действие при участии репродуктивно-сочетательной деятельности высших центров.

Рассмотрим с самого начала физиологические возбудители гипноза, не предпрешая,

впрочем, способа их влияния исключительно только в физиологическом смысле...

Можно вызвать гипноз действием на различные воспринимающие органы, причем по характеру эти раздражения могут быть слабые и продолжительные или, наоборот, сильные и внезапные. Так, в отношении зрения можно пользоваться фиксацией взгляда на блестящем предмете или вообще фиксацией взгляда на помещенном перед глазами предмете; с другой стороны, мы можем пользоваться внезапным возгоранием магния, внезапно брошенным в глаза электрическим или солнечным снопом света.

В органе слуха приемом для усыпления может служить всякий вообще однообразный убаюкивающий звук, но для той же цели могут служить и внезапные и сильные раздражения звуками тамтама и других инструментов...

В органе осязания хорошими усыпляющими приемами являются пассы, продолжительное сжимание пальцев, методическое массажирование и пр. С другой стороны, гипноз является и при внезапном давлении на особые чувствительные области, называемые истерогенными или гипногенными (у истеричных).

Из влияний на мышечное чувство можно отметить методические пассивные движения членов как метод, вызывающий гипноз.

Можно ли вызвать гипноз действием на органы обоняния и вкуса, не удалось еще показать...

Из психических приемов наиболее существенным является внушение, которое состоит как бы в прививании идеи сна; наиболее действительным в этом отношении, без сомнения, является словесное внушение, которое опять-таки может быть производимо или в виде постепенного возбуждения ассоциаций о сне с помощью заявлений, что гипнотизируемый чувствует отяжеление век, рук и ног, что сон приближается, что сон наступает и т. п., или же его можно вызывать простым повелительным заявлением: «Спите!»

Почему именно эти два различных приема – медленных и методических воздействий, с одной стороны, и внезапных и сильных – с другой, – приводят к развитию гипноза, нетрудно догадаться. Дело в том, что и та и другая форма внешних раздражений действует угнетающим образом на психику, что, очевидно, и способствует развитию гипнотического состояния...

...в своей практике я пользуюсь обыкновенно головкой врачебного молоточка, на которую предлагаю гипнотизируемому смотреть, и вместе с тем тотчас же приступаю к словесному внушению, предлагая сосредоточить мысль на том, что он начинает засыпать, что он уже чувствует приближение сна, что он засыпает и т. п. Если в течение нескольких секунд глаза гипнотизируемого лица не закрываются при постепенном прививании ассоциации о сне и при фиксировании предмета, то я устраниваю головку молоточка от глаз и делаю тотчас же внушение: «Закрывайте глаза и спите», которое обычно и приводит к желаемому результату. Вся операция с вновь гипнотизируемыми лицами не требует времени больше нескольких секунд, самое большее одной-двух минут.

Что же касается тех лиц, которые гипнотизировались раньше, то дело обстоит еще проще. Им достаточно бывает произнести несколько слов внушения и приставить головку молоточка к глазам, чтобы усыпление уже наступило. У испытанных гипнотиков, конечно, можно ограничиваться и одним повелительным «Засните!».

Должно иметь в виду, что усыпление весьма мало зависит от желания или нежелания заснуть. Намеренное желание достигнуть сна скорее вредит наступлению гипноза и во всяком случае ему не содействует. С другой стороны, скептицизм по отношению к гипнозу и уверенность больного, что он не может поддаться гипнозу, ничуть не препятствуют развитию гипноза. Один пациент в этом отношении недурно выразил в нескольких строфах, как его скептицизм был разбит силою действительности:

Вчера я в первый раз испытывал гипноз.
Артист в душе, я верю месмеризму.
Сперва лег на диван, фиксировал свой нос
И перестал вдруг верить гипнотизму.
Лежал, закрыв глаза, но слышал все прекрасно:
И ровный тембр врача, и пассы его рук –
И думал про себя: «Напрасно, все напрасно,
Мне не изгнать моих душевных мук».
И вдруг услышал я: «Страдания прекратятся.
Хотя не вдруг, но будет легче вам».
А я лежал, хотелось мне смеяться.
И слышал конки звон и дребезжанье рам.
Лежал так пять минут. Вдруг тяжесть в организме,
Отек в руках, ногах почувствовал я вдруг.
«Вы погрузились в сон. Теперь вы в гипнотизме».
И что ж, не мог поднять никак своих же рук.
Что ж это – сон? Иль, может, онеменье?
Но я уверен в том, что я тогда не спал.
Ах, как желал бы выяснить сомненье.
Решить – то был гипноз, иль только я устал.
Болезни нервные гипнозу поддаются.
Уверен в том. Я верю в месмеризм!
Но сила Месмера лишь избранным дается,
Итак, еще сеанс – и к черту пессимизм...

Влияние внушения на патологические расстройства

...Руководясь своими личными наблюдениями, я могу сказать, что гипнотические внушения оказывают решительное влияние на весьма многие нервные расстройства, не обусловленные органическими поражениями, как, напр., конвульсивные истерические и иные припадки, истерические параличи и контрактуры, заикание, особенно в тех случаях, когда оно является симптомом истерии или неврастении, разнообразные расстройства чувствительности, наблюдаемые при неврозах, как-то: гиперестезии, парестезии и невралгии, затем на столь часто наблюдаемую при неврозах общую нервную раздражительность, головные боли, головокружения, нервные расстройства сердцебиения и дыхания, нервную одышку, рвоту, ночное недержание мочи, припадки сомнамбулизма, недостаток и отсутствие аппетита, бессонницу и расстройства в отделении месячных, навязчивые идеи, навязчивые страхи и волнения. В некоторых из подобных случаев достаточно бывает двух-трех гипнотических сеансов, чтобы совершенно устранить путем внушения упорнейшие нервные припадки, длившиеся весьма продолжительное время.

Даже такие нервные расстройства, как приступы сердцебиения при базедовой болезни, несомненно облегчаются, т. е. ослабляются, при лечении гипнозом.

Влияние же гипнотических внушений на истерические контрактуры и параличи может быть признано прямо магическим.

До какой степени поразительны могут быть результаты внушений в случаях подобного

рода, видно, между прочим, из одного примера Ljebault, который, располагая небольшим количеством времени до отхода поезда, успел загипнотизировать обратившуюся к нему больную крестьянку и вылечить ее от истерического сведения руки. Аналогичные случаи столь быстрого успеха гипнотических внушений при истерических сведениях и параличах имелись и в моей практике. Точно так же многократно мне случалось излечивать и тяжелые истерические параличи с помощью внушения в гипнозе, что немало удивляло самих пациентов. Не менее эффективна бывает остановка, под влиянием внушений, судорожных истерических приступов, а также обильных маточных и иных кровотечений. Одна из моих больных находила в гипнотическом лечении единственное средство для остановки беспокоивших ее маточных кровотечений. В другом известном мне случае простого наложения руки на живот в бодрственном состоянии одним высокопоставленным лицом достаточно было для остановки обильного маточного кровотечения, не уступавшего никаким другим средствам. Очевидно, что и здесь дело сводилось главным образом к внушению.

Одна из моих пациенток, резюмируя результаты лечения внушением, пишет в письме ко мне следующие строки: «Итак, ни перебоев сердца, ни истерики, ни удушья, ни чувства усталости и слабости, ни слабой воли – ничего этого больше нет, и я больше не стою в рядах вредных психофизических уродов – неврастеничек. Внушение сорвало с меня эту кандалную цепь – истероневрастении. Довольно она уже измучила меня».

Особенно следует обратить внимание на то, что гипноз и внушение оказываются полезными при тех или других болезненных склонностях, которые становятся привычными у дегенератов. В этих случаях обыкновенно никакие воспитательные усилия не оказываются достаточными, чтобы устранить эти привычки, и только внушение в гипнозе может их устранить полностью, как свидетельствуют о том многочисленные примеры. **По личному опыту я могу утверждать, что внушения в гипнозе действуют крайне благотворно на различные приобретенные в силу привычки или явившиеся под влиянием природной склонности болезненные влечения, как-то: пьянство, морфинизм и все вообще виды наркомании, не исключая и привычного употребления табака.** Можно было бы привести много примеров, где болезненные влечения того или иного рода, не поддававшиеся вообще никаким лечебным средствам, уступали вполне действию внушений в гипнозе, производимых в два, три или несколько сеансов. В последнее время эта область применения гипнотических внушений, особенно по отношению к привычному пьянству, получает все более и более широкое применение в специально устраиваемых амбулаториях.

С другой стороны, я мог бы привести много примеров излечения от kleптомании – и не только временного, но и прочного. Равным образом можно было бы привести целый ряд случаев благоприятного влияния внушений на онанистов при отучении их от вкоренившейся привычки... Даже разнообразные формы половых извращений, против которых мы почти не имеем действительных лечебных средств, как показал им личный опыт, уступают действию систематически произведенных внушений, не исключая даже тех случаев, которые развиваются на почве неблагоприятной наследственности... Из других психических расстройств, как мне показал опыт, могут быть излечиваемы с помощью гипнотических внушений навязчивые идеи и различные виды патологического страха, затем существенную пользу внушение приносит при болезненно-удрученном настроении, при обманах чувств, в особенности у истеричных, при ипохондрических идеях, при состояниях, выражающихся вялостью мышления, ослаблением памяти и воли, наблюдаемых при общих неврозах и психо-неврастенических состояниях.

Наилучшие результаты при всех вообще психических расстройствах гипноз оказывает, по-видимому, при навязчивых состояниях, и мне уже не раз приходилось указывать в

литературе на излечение с помощью гипноза упорных случаев различных навязчивых состояний. К сожалению, и здесь в отдельных случаях успех лечения гипнозом в значительной степени зависит от многих индивидуальных условий и степени внушаемости данного больного.

...Инервация кровообращения представляет собою одну из тех функций организма, на которую гипнотическое внушение оказывает чрезвычайно резкое влияние. Этим, по всей вероятности, и следует объяснить столь могущественное влияние, оказываемое внушениями на многие функциональные расстройства нервной системы.

Очень может быть, что при посредстве этого же влияния внушений на состояние сосудодвигателей достигаются и лично мне известные успешные влияния гипнотического внушения на боли в сочленовном и мышечном ревматизме.

О лечении внушением в бодрственном состоянии

...Здесь прежде всего следует упомянуть о лечении одним внушением или о лечении внушением в бодрственном состоянии. Оно основано на том, что собственно внушение осуществляет свое действие и вне гипноза. В пользу этого говорят уже известные исторические факты с религиозными внушениями, производившимися жрецами древних времен, различного рода чудесные исцеления при различных религиозных церемониях, магическое влияние симпатических средств и т. п.

Так называемые наговорщики и знахари в народе и невежественные шарлатаны в более интеллигентном классе населения, не имеющие ничего общего с медициной, намеренно или ненамеренно пользуются также внушением как средством врачевания недугов. **Этим объясняются засвидетельствованные случаи целебного действия хлебных пилюль, гомеопатических приемов, даже простой воды. Практиковавшееся некогда лечение прикосновением так называемой чудотворной королевской руки основано на том же внушении.**

Должно при этом иметь в виду, что некоторые лица отличаются поразительной внушаемостью, ничуть не меньшей, чем внушаемость в гипнозе. С такими лицами в их бодрственном состоянии достаточно говорить, чтобы осуществлялось все то, что им внушается. Достаточно сказать такому лицу, что его руку сводит судорога, что он разбит параличом, что он подвергается галлюцинациям, и все эти явления он будет испытывать самым реальным образом. Такие явления не составляют частого явления, но они все же встречаются в известном проценте случаев...

...Лечение внушением в бодрственном состоянии основано на том, что многие из явлений при неврозах, особенно таких, как истерия, психастения и неврастения, объясняются либо самовнушением, либо невольным внушением. Отсюда понятно, что необходимо применить противовнушение или терапевтическое внушение, чтобы устранить наиболее тягостные симптомы болезни. Это и достигается путем систематического лечения внушением в бодрственном состоянии.

Что касается техники лечения внушением, то необходимо иметь в виду следующее. При лечении внушением в бодрственном состоянии я считаю прежде всего необходимым достичь пассивности внушаемого лица, с каковой целью его необходимо усадить неподвижно в кресле или уложить на диван или кушетку и затем следует предложить ему закрыть глаза и сосредоточиться всего лучше на сне или на экспериментаторе, причем я всегда прошу, чтобы пациент не старался в то же время прислушиваться к внушениям, которые сами по себе окажутся действительными, что для большей убедительности я всегда говорю своим пациентам. Затем следует приступить к внушениям, излагая их по возможности в убедительной

форме.

Должно иметь в виду, что лечение внушением почти никогда не сопровождается какими-либо неприятными и тем более тягостными проявлениями, а напротив того, при умелом применении внушения оно признается больными крайне приятным...

Говоря о лечебном значении внушения в бодрственном состоянии, необходимо иметь в виду, что огромное значение его в лечении болезней уже давно и строго установлено и, можно сказать, проявляется на каждом шагу.

Что сила внушения в бодрственном состоянии иногда достигает такой степени, что под влиянием его излечиваются те или иные расстройства питания, лихорадочные процессы и даже органические заболевания, доказывает всем известное действие так называемых симпатических средств. Известно, что Ferrarius (немецкий психиатр. – Ред.) излечивал лихорадку с помощью бумажки, на которой были начертаны слова: «Против лихорадки», причем больной должен был отрезать каждый день по одной букве. Некоторые лица выздоравливали, даже не дошедши до конца этих магических букв. Однажды Ferrarius'у удалось таким образом излечить 50 человек. Уничтожение бородавок под влиянием того или другого симпатического средства или даже просто под влиянием одного внушения также засвидетельствовано лицами, заслуживающими безусловного доверия...

Значение веры при лечении внушением

Наиболее существенным условием со стороны самого больного при лечении внушением является вера в действительность какого-либо внушения или симпатического средства, приводящая к ожиданию грядущего исцеления. Без этой веры, произвольным образом поддерживающей напряжение внимания в смысле предстоящего исцеления от недуга (так называемое выжидательное внимание), немисливо никакое психическое лечение, или лечение внушением, и остается рассчитывать лишь на действие материальных врачебных средств, которые, как показывает опыт, в некоторых случаях, безусловно, пасуют пред силою внушения.

Из сказанного ясно, что со стороны лица, претендующего на психическое лечение, или лечение внушением в бодрственном состоянии, необходимо так или иначе вселить безусловную веру в силу самого внушения... Ввиду этого нам кажется нелишним указать здесь в общих чертах на те условия, которые наиболее благоприятствуют действию такого внушения.

Вера, лежащая в основе действия всякого внушения, не уживается с рассуждением, а потому лица, обладающие меньшим развитием рассудка, или так называемые непосредственные натуры, что ничуть не исключает, впрочем, существования выдающихся способностей в других отношениях, вообще относительно легче поддаются внушениям. В силу того же обстоятельства необразованные лица в общем подвергаются легче и скорее внушениям, нежели интеллигентный класс населения; с другой стороны, дети, отличающиеся большим легковерием, обладают, по-видимому, наибольшей внушаемостью.

Наконец, и личность врача играет всегда видную роль в деле осуществления внушений. Для того чтобы внушение возымело свою силу, необходимо, как мы уже упоминали выше, чтобы внушающий пользовался со стороны внушаемого возможно полным доверием, а это доверие, без сомнения, достигается легче всего при тех условиях, которые создают авторитетность внушающего в глазах внушаемого. Поэтому все то, что способствует поддержанию доверия со стороны лица, подвергающегося внушению, к силе знания внушающего, существенно помогает и действию внушения. Вот почему ловкий гипнотизатор, окружающий свои действия особенной таинственностью, иногда пользуется при внушении

большим успехом, нежели малоопытный в этом деле врач, действующий более прямодушно.

Так как человечество вообще склонно преклоняться перед всем таинственным, ему мало или вовсе не известным, то, без сомнения, те или другие приспособления и приборы, как бы увеличивающие действительную силу и значение производимых внушений, а иногда и обладающие в глазах внушаемого своего рода магической силой, получают известное значение при всяком вообще психическом лечении. Этим, без сомнения, руководился и Ventra, изучавший в последнее время значение внушения в бодрственном состоянии и употреблявший для поддержания силы своих внушений несколько несложных инструментов. **В его руках были: железная дуга, изображавшая магнит, недействующая электрическая машина, двояковыпуклая чечевица и игральные карты – следовательно, целый ряд предметов, долженствовавших действовать определенным образом на воображение лиц, подвергавшихся внушениям.**

Оказывается, что при исследованиях над значительным числом лиц, большею частью мужчин, этому автору в большинстве случаев удавалось внушать различные ощущения (осязательные, мышечные и зрительные) в совершенно бодрственном состоянии. Так, в опытах над группой солдат в 200 человек автор путем приближения мнимого магнита к сердечной области вызывал ощущение дуновения: в первом опыте – в 85 %, во втором – в 50 %; ощущение же холодного дуновения при производстве пассов рукою получалось в большей части случаев. Затем приближение магнита к глазам у 25 % всех испытуемых вызывало ощущение фосфенов, а у других субъектов – даже зрительную галлюцинацию. Далее, через линзу автор заставлял видеть на простой белой бумаге целые здания, лица и пр., а одному лицу автор дал немного сахара, уверив его, что это атропин, и объяснив предварительно свойство этого яда; в результате получились зрительные галлюцинации, хотя и без расширения зрачков.

Точно так же автор производил с успехом и лечебные внушения в бодрственном состоянии, подготавливая предварительно больных для поддержания в их глазах своего авторитета. Ему случалось излечивать таким образом невралгии, нервную рвоту, приступы грудной жабы у истеричных и у неврастеников. Даже у душевнобольных путем внушения в бодрственном состоянии автор вызывал галлюцинации. Последнее удавалось неоднократно и мне у больных с хроническими галлюцинациями, в особенности же у алкоголиков...

Мысленное внушение и внушение через предметы

Что касается так называемого мысленного внушения на расстоянии, то нужно вполне определенно сказать, что до настоящего времени не было представлено ни одного безупречного и вполне убедительного факта, который бы говорил за возможность мысленного внушения на расстоянии. По крайней мере все приводимые в этом отношении данные... не вполне выдерживают строгую критику.

В тех случаях, когда врачи уверяли, что некоторые из пациентов повинуются их мысленным внушениям на расстоянии, как это было у нас, оказывалось на проверку, что в этом случае пациенты следили за мимикой и взором врача и руководились ими при выполнении его «мысленных» внушений.

Однако излишне разуберять в этом больных. Некоторые из них благодаря вере в действие внушения на расстоянии, проделавши с врачом несколько сеансов гипноза и имея необходимость уехать домой, заявляют на прощание: «Доктор, думайте чаще обо мне» – и одна мысль, что о них врач, лечащий гипнозом, постоянно думает и будет думать, не только успокаивает и ободряет, но и дает им благоприятную почву для самовнушения, дающего иногда также прекрасные результаты.

Но, даже оставляя почву научных споров в этом отношении, необходимо иметь в виду, что практического значения этот вопрос, по-видимому, не имеет, так как там, где это являлось бы действительно необходимым по внешним условиям, представляется возможным осуществлять внушение через предметы, о чем нельзя не сказать здесь несколько слов.

* * *

При внушении через предметы дело идет о таком случае, когда мы не действуем непосредственно самим внушением, а связываем внушение с определенным предметом, благодаря чему внушение и осуществляется в связи с данным предметом. Например, мы говорим лицу, находящемуся в гипнозе, что, когда он возьмет в руки такой-то предмет, напр. папиросу, он испытает особенное чувство, которое заставит его бросить папиросу, и внушение действительно осуществляется вместе с тем, как больной берет в руки папиросу. Точно таким же образом можно связать действие внушения вместе с действием того или другого лекарства. Например, можно заявить лицу, находящемуся в гипнозе, об особой целительной силе данного средства и о том, что каждый раз вместе с приемом лекарства он будет испытывать особый подъем энергии и т. п., и внушение будет осуществляться в точности вместе с приемом данного средства. Равным образом, давая совершенно невинное средство от бессонницы, можно связать с ним внушение, что, приняв его, больной почувствует успокоение и склонность ко сну, и невинное средство окажется снотворным.

Во многих случаях даже и без таких внушений в действии лекарств оказывается не одна их материальная основа, но и та сила внушения, которая невольно связывается у пациента с применением даваемого ему лекарства. Если пациент верит в чудодейственную силу средства, то самое невинное из них может оказать колоссальный успех, чем объясняется, как уже упоминалось в другом месте, целительное действие хлебных пилюль, даже простой воды и т. п.

В этом отношении были сделаны и специальные опыты, которые демонстративно показывают значение внушения при применении тех или других лекарств.

Так, доктор Matieu в Париже, желая проверить чудодейственную силу внушения, проделал следующий опыт. Имея в своих руках большое количество чахоточных и безуспешно испробовав на них различные средства, он однажды в присутствии больных в разговоре с ассистентом упомянул, что в Германии недавно изобрели новое средство антифимоз, обладающее огромным целительным действием при чахотке. На другой день при таких же условиях опять доктор Матье завел речь о замечательных случаях излечения чахотки новым средством.

Нет надобности говорить, что среди больных разнеслась с быстротою молнии весть о новом могущественном средстве от чахотки и больные с нетерпением ждали, когда будет получено новое целительное средство и доктор применит его к ним.

Но вот в один прекрасный день все больные были обрадованы получением нового средства из Германии. Немедленно было приступлено к опытам.

Для большей точности и убедительности было условлено, что запись веса и измерение температуры тела будут вести сами больные.

Не прошло и нескольких дней, как уже сказалось чудодейственное влияние нового средства. Вес тела у больных стал подниматься, лихорадка уменьшилась, ослабел кашель, и уменьшилось выделение мокроты, появился аппетит, более крепкий сон, бодрость духа и общий подъем сил. Были случаи поднятия веса с 1500 до 3000 граммов. С прекращением впрыскивания, наоборот, все явления вновь ухудшались. Словом, не было сомнения в

чудодейственном влиянии нового средства, а между тем оно представляло собою простую стерилизованную воду.

Вряд ли нужно говорить, что здесь, как и во многих других случаях, терапевтическим агентом явилась не сама вода, а вера в укрепляющее значение нового средства...

...От действия внушения в известной мере зависит и мода на лекарство. Новое средство, особенно широко рекламируемое, часто оказывает целительное действие на больных, но проходит известное время, и другое новое средство таким же точно образом вытесняет прежнее. Нет надобности говорить, что и сами врачи поддаются в этом случае влиянию внушения.

...Можно искусственно связать действие внушения с любым предметом, напр. со своей собственной фотографической карточкой. Можно внушить, что всякий раз, когда больной, смотря на фотографическую карточку, припомнит бывшие сеансы, он погрузится на минуту в дремоту и затем проснется в прекрасном состоянии здоровья. Необходимо, однако, предупредить, чтобы этим средством не злоупотребляли и избегали пользоваться в маловажных случаях.

Но даже и без подобных внушений карточка врача, лечившего внушением, может оказывать действительный эффект благодаря самовнушению.

В этом может убедить следующая выдержка из письма одной из пациенток:

«Позвольте и отсюда поблагодарить Вас и за себя, и за мужа. Со страхом я возвращалась домой, я боялась, что, как только буду в старой обстановке, так все старое поднимется, и я все ждала этого; но Вы со мной прямо сделали чудо. Вот уже месяц, как я дома, и чувствую себя очень хорошо, истерических припадков не было, хотя не раз и бывали такие моменты, которые раньше окончились бы истерикой. Когда я вернулась сюда, то все нашли, что я удивительно поздоровела, а муж говорит, что даже голос девичий ко мне вернулся, так что Вашему внушению быть такою, какой я была до замужества, я оказалась вполне послушной... Муж не курит и не пьет, хотя эти праздники и выпил несколько рюмок (не знаю только – радоваться мне этому или горевать), но, как говорит, вино ему противно... А теперь позвольте сообщить Вам, что то состояние, какое у меня бывало во время внушения, я могу вызвать и теперь, стоит только посмотреть на Вашу фотографию (на глаза).

Первый раз это со мной случилось вскоре после приезда сюда, когда я очень внимательно рассматривала Ваш портрет и при этом ясно представила себя у Вас в кабинете; теперь же достаточно только посмотреть на фотографии на Ваши глаза, как мои глаза начинают закрываться и надвигается то состояние, что бывало во время сеансов, и надо сделать некоторое усилие, чтобы выйти из него; кроме того, Ваш портрет помогает мне владеть своими нервами...»

Самовнушение как лечебный фактор

Еще несколько слов о самовнушении. Уже ранее говорилось о лечебном значении веры, которое сводится в значительной мере к самовнушению при соответствующей религиозной эмоции, иначе говоря – к такому эмоциональному состоянию, когда сам человек благодаря известным условиям невольно внушает себе исцеление от недуг...

Некоторые, как уже ранее упомянуто, пользуются наложением рук на голову, воображая, что они лечат болезни, передавая свою собственную магическую силу больному человеку, тогда как и здесь дело сводится главным образом, если не исключительно, к роду внушения в бодрственном состоянии, соединенного с самовнушением о целительном действии неведомой силы, излучаемой будто бы руками.

Другие предлагают лечение молитвой даже для тяжелых органических поражений, и на лиц религиозных, без сомнения, вера в возможность исцеления в связи с религиозной эмоцией и внушающим влиянием самой молитвы оказывает несомненно благотворное, успокаивающее, а иногда и целительное влияние...

Таким образом, значение молитвы также в значительной мере сводится к самовнушению, действующему в связи с религиозной эмоцией. И в этом отношении религиозные лица имеют много благоприятных условий для действия самовнушения с помощью молитвы.

Без сомнения, самовнушение играет роль не только в случаях веры, но иногда оно получает важное значение и в повседневной жизни. Кто не знает могущественной роли самоутешения, которому человек отдается в минуты горя и которое играет роль самовнушения?! Но без сомнения, существенно важно пользоваться самовнушением и в терапевтических целях, для осуществления чего должны быть выработаны особые приемы.

По моим наблюдениям, наиболее подходящим временем для самовнушения является период перед засыпанием и период, следующий за пробуждением. Для каждого отдельного случая должна быть выработана определенная формула самовнушения, которая должна соответствовать данному случаю и должна произноситься от своего имени, в утвердительной форме и в настоящем, а не в будущем времени. **Допустим, что человек, привыкший к вину, хотел бы путем самовнушения лечиться от своего недуга. Он должен произносить самовнушение в следующем виде: «Я дал себе зарок не только не пить, но и не думать о вине, теперь я совершенно освободился от пагубного соблазна и о нем вовсе не думаю».** Приблизительно в таком же роде должно быть произносимо вполголоса самовнушение по многу раз перед сном и утром, едва проснувшись, и притом с полным на нем сосредоточением...

Психоанализ и лечение исповедью

Наконец, за последнее время обращает на себя внимание так называемый психоанализ Freud'a как терапевтический метод. По этому автору, болезненные состояния при неврозах имеют в основе своей неразрешенный защемленный аффект, особенно часто – в виде половой травмы, который, как вредный ингредиент, поддерживает болезненное состояние, оставаясь часто не сознаваемым самим субъектом... Несомненно, что отреагирование на тягостно мучившее человека состояние всегда действует облегчающим образом, как слезы облегчают аффект, как исповедь облегчает тягостное душевное состояние. Происходит, таким образом, как бы очищение себя от психической травмы, так называемый катарсис. Поэтому, если указание на психическую травму обнаружено, необходимо, чтобы больной отреагировал на него, и болезнь проходит.

Если о психической травме обычным путем узнать не удастся, то можно загипнотизировать больного, внушить ему воспоминание о самом начале развития болезни и об испытанных им и забытых психических влияниях и заставить его путем внушения пережить со всею эффективностью событие, приведшее к болезненному состоянию. Здесь есть гипноз, но внушение служит здесь лишь для того, чтобы возбудить катарсис...

Про телепатию

Мысленное внушение или фокус?

...В апреле 1903 года мне удалось наблюдать демонстрацию мысленного внушения в одном из народных театров Вены, где самая демонстрация явлений производилась при следующих условиях.

Молодая особа садилась на стул посреди сцены перед публикой, и ей плотно завязывались глаза большим платком. Затем предлагалось кому-либо из публики участвовать в опыте и задумать то или другое слово – *безразлично* какое бы то ни было. Участник опыта садился вблизи отгадывательницы, которая клала ему на лоб свою руку и после небольшого промежутка времени говорила вслух те слова, которые он задумывал. Так проделывалось с несколькими лицами, причем самое отгадывание как конкретных, так и отвлеченных слов производилось с видимою легкостью и безошибочно. Затем проделывались опыты с отгадыванием предметов, находящихся в карманах присутствующей публики при посредстве пожилого человека – индуктора, с которым обыкновенно производились опыты этого рода. Для этой цели последний обходит публику, нащупывает вещи в кармане и в случае, если он их не узнает на ощупь, просит их вынуть, чтобы он мог убедиться, что именно пред ним имеется; затем, думая о них и не произнося ни одного слова, он спрашивает отгадчицу: что здесь или что это такое? Все вопросы ставились вполне однообразно, вещи в большинстве случаев оставались в карманах зрителей и лишь в случае, если не были узнаны на ощупь, показывались индуктору, но так, что их мог знать только он сам, их собственник и ближайшие соседи; отгадчица же при этих опытах находилась на расстоянии по крайней мере 15–40 шагов и все время оставалась с завязанными глазами; следовательно, видеть предметы не могла ни в каком случае.

Никакого условного общения между индуктором и отгадчицей также не могло быть, так как вопросы первого всегда были однообразны и без каких-либо особых изменений в интонации голоса, а о каком-либо механическом общении не могло быть и речи. Ответы для огромного большинства предметов давались отгадчицей верные, причем простые предметы, как апельсин, лимон, гребенка, веревка, ножик, зубочистка и пр., давались быстро и уверенно, предметы же менее обычные отгадывались хотя также в огромном большинстве случаев точно, но менее скоро. Отгадывание некоторых предметов требовало даже порядочного промежутка времени. Изредка при этом делались ошибки; но ошибки эти почти тотчас же исправлялись после указания на неправильность ответа со стороны индуктора. Иногда ошибки указывали на предмет лишь приблизительно, напр. вместо «записная книжка» был дан ответ «билет», когда затем индуктор указал на ее ошибку и потребовал, чтобы отгадчица думала дальше, она после некоторого времени сказала верно: «Книжка»; а на вопрос: «Какая?» – ответила: «Записная». Далее следовали вопросы о том, что в книжке записано, и индуктор последовательно заставил отгадчицу сказать по крайней мере десятка два записей, которые были сделаны в этой книжке, причем все эти записи прочитывались относительно быстро и с пунктуальной точностью без всяких даже малейших знаков со стороны индуктора...

Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров?

Уже не один десяток лет на подмостках второстепенных театров и балаганов даются представления так называемого ясновидения или отгадывания мыслей. Представления эти состоят в том, что на сцене находится отгадчица с завязанными глазами, а среди публики ходит ее индуктор, которому публикой показываются те или другие вещи, или он сам, проходя между рядами стульев и осматривая предметы, находящиеся в руках или в карманах у зрителей, опрашивает о них отгадчицу и обыкновенно без промедления получает верные их обозначения.

В некоторых случаях для большей иллюзии индуктор держит отгадчицу за руку, но это ничуть не обязательно; по крайней мере на тех представлениях «ясновидения», которые видел я, дело обходилось без всякого посредничества. **Заслуживает, однако, внимания то обстоятельство, что во всех случаях отгадывание может производиться лишь с одними и теми же индукторами-руководителями, чаще всего ближайшими родственниками отгадчицы или отгадчика. Нет надобности говорить о том, что эти представления «ясновидения» кажутся зрителям большой загадкой, причем мысль все время колеблется между двух возможностей: либо это фокус, либо дело идет о явлении, представляющем до сих пор еще не разрешенную научную загадку.** За 1-е объяснение особенно говорит то, что опыты, как я уже упоминал, удаются лишь с одним и тем же лицом; но нельзя забывать, что заинтересованными лицами этому факту дается и соответствующее объяснение, а именно: «ясновидение» будто бы развивается путем воспитания и упражнения, а воспитание предполагает приспособление или привычку к одному лицу. Другое обстоятельство, говорящее в пользу 1-го же объяснения, – это то, что отгадчица или отгадчик обыкновенно не чувствуют после сеансов утомления, но и это обстоятельство заинтересованными лицами объясняется будто бы давно усвоенной привычкой к этим сеансам.

Как бы то ни было, вышеуказанные явления оставались загадкой не только для широкой публики, но, по-видимому, и для науки, тем более что профессионалы, пользующиеся этими представлениями, имели все основания скрывать сущность самих явлений, обычно сильно заинтересовывающих публику, иначе, само собою разумеется, всякий интерес к ним должен ослабеть и обладатель «таинственной силы» вместе с этим, естественно, должен потерять свой заработок, а как велик последний, показывает сделанное мне одним из таких индукторов в интимной беседе заявление, по которому чистый гонорар в течение года от таких представлений определяется в 18 000 р.

Насколько загадочными кажутся эти представления для публики, показывает пример, что даже мужи науки, видевшие их, как мне неоднократно приходилось слышать, не находят для них другого объяснения, как допустив предположение, что имеют дело с чревовещанием; между тем этому объяснению противоречит уже то обстоятельство, что индуктор, в чем легко можно убедиться, даже стоя вблизи вас и будучи в то же время обращен к вам своим лицом, во время предложения вопросов отгадчице о ваших вещах не произносит ни одного лишнего слова, кроме задаваемых вопросов; при этом и губы его при ответах, даваемых отгадчицей, остаются неподвижными, в то время как отгадчица, произносящая громко названия вещей, двигает соответственным образом своими губами. Надо сказать, что нелегко и вообще подойти к выяснению этих представлений, ибо профессионалы по возможности устраниваются от научной критики во избежание разоблачений, *а если* и допускают научный глаз к своему делу, то обычно лишь за деньги или для того, чтобы вызвать побольше сенсации в обществе, и, конечно, при этом все же умело скрывают сущность показываемых явлений. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что эти представления в большинстве случаев оставались вне поля научного исследования...

Свои опыты д-р Котик (коллега В. Бехтерева. – Ред.) предваряет следующим введением: **«Гуляя как-то по улицам родного города Одессы, я натолкнулся на балаган со следующей вывеской: «14 лет девочка отгадывает все». Войдя туда, я увидел следующее. Стройная, хрупкая девочка, сидя с завязанными глазами на стуле и держа своего отца за руку, называла все предметы, которые публика давала отцу, или произносила слова, которые были написаны кем-либо на бумаге и передавались отцу.** Заинтересовавшись этим явлением, я стал часто заходить туда и вскоре убедился, что имею дело не с фокусом, а с несомненной способностью девочки читать мысли своего отца. Тогда я постарался приобрести

расположение этих людей, чтобы иметь возможность поставить опыты на научных основаниях и в присутствии других товарищей-врачей». Надо, впрочем, заметить, что, как показывают опыты, произведенные с С. Штаркер д-ром Котиком в его квартире, она может отгадывать и на известном расстоянии от ее отца, причем она оставалась с завязанными глазами, а в отдельных случаях и с заткнутыми ушами. Одни опыты в квартире д-ра Котика делались так, что отец оставался в той же комнате, где была и дочь, а в других они размещались в разных комнатах и между ними находилась плотно закрытая дверь. Нужно, однако, заметить, что первоначальные опыты с заткнутыми ушами и с разъединением отца и дочери по разным комнатам при разделении их плотной дверью или совсем не удавались, или удавались плохо, вообще представлялись малоубедительными; позднее же опыты, произведенные с разъединением отца и дочери по разным комнатам и с установлением контакта между ними путем проволоки, проводимой через дверную скважину, а затем и без проволоки, стали удаваться. Опыты с затыканием ушей ватой при завязанных глазах удавались в большей или меньшей мере, хотя и не всегда. Известно, впрочем, что затыкание ушей ватой не устраняет слуха, а только ослабляет его. На основании этих данных и некоторых других опытов автор в конце концов приходит к следующему выводу: «Мысль одного лица может передаваться и другому лицу посредством исходящих от центров речи 1-го N-лучей, которым принадлежит свойство возбуждать центры речи 2-го лица и вызывать в них соответствующие слуховые образы».

К общей характеристике опытов д-ра Котика следует прибавить, что известная их часть производилась в присутствии товарищей-врачей, причем д-р Котик при описании опытов подчеркивает, что опрошенные им присутствовавшие товарищи не могли заметить во время опытов никакой сигнализации между отцом и дочерью; но, с другой стороны, при описании опытов он часто упоминает о скептицизме товарищей, из чего следует, что по крайней мере некоторые из них, видя всю обстановку опытов, не отрешились окончательно от своих сомнений в отношении доказательности самих опытов. Обращает на себя также внимание заявление автора о непризнании телепатических явлений «официальной» наукой, как будто наука может быть разделена на официальную и неофициальную.

При печатании вышеуказанной работы Н. Г. Котика я написал статью в том же «Обзрении психиатрии» под заглавием «Мысленное внушение или фокус?», в которой... привел и свои наблюдения над подобной же отгадчицей мыслей, молодой особой, которые мне удалось сделать во время моего путешествия за границей в Вене в апреле 1903 года. Обстановка отгадывания мыслей в этом случае была почти тождественна с той, которая применялась и в других подобных случаях и о которой я упоминал в начале этой статьи. Наблюдая за представлениями этой особы в то время, я не находил в них ничего такого, что бы давало возможность установить обман или фокус, и тем не менее, повторяю, для решения вопроса о мысленном внушении крайне желательно не одно только установление факта, но и всестороннее изучение тех условий, при которых производятся самые опыты...

...надо было выждать, не появится ли на подмостках театров какой-либо профессионал, который... проделывал бы перед публикой опыты с отгадыванием мыслей. Случай к этому мне представился лишь весной 1916 года, когда в одном из летних театров на Невском пр. стало появляться объявление о «ясновидящей», отгадывающей мысли на расстоянии, с разными рекламными прибавлениями. Самые представления для меня, быть может, остались бы и неизвестными, если бы не предупредительная любезность нескольких лиц, которые, заинтересовавшись ими, сообщили о них мне по телефону, приглашая присутствовать на представлении.

В условленный вечер 10/VII я был в театре. Самое представление происходило при такой обстановке. Вышла на сцену девочка лет 11. Ей подставили стул, за спинку которого, стоя сзади

него, она придерживалась рукой. Затем ей плотно завязали глаза белым платком. После этого отец ее стал ходить в рядах публики, наполнившей обширный зал театра, и, увидев предметы в руках того или другого лица или знаки, имевшиеся на платье, или узнав путем ощупывания вещи, находившиеся в кармане, заставлял девочку, находившуюся на сцене, путем вопросов говорить название этих предметов. Девочка тотчас же отвечала, называя громко и вполне безошибочно предметы, и причем большею частью с поразительной быстротой. Если в кармане у кого-либо оказывалась записка, ее можно было показать отцу девочки, который, прочитав записку про себя, тотчас же спрашивал о ней девочку, и девочка слово за словом называла то, что было написано в записке. Когда отец подошел к нашей ложе, он тотчас же спросил девочку, указывая на меня: «Кто это?» С ее стороны немедленно послышался громкий ответ: «Доктор». «Как его имя?» Опять последовал ответ с указанием моего имени. «Какой орден на кителе?» Снова соответствующий ответ. Я вынул из кармана книжку «Медицинского календаря» и попросил, чтобы девочка прочла в ней заголовок. За вопросом отца последовал правильный ответ: «Календарь». Ответы все сопровождались взрывом рукоплесканий.

Таким образом, обстановка действия в общем была та же, что я некогда видел в Вене на представлении с взрослой девицей и о которой упоминал в своей статье «Мысленное внушение или фокус?».

Нечего и говорить, что иллюзия была полная, так что лица, привлечшие меня на это представление, как мне кажется, остались в полном убеждении, что дело идет о действительной передаче мыслей на расстоянии. Увидев на этот раз то же явление на сцене, которое мне пришлось видеть ранее, много лет назад, в Вене, но уже после вышеуказанной работы д-ра Котика, естественно, я возымел желание во что бы то ни стало ближе изучить обстановку самого явления с целью выяснить, в чем же в сущности здесь дело.

Я уже говорил, что, беседуя как-то с некоторыми из своих товарищей-профессоров, имевших возможность видеть, подобно мне, венскую отгадчицу мыслей, я узнал, что ими все явление объяснялось чревовещанием лица, выдающего себя за индуктора. Точно так же и здесь: в театре один из незнакомых мне зрителей, проходивших мимо моей ложи, заявил мне, что дело идет в этом случае не о чем ином, как о чревовещании; при этом для убедительности он прибавил: «Вы предложите, чтобы дали вам возможность сесть на стоящий пред девочкой стул, за спинку которого она держится, и вы убедитесь в этом, услышав слова отца. Беда, однако, в том, что вам этого *сделать не* позволят! Вы обратите внимание на то, что отец шевелит губами после того уже, как спросит девочку о предмете».

Это шевеление губ у отца я действительно замечал иногда, но оно было лишь в отдельных и относительно редких случаях и, очевидно, было произвольным с его стороны; в других же случаях самое внимательное наблюдение за отцом не открывало никакой попытки с его стороны произносить что-либо шепотом. Тем не менее, считаясь с таким предположением, необходимо было его исключить. Надо, впрочем, заметить, что уже самая обстановка представления на сцене противоречила этому предположению. Дело в том, что девочка, стоявшая на сцене с завязанными глазами и громко выкликивавшая ответы на задаваемые вопросы, так явно двигала своими губами при произношении слов, что не могло быть сомнения в том, что слова произносятся действительно ею. С другой стороны, и отец, игравший роль индуктора, проходя по рядам публики, нередко спрашивал свою дочь-отгадчицу, не оборачиваясь к ней лицом, которое было обращено к зрителям, показывавшим ему вещи для отгадывания. Когда, наконец, отец подошел к ложе, где сидел я, и стал спрашивать дочь обо мне, я мог лично убедиться, что никакого произношения слов с его стороны не было. Тем не менее, чтобы изучить все условия данного явления, я предложил отцу проделать все, что

показывалось в театре, не на сцене, а в другом месте, при отсутствии большой публики. Он любезно согласился на это, и мы с несколькими присутствовавшими в нашей ложе лицами удалились в контору театра, где кроме нас, отгадчицы и ее отца находилась еще одна посторонняя женщина, работавшая с конторскими книгами и совершенно не интересовавшаяся опытами.

Здесь прежде всего я обратился с различными вопросами к девочке, на лице которой заметил большое смущение. На вопрос, может ли она проделывать опыты отгадывания со мною, она после некоторого размышления ответила, что она должна к этому еще привыкнуть. На мой вопрос, обращенный к ее отцу, сколько времени надо ей привыкнуть, чтобы она могла и со мной делать опыты с отгадыванием, со стороны отца последовал ответ: «Около месяца». Нечего и говорить, что опыты с отгадыванием, которые я попробовал проделать с девочкой, оказались неудачными. Тут же было решено проделать несколько опытов с отцом. Я поставил девочку позади стула в глубине комнаты, вблизи стены, а сам сел на стул, стоявший перед девочкой. Отец, находившийся в расстоянии нескольких аршин от противоположной стены, задавая девочке вопросы о разных вещах, ему показываемых, тотчас же получал от нее ответы с наименованием вещей; при этом произношения отцом названия вещей хотя бы и шепотом я не слышал, а так как отец находился вблизи, то можно было опять-таки определенно удостовериться в том, что шевеления губ и никакого шептания вообще с его стороны не делалось и губы его после сделанного вопроса оставались совершенно замкнутыми в то время, когда девочка громко произносила ответы.

В целях большей убедительности решено было проделать опыты так, чтобы отец находился вне комнаты, за дверью, а девочка по-прежнему оставалась в глубине комнаты за стулом. При этих опытах я находился вблизи отца и внимательно следил за ним. Ответы девочки опять были вполне удачными, хотя отец ее только спрашивал, не подавая никаких сигналов, которые помогли бы ей отгадывать.

Надо заметить, что в числе моих любезных соучастников, присутствовавших при этих опытах, были, по-видимому, и лица, вполне убежденные в действительности в данном случае передачи мыслей на расстоянии, о чем я заключаю из того, что они то и дело заявляли языком д-ра Котика, что, к сожалению, «официальная» наука не признает возможности самого факта передачи мыслей. Между прочим, одним из них было высказано предположение, что так как дело идет здесь о передаче посредством особой энергии, то **поставленная на пространстве между индуктором и отгадчицей металлическая ширма должна непременно устранить передачу. В подкрепление своих слов им тотчас же был откуда-то взят большой круглый металлический поднос около одного аршина в диаметре и поставлен на пути между отцом-индуктором и дочерью-отгадчицей. Препятствие это, однако, ничуть не изменило картины отгадывания: оно произносилось девочкой с прежнею легкостью. Опыт был признан соучастником неудачным, а неудача мотивирована тем, что металлическая преграда не оказалась будто бы достаточных размеров, хотя самый поднос, как сказано, был не из маленьких.**

Так или иначе, но после этих опытов некоторые из наблюдавших их остались в убеждении, что дело идет в данном случае о действительной передаче мыслей на расстоянии. Для меня, однако, подозрительными казались, с одной стороны, смущенный вид девочки во время моей беседы с ней, с другой – то обстоятельство, что отгадывание мыслей возможно для нее лишь с ее отцом, и, наконец, тот факт, что отгадывание производилось девочкой, вообще говоря, с поразительной быстротой и без малейшего утомления. К тому же опыты велись чрезвычайно быстро: чуть только покажут отцу какой-либо предмет, он тотчас же задает вопрос девочке, а она немедленно отвечает на него. При этом девочка не только заявила на мой вопрос,

что эти опыты нисколько не утомляют ее, но и всем было ясно, что после представления на сцене она проделывала опыты и специально для нас в конторе театра с такой же легкостью, как и в самом театре. Все это в моих глазах оставило природу самого явления не только невыясненной, но и подозрительной в отношении существования какого-либо фокуса, и потому я предложил отцу проделать те же опыты у меня на квартире. После некоторого размышления он сказал, что мое приглашение он считает крайне для себя лестным, и мы условились относительно дня и часа, когда он с дочерью приедет ко мне для представления... Но каково же было мое удивление, когда я убедился, что все мои приготовления оказались совершенно излишними, ибо ни отец, ни девочка в условленное время ко мне не прибыли и даже ничего о себе не заявили... я решил не отступать от выяснения задачи, и потому в тот же день вечером я поехал на спектакль...

Уже на дворе театра меня остановил какой-то господин, ранее мне совершенно незнакомый, и отрекомендовался непрaktикующим врачом, хорошо знающим данный театр и, между прочим, отца-индуктора. Он заявил, что отец-индуктор не мог ко мне приехать потому, что, выступая с опытами в театре, он имеет дело с публикой, среди которой интерес к такому представлению поддерживается исключительно тем, что самое явление признается загадочным, но что меня как человека науки он не может вводить в заблуждение, тем более что ему ясно, что я и сам догадываюсь о действительной природе явления, как он убедился в том из моих слов во время опытов за кулисами театра; и потому, если бы я был в прошлый раз во время представления в конторе театра один на один с отцом девочки, он не преминул бы открыть мне свой секрет, а так как я был с людьми из публики, то сделать ему этого было нельзя. Он не мог бы также сделать этого и у меня на дому, ибо предполагалось представление с людьми из публики. Поэтому он и уклонился от представления у меня на квартире; но, предупредив меня о том, в чем заключается дело, он охотно сделает представление и у меня на дому при какой угодно публике.

Секрет же заключается в том, что отец имеет свой особый ключ из вопросов для разных обиходных предметов и особый ключ для азбуки и цифр, который девочка хорошо усвоила и легко распознает по нему, что требуется ей ответить. Все обыденные предметы, как, напр., папиросница, спичечница, погон, ордена по степеням, чин, книжка, билет и т. п., как и обыденные имена, напр. Николай, Александр, Владимир, Михаил и т. д., имеют отдельный ключ, собственно для легкости отгадывания; для всех же других менее обиходных названий служит азбучный и цифровой ключ, иначе говоря, слова вопроса содержат в себе обозначения определенных букв и цифр. Допустим, напр., что надо отгадать цифру 37, имеющуюся на погонах; для этих цифр может быть условный ключ «Скажи скорей», причем слово «скажи» соответствует 3, а «скорей» – 7. Естественно, что, когда индуктор спросит девочку, какая цифра на погонах у офицера, и прибавит: «Скажи скорей», девочка ответит 37. Если в записной книжке окажется написанной, напр., цифра 377, добавление к вопросу будет такое: «Скажи скорей, скорей»; если цифра в записной книжке будет не 377, а, напр., 337, к вопросу будет добавлено: «Скажи, скажи скорей». Если, предположим, слово «ну» будет соответствовать единице, тогда для отгадывания цифры 137 к вопросу будет добавлено: «Ну, скажи скорей»; для отгадывания же цифры 1317 вопрос будет сопровождаться словами: «Ну скажи, ну скорей» и т. д. Составленный заранее ключ для обиходных предметов дает еще более легкую возможность отгадывания; напр., слово «что» обозначает «часы», а «что такое?» – кошелек, «что тут такое?» – гребенку. Ясно, что, если вопрос будет задан так: «В кармане что?», ответ будет дан: «Часы», а при вопросе: «В кармане что такое?» – ответ будет: «Кошелек»; при вопросе же: «Что тут такое?» – ответ будет: «Гребенка». Переход с условного ключа для обиходных

предметов на цифры или на азбуку, конечно, обозначается опять-таки определенным условным словом, напр.: «Подумай хорошенько», и отгадчица знает, что надо составлять слова по азбуке. В заключение мой собеседник предупредил меня, что он передает о профессиональном секрете отгадывания с тою целью, чтобы индуктор-отец при моем желании имел возможность после этого сделать представление и у меня на квартире, хотя бы и в присутствии посторонних лиц. Я поблагодарил его, и мы вошли в театр.

Сидя в ложе и наблюдая за ответами отгадчицы, как и в прошлый раз, я теперь мог ясно следить за всеми подробностями фокуса. Отец-индуктор, проходя по рядам публики, само собой разумеется, ничуть не нуждался в сосредоточении своего внимания на предмете, имевшемся у того или другого лица из публики. Он не нуждался и в том, чтобы пронизывать отгадчицу своим взором. Ему просто было нужно знать самый предмет и затем задавать девочке вопросы по условленному ключу, хотя бы даже и не смотря на нее, и девочка, хорошо усвоившая ключ, руководясь этими вопросами, отвечала незамедлительно, производя иллюзию отгадывания.

Предварительно до этого последнего представления я зашел еще раз с моим новым знакомым за кулисы театра в комнату отца-индуктора, который подтвердил мне все сказанное встретившим меня врачом, заявив, что сначала он думал заниматься хиромантией, но что за ключ для хиромантии один из его знакомых спросил с него довольно дорого – что-то около 300 р., тогда он перешел на профессию «отгадывания мыслей», причем ключ для этого составил лично сам. Далее он пояснил, что лица его профессии, каковых он насчитал трех в России, в том числе и Штаркер-отец, не имеют общего ключа и потому каждый работающий по отгадыванию мыслей свой ключ держит в секрете, ибо это – его хлеб. Поэтому всякий другой человек, занимающийся такой же профессией, как работающий со своим особым ключом, не будет иметь возможности распознавать по задаваемым ему вопросам предметы, которые подразумеваются под этими вопросами. Он упомянул также, что лиц его профессии, сколько он знает, вообще немного, что, наконец, старика Штаркера, дававшего представления с отгадыванием мыслей его дочерью Софьей Штаркер в Одессе, он знал лично и что его представления велись, как он наверное знает, по совершенно такому же способу, с помощью особого условного ключа. На мой испытующий вопрос: «А не было ли там действительного отгадывания мыслей на расстоянии, как об этом заявлялось в научной литературе?» – он ответил с улыбкой: «Говорю вам, я лично знал старика Штаркера и его дочь и неоднократно с ним беседовал».

Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных

Передача мыслей на расстоянии от человека к человеку, называемая телепатией, берет начало от спиритов, которые после выяснения вопроса о так называемом чтении мыслей при посредстве осязания, открытом впервые Брауном, стали доказывать возможность передачи мыслей при отсутствии соприкосновения двух лиц. **С точки зрения спиритов, дело идет о существовании особой силы, или «духа», благодаря которой человек может вступать в сношения через расстояние, и притом непосредственно, т. е. без участия своих воспринимающих органов, с психическим миром другого человека и даже с духами умерших людей.**

Для людей науки гипотеза в таком виде не может быть признана приемлемой, ибо прежде всего ни существование особой силы, ни существование духов умерших людей не было доказано, а самые опыты не представлялись убедительными.

С точки зрения чистого знания гипотеза может быть приемлемой для выяснения

доказательств лишь в той ее части, которая касается непосредственного или так называемого «мысленного» воздействия на расстоянии одного лица на другое или вообще со стороны человека по отношению к другому живому существу.

Факты, которыми в настоящее время обладает наука, показывают, что отгадывание мыслей, или ясновидение, основано на чрезвычайно повышенной восприимчивости отдельных лиц, которые так или иначе распознают задуманное другими. В этом смысле повышенная восприимчивость, доказываемая для гипнотического состояния, поясняет нам, почему отгадывание мыслей происходит обычно в состоянии гипноза, хотя бы и неполного, а если дело идет о профессиональных отгадчиках мысли, то замечено, что они себя вводят самопроизвольно в состояние, которое можно назвать полугипнотическим, или даже в состояние автогипноза, каковое мы имеем в виде транса у медиумов.

Если люди, в бодрственном состоянии особенно восприимчивые и могущие легко освободиться от состояния активного сосредоточения по отношению к внешним впечатлениям, как это мы наблюдаем, напр., у лиц, легко внушаемых в бодрственном состоянии, способны иногда к отгадыванию мыслей, то в этом случае способ этого отгадывания сводится будто бы к восприниманию неуловимых другими двигательных импульсов, производимых невольно индуктором при напряжении сосредоточения на определенном предмете, как допускают многие авторы. Этими незамечаемыми двигательными импульсами, между прочим, объясняются и известные опыты с столо- и блюдоверчением... Но все же этот вопрос нельзя считать окончательно выясненным, и не исключена возможность в таких случаях непосредственной передачи нервной или мозговой энергии от одного человека другому...

...Также вопрос о непосредственном, бессловесном, или так называемом мысленном, воздействии на животных заслуживает особого внимания, и я долгое время искал случая подвергнуть этот вопрос выяснению с помощью соответствующих экспериментов. Случай к этому мне представился несколько лет тому назад, незадолго до великой войны, и вот по какому поводу.

Совершенно случайно после долгих лет совершенного индифферентизма к цирковым представлениям я посетил цирк «Модерн» на Петроградской стороне. Оказалось, что наряду с другими представлениями в этот вечер показывал публике своих дрессированных животных В. Дуров. Им демонстрировалось небольшое животное свиней породы, которое под взглядом Д. засыпало и по его же внушению начинало жевать и продолжало жевать столько времени, сколько ему внушалось. Далее была представлена большая собака из породы сенбернаров, которая считала до 9. Собака по имени Лорд казалась очень спокойной и солидной по своему нраву. Обстановка демонстрации заключалась в следующем: Дуров предлагает кому-нибудь из публики писать любые слагаемые, с тем чтобы цифра их не превышала 9, ибо, по его заявлению, его Лорд не умеет правильно считать свыше 9. Два или три слагаемых пишутся кем-либо на бумаге или на грифельной доске, что показывается Дурову, который при этом стоит к собаке спиной. После этого собака по внушению Дурова тотчас же начинает лаем отмечать сумму слагаемых. Опыты производились много раз и всегда имели полный успех: собака мерно, точно и громко отлаивала сумму слагаемых. Не было сомнения, что собака в пределах задания выполняла свою роль безупречно.

Случилось так, что Дуров заметил мое присутствие в цирке и, подойдя ко мне, заявил, что, будучи рад встретиться со мной, он просит моего участия в совместной разработке его опытов в дальнейшем. Мы условились осуществить сеансы на моей квартире.

В условленный день Дуров привел мне двух собак: того же Лорда и другую маленькую собачку из породы фокстерьеров – Пикки. Пока я скажу об опытах с Лордом. Собака была усажена на диван, на котором она спокойно оставалась в обыкновенной сидячей позе собаки.

Затем Дуров предлагает показать собаке написанные на бумаге те или другие цифры, так чтобы их общая сумма не превышала 9. Безразлично, можно применить и вычитание, лишь бы разность была в пределах до 9. Цифры эти показываются Дурову, и тогда, немедленно отвернувшись от собаки и стоя к ней спиной, дается собаке сигнал словами: «Ну, Лорд, считай», и Лорд начинает лаять столько раз, сколько составляет сумма или разность двух чисел, будет ли это 5, 6, 7, 8 или 9. Опыты были повторены много раз и всегда с одинаковым успехом. Заметим, что само показывание цифр собаке тут ни при чем, ибо Лорд считать и складывать цифры по письменным знакам на самом деле не умеет, в чем легко было убедиться путем проверочных опытов. Если же Лорд дает лаем в результате цифру, составляющую сумму или разность двух цифр, то лишь потому, что всегда за словами «Ну, Лорд, считай» делается собаке соответствующее мысленное внушение. Если же такового внушения не сделать, то при одном показывании цифр опыты не могут быть удачными. И действительно, произведенные в этом отношении опыты привели к следующему: написанные втайне и показанные собаке две однозначные цифры с крестом между ними хотя и вызывали у Лорда приступы лая, но число лаев ни в одном случае из трех раз не совпадало с суммой слагаемых. Моя попытка сопровождать написанные цифры живым представлением самих написанных цифр также не дала соответствующих результатов, тогда как опыты, произведенные с так называемым мысленным внушением самого лая, были выполняемы собакой всегда вполне правильно. Отсюда ясно, что только сосредоточение экспериментатора на последовательном ряде лаев, начиная от первого до 9, приводит к осуществлению правильного счета.

Надо заметить, что с собаками удаются и другие опыты «мысленного внушения». Сам Дуров («Мои четвероногие и пернатые друзья») описывает эти и другие опыты следующим образом: «Предположим, перед нами такая задача: внушить собаке, чтобы она подошла к столу и принесла лежащую на нем книгу. Я подзываю Лорда, он подходит; я беру его голову в свои руки, как будто символически подчеркиваю ему, что он всецело в моей власти, что он должен всецело подавить свою волю, что он должен стать автоматом, быть только нерассуждающим исполнителем моей воли. Для достижения этого я впиваюсь строгим взглядом в его глаза, которые словно срастаются с моими. Воля собаки парализована. Я собираю все силы своих нервов, сосредоточиваюсь до полного забвения окружающего меня внешнего мира на одной мысли. А мысль эта состоит в том, что я должен запечатлеть в своей голове очертание интересующего меня предмета (в данном случае стола и книги) до такой степени, что, когда я оторвусь взглядом от данного предмета, он все-таки должен стоять передо мной как живой. Я это и делаю. В течение приблизительно полминуты я буквально «пожираю» предмет глазами, запоминаю малейшие его подробности, складки на скатерти, трещины в переплете книги, узор скатерти и т. п. Довольно, запомнил!

Я властно поворачиваю к себе Лорда и смотрю ему в глаза, вернее, дальше глаз, куда-то внутрь, вглубь. Я фиксирую в мозгу Лорда то, что сейчас зафиксировано в моем мозгу. Я мысленно спокойно рисую ему часть пола, следующую к столу, затем ножки стола, затем скатерть и, наконец, книгу. Собака уже начинает нервничать, беспокоиться, старается высвободиться. Тогда я ей мысленно даю приказание, мысленный толчок: «Иди!» Лорд вырывается, как автомат, подходит к столу и берет зубами книгу. Задание исполнено. Лорд чувствует себя облегченным, как будто с него свалилась давившая его огромная тяжесть, и постепенно успокаивается».

Ряд такого именно рода опытов был произведен в моей квартире над небольшой собачкой Пикки мужского пола из породы фокстерьеров, очень бойкой и шустрой по натуре. Опыты были произведены в послеобеденное время в присутствии нескольких членов моей семьи, в том числе двух врачей – О. Бехтеревой-Никоновой и Е. Воробьевой. Всего было произведено шесть

опытов, из которых четыре первые опыта были осуществлены Дуровым и два опыта произведены лично мною. Задание первого опыта состояло в том, чтобы Пикки подбежала к обеденному столу, который еще не был убран, и схватила зубами лежащую близ его края одну определенную салфетку, ничем в остальном не выделявшуюся из ряда других лежащих на том же столе салфеток. После установления этого задания собака приглашается вскочить на стул, стоящий около стены. Пикки немедленно исполняет приказание и усаживается на сиденье обыкновенного венского стула. **Тогда Дуров, стоя спиной к обеденному столу, придерживает голову собаки обеими руками и сосредоточенно смотрит ей в глаза, думая о том, что она должна сделать. Так дело продолжается с одной минуты, не более, после чего морда собаки, уже начинающей беспокоиться, освобождается от рук и маленькая шустрая собака стремглав бросается к обеденному столу, схватывает условленную салфетку зубами и торжествуя несет к экспериментатору.**

Второй опыт по общему соглашению должен был состоять в следующем: собака должна была снять зубами книгу с этажерки, стоявшей у стены комнаты. Снова Пикки на стуле. Опять Дуров придерживает своими ладонями ее мордочку, сосредоточивается на задуманном предмете не более минуты. После этого Пикки срывается с места, бежит прямо к этажерке, зубами берет задуманную книгу и тащит по назначению.

Третий опыт по моему предложению должен был быть выполненным следующим образом. Собака должна вскочить на предрояльный круглый стул и ударить лапой в правую сторону клавиатуры рояля. Снова прежняя процедура. Пикки на стуле, Дуров сосредоточенно смотрит в ее глаза, некоторое время обхвативши ее мордочку ладонями с обеих сторон. Проходит несколько секунд, в течение которых Пикки остается неподвижным, но, будучи освобожден, стремглав бросается к роялю, вскакивает на круглый стул, и от удара лапы по правой стороне клавиатуры раздается громкий трезвон нескольких дискантовых нот.

Четвертый опыт по моему предложению должен был состоять в следующем. Собака должна была после известной процедуры внушения вскочить на один из стульев, стоявших у стены комнаты позади собаки, и затем, поднявшись на стоящий рядом с ним круглый столик, должна была, вытянувшись вверх, поцарапать своей лапой большой портрет, висевший на стене над столиком. Казалось бы, это еще более сложное действие по сравнению с предыдущим нелегко выполнимо для собаки. А между тем после обычной процедуры сосредоточения и смотрения в глаза в течение нескольких секунд Пикки спрыгивает со своего стула, быстро подбегает к стулу, стоящему у стены, затем с такой же быстротой вскакивает на круглый столик и, поднявшись на задние лапы, достает правой передней конечностью портрет, поцарапав его немножко своими когтями. Если принять во внимание, что оба последних опыта были осуществлены по заданию, известному только мне и Дурову и никому больше, что я был все время рядом с Дуровым и неотступно следил как за самим Дуровым, так и за собакой и не мог при этом заметить ничего объясняющего выполнение собакой задуманного задания, так нельзя было более сомневаться, что собака способна при вышеуказанных условиях опыта проделывать какие угодно сложные действия, доступные ее выполнению.

Чтобы иметь полную уверенность в этом, я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумал. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоявший сзади меня в расстоянии около 2 сажен неподалеку от рояля круглый стул и осталась на нем сидеть. **Как и в предыдущих опытах, приглашается собака подняться на стул, я же, сосредоточившись на форме круглого стула, некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и много раз кружится вокруг обеденного стола.** Опыт я признал неудачным, но я вспомнил, что я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением

собаки к круглому столу и затем вскакиванием собаки на самый стул. Ввиду этого я решил повторить тот же опыт, не говоря никому о своей ошибке и поправив лишь себя в вышеуказанном смысле. Я снова приглашаю собаку сесть на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что собака должна подбежать к круглому столу, находившемуся позади меня в расстоянии около одной сажени, и, вскочив на него, сесть. Сосредоточившись так около 2–3 минут, я отпускаю собаку, и не успев я оглянуться, как собака уже сидела на круглом стуле. Задание, которое выполнила в этом случае Пикки, как упомянуто, не было известно никому, кроме меня самого, ибо я ни с кем по этому поводу не советовался, и тем не менее Пикки разгадала мой секрет без малейшего затруднения.

Этой серией опытов день был закончен. К сожалению, это был последний день, когда мы могли осуществить совместные с Дуровым опыты, ибо на другой день он уезжал из Петербурга, а предполагаемое нами продолжение опытов по возвращении Дурова в Петербург не осуществилось ввиду того, что вскоре разразилась великая европейская война и встреча наша не могла состояться...

К приведенным опытам я не делаю особых пояснений. Сами по себе эти опыты настолько поразительны, что они заслуживают внимания безотносительно к тем или иным комментариям.

Одно могу сказать, что после приведенных опытов мне не кажется более удивительным зачаровывание взглядом диких зверей, отступающих перед человеком, который легко мог сделаться их жертвой, как это бывало с христианскими мучениками в римском Колизее, и роковое стоическое подчинение своей участи мелких птиц, являющихся жертвами алчности змеи, в то время, когда они спокойно могли от нее улететь...

...Так как опыты «мысленного» внушения над людьми в общем были малопродуктивны и до сих пор дали, вообще говоря, не вполне решительные результаты, то естественно, что осуществление этих опытов на животных открывает новые возможности в исследовании вопроса о мысленном внушении чисто лабораторным путем.

О бессмертии

В те моменты истории, как переживаемое нами время, когда почти каждый день приносит известие о гибели многих сотен и тысяч людей на полях сражений, особенно настойчиво выступают вопросы о «вечной» жизни и о бессмертии человеческой личности. Да и в обыденной жизни мы сталкиваемся на каждом шагу с потерей близких нам лиц – родных, друзей, знакомых – от естественной или от насильственной смерти.

«Произошел выстрел, и человека не стало». «Болезнь отняла от нас друга, который отошел в другой мир». – Так говорят обыкновенно над свежей могилой.

Но так ли это на самом деле? **Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то спрашивается, чего стоила бы сама жизнь? Ибо, если жизнь кончается ничем в смысле духовном, кто может ценить эту жизнь со всеми ее волнениями и тревогами? Пусть даже жизнь скрашивается стремлениями в лице лучших умов к вечным идеалам истины, добра и красоты, но для самого человека, живущего и действующего, чем можно было бы оправдать преимущества этих идеалов по сравнению с теми или иными своекорыстными стремлениями? Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: «Все дозволено!»**

В самом деле, к чему мне заботиться о других, когда все – и я, и они перейдут в

«ничто» и когда вместе с этим «ничто» устраняется вполне естественно и всякая моральная ответственность. Смерть человека без вечного духа, которую признают все религии и в которую веруют все народы, разве не устраняет почву из-под всякой вообще этики и даже из-под всех стремлений к лучшему будущему?

Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом?

Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает, ибо с прекращением жизни все равно ничего не останется? Между тем иначе сама жизнь, как дар природы, протечет без тех земных удовольствий и наслаждений, которые она способна дать человеку, скрашивая его временное существование.

Что же касается заботы относительно других, то стоит ли вообще об этом думать, когда все – и «я», и «другие» завтра, послезавтра или когда-нибудь превратятся в «ничто». Но ведь это уже прямое отрицание человеческих обязанностей, долга и вместе с тем отрицание всякой общественности, неизбежно связанной с известными обязанностями. Вот почему человеческий ум не мирится с мыслью о полной смерти человека за пределами его земной жизни, и религиозные верования всех стран создают образы бесплотной души, существующей за гробом человека в форме живого бестелесного существа, а мировоззрение Востока создало идею о переселении душ из одного существа в другие.

Таким образом народный эпос и религиозное умозрение как бы предуказывают то, что должно быть предметом внимания науки и что до позднейшего времени оставалось вне ее поля зрения. Правда, философии не чужда идея бессмертия, ибо она уже давно ставила проблему бессмертия человеческой души как таковую, которая требует своего разрешения, и, как известно, еще Спиноза, а затем и Кант, не говоря о некоторых других философах, признавали бессмертие духа.

Наш великий моралист Л. Толстой высказывается по этому поводу следующим образом: «Если признают жизнь не в теле, а в духе, то нет смерти, есть только освобождение от тела. Мы признаем в душе нечто такое, что не подлежит смерти. Объяви только в своей мысли то, что нетелесно, и ты поймешь то, что в ней не умирает».

Из новейших авторов, как известно, американский философ Джемс, недавно скончавшийся, «был столь убежден в существовании загробного мира, что обещал после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями». На это наш ученый Мечников не без иронии заметил, что он «до сих пор не выполнил своего обещания».

Некоторые из философских умов в этом вопросе даже примыкали к доктринам христианства. Как известно, христианское учение говорит о всеобщем воскресении мертвых, и наш известный философ Соловьев опирается именно на эту сторону христианского учения в своих диалектических возражениях по адресу морального аморфизма. «Отрицая различные учреждения, моральный аморфизм, – говорит он, – забывает об одном довольно важном учреждении – о смерти, и только это забвение дает доктрине возможность существования». «Ясно, что это учение, умалчивая о смерти, носит ее в себе самом. Оно выдает себя за восстановление подлинного христианства, но слишком очевидно и психологически, и исторически, что проповедь Евангелия не забывала о смерти; прежде всего эта проповедь опиралась на воскресение Одного, как на совершившееся событие, и на будущее воскресение всех, как на обеспеченное обещание. Общее воскресение есть создание совершенной формы для всего существующего, крайнее выражение и осуществление благого смысла вселенной и потому конец и цель истории».

Таким образом, наш маститый философ принимал христианскую доктрину так, как она передается нам в священной книге, в прямом смысле слова, и рассматривал перспективу общего воскресения как обеспеченное обещание, как непреложный факт будущего, забывая при этом, что в известных случаях слова вообще должны быть понимаемы не по внешней их форме, а по их сокровенному смыслу.

Не будем умалять значения христианского учения для цивилизованного мира. Возвышение «духа» над телом, любовь к ближнему, непротивление злу насилием и самопожертвование ради торжества истины и ради общего блага – вот те нравственные принципы, которые выдвинуло христианство. Эти принципы, опрокинувшие некогда древний языческий мир, поборовшие его великим страданием самого Учителя и последующими страданиями его учеников, привели к обновлению мира, создав новую эру для современного человечества. **Но даже приняв во внимание заявление В. Соловьева относительно обеспеченного обещания в христианском учении, следовательно, факта в будущем, люди науки скажут: в общее воскресение надо верить, ибо общее воскресение есть высшее чудо, научная же мысль давно отрешилась от всего чудесного и не может опираться на веру.**

Вот почему даже столь сильные умы, как наш Мечников, стоят на точке зрения полного отрицания загробной жизни.

Но прежде чем разрешать этот вопрос, мы сойдем с плоскости религии и примыкающей к ней в этом вопросе философии и обратимся к научному анализу вопроса о бессмертии человеческой личности, т. е. к тому знанию, которое признается точным, и посмотрим, как будет решаться вопрос о бессмертии человеческой личности с научной точки зрения.

Не очень давно научное воззрение держалось на трех китах – на признании физической энергии, материи и духа, несводимых будто бы путем научного анализа к более общим формам мировых явлений и в то же время не имеющих между собой ничего общего. Еще покойный Менделеев не считал возможным отрешиться от этих, так недавно считавшихся общепризнанными, взглядов. Но за истекшее столетие в лице Майера и Гельмгольца наука обогатилась одним незыблемым законом – законом постоянства энергии. Этот закон гласит, что энергия может подвергаться превращению из одного ряда в другой, но она не тратится и не убывает. Ранее того был установлен, как известно, принцип постоянства материи. Предполагалось, что материя при всех возможных превращениях остается в смысле своего веса одной и той же, иначе говоря, количество материи, несмотря на всевозможные превращения, остается постоянным.

Однако позднейшие научные открытия, особенно же открытие радиоактивных веществ, а также открытие рентгеновских лучей и другие приобретения науки пошатнули это положение, ибо стал очевидным переход, хотя и медленный и постепенный, материи в энергию. С другой стороны, наукой установлено, что и материальные атомы, разлагающиеся на электроны, представляют собой не что иное, как центры энергии, а следовательно, в физическом мире мы можем говорить лишь об энергии как сущности, которая вмещает в своем понятии и физическую энергию, и видимую и осязаемую нами материю.

Иначе говоря, можно признать, что энергия при известных условиях скрытого потенциального состояния дает начало веществу – материи или массе, последняя же в конце концов при тех или других условиях может быть разложена на ряд физических энергий. В этом отношении еще Декарт подходил к решению задачи, говоря, что материя есть «движение» или «сила».

Г. Лебон, задаваясь вопросом: «Материя не есть ли энергия?» – замечает: «Всякому, следившему за моими работами, известно, что мне удалось доказать, что свойства солей радия

суть не более как свойства каждого тела природы, только в радию они более ярко выражены. Всякое тело обладает истечением частиц в более слабой степени, чем радий. Это показывает, что материя имеет свойства медленно рассеиваться. Радиоактивность и рассеивание (диссоциация, распад) материи, ее дематериализация – это синонимы. Электричество и солнечное тепло – не что иное, как разьединенная материя. Можно доказать, что элементы, извергаемые полюсами, одинаковы с элементами, отделяющимися от радия».

Но за всем тем остается мир духовный, или так называемая психическая, точнее – нервно-психическая деятельность, которая непосредственно познается нами как мир явлений, открываемых путем самонаблюдения и самоанализа. Этот мир тем самым противопоставляется миру объективному, ибо последний не подлежит самонаблюдению, но в то же время познается нами лишь не иначе, как при посредстве наших внутренних переживаний, т. е. путем того же субъективного мира, открываемого при посредстве самонаблюдения и самоанализа.

Но это противоположение остается лишь до тех пор, пока мы о нервно-психической деятельности судим по своим переживаниям, т. е. признаем ее деятельностью исключительно субъективной, не имея в то же время возможности проникнуть во внутреннюю природу явлений внешнего мира. Но та научная дисциплина, которую я стремлюсь установить под наименованием «Объективной психологии», или – точнее – «Рефлексологии», рассматривает нервно-психическую соотносительную деятельность со строго объективной точки зрения, как совокупность высших или сочетательных рефлексов, имеющих свои внешние причины или внешние воздействия, предоставляя в то же время субъективной психологии изучать проявление субъективного характера этих рефлексов путем самонаблюдения.

Со строго объективной точки зрения разнообразные действия Человека могут и должны быть сопоставлены по аналогии с движениями псевдоподий таких простейших животных, как амеба, и то, что мы понимаем под высшими или сочетательными рефлексами, в конце концов представляет собой производное сократительности живого вещества в случае ответа его на сопутствующие раздражения. Отсюда ясно, что связываемый с высшими рефлексами психизм в живой природе вообще, где бы он ни проявлялся и в каких бы формах ни обнаруживался, должен быть сведен также на особый вид энергии, разнообразные проявления которой мы имеем в телах окружающей нас живой природы.

При этом мы знаем, что в основе соотносительной деятельности высших организмов лежит нервный ток, являющийся сам по себе производным сократительности протоплазмы, ибо нет ни одного соотносительного (нервно-психического) процесса, который бы не происходил в мозгу, основой же деятельности мозга, как мы знаем, является нервный ток, переходящий путем сокращения мышц и смещения членов в механическую энергию.

Как известно, импульсами для возбуждения нервного тока служат внешние заряды, которые действуют на воспринимающие органы внешней и внутренней поверхности тела, играющие, как я указал еще в 1896 году, роль особых трансформаторов внешних энергий обеспечением же правильного проведения тока по нервным волокнам является непрерывный приток крови к мозгу.

Другие факты не оставляют сомнения в том, что при условиях нормального мозгового кровообращения усиление субъективных сознательных процессов сопутствуют замедлением и даже задержкой движения, т. е. ослаблением механической работы, и наоборот – ускорение и усиление производимой механической работы сопровождается ослаблением ее сознательности. Отсюда вытекает противоположение между субъективными проявлениями сознания и объективными двигательными процессами, а это говорит за то, что при активной психической деятельности происходит задержка энергии в центрах, точнее говоря, в клетках нервной ткани.

Всем известно, что активная умственная работа идет медленнее автоматической.

Достаточно сделать усиленное напряжение мысли при ходьбе, стремясь внимательно производить каждый шаг, и тотчас же ходьба замедляется и даже наступает ее приостановка, и наоборот – при ослаблении внимания или в состоянии так называемой рассеянности процесс ходьбы становится более планомерным и свободным.

В основном мною совместно с В. Т. Зиминым Педологическом институте в Петрограде непосредственными опытами над новорожденными было доказано, что всякое внешнее впечатление, привлекающее внимание ребенка, действует успокаивающим образом на его движения и в особенности на его дыхание, которое всегда при этом выравнивается.

Таким образом, необходимо признать, что сознательное или, выражаясь философским языком, духовное связано с задержкой нервного тока, сам же нервный ток, как мы видели, является трансформированной физической энергией того или иного рода. Отсюда ясно, что духовная сторона человеческой личности, если понимать под этим все вообще происходящие в ней субъективные процессы и тесно связанные с ними внешние проявления, в конце концов оказывается производной внешних энергий и является результатом задержки и, следовательно, наивысшего напряжения энергии в центрах.

Очевидно, таким образом, что и между нервно-психической и так называемыми физическими энергиями не только нет никакого противоположения, как полагали раньше, а наоборот имеется взаимоотношение, основанное на переходе одной в другие и обратно.

Поэтому необходимо признать, что все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления «духа», могут и должны быть рассматриваемы как производные одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа.

В окончательном выводе энергия должна быть признана единой сущностью во Вселенной, причем все вообще превращения материи или вещества и все вообще формы движения, не исключая и движения нервного тока, представляют собой не что иное, как проявление мировой энергии, непознаваемой в своей сущности, но являющейся первоосновой известных нам физических энергий, являющихся также лишь определенной формой проявления мировой энергии, т. е. проявления ее при определенных условиях окружающей среды...

В конце концов необходимо признать, что сущность мировой энергии по ограниченности нашего мышления, черпающего свой материал лишь из видимого материального мира, остается недоступной нашему познанию.

Но одно несомненно, что мировая энергия в конце концов служит началом и материального, и духовного мира, следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе и материальное, и духовное. «Называя все это – материю, энергию, дерево – физическими продуктами, касаемся ли мы их последней реальности? Уверены ли мы даже совершенно в том, что то, что мы называем физическим миром, есть в конце концов физический мир? Преобладающим научным взглядом в настоящее время является, что это не так. Самое выражение «материальный мир» есть, говорят нам, неверное выражение; мир есть мир духовный, только употребляющий «материю» для своего обнаружения».

Как бы то ни было, в последних частицах беспредельного дробления материи, пример которого мы видим в радиоактивности тел, мы уже не находим никаких свойств материи, а лишь качества, присущие энергии, равно как и в конечном анализе психические процессы лишаются свойств психического в истинном смысле слова и должны быть сводимы на бессознательные процессы, связанные с затрачиваемой энергией.

Таким образом, мы не только не видим основания противопоставлять друг другу физическую энергию, материю и дух, они не только не представляются нам особыми

сущностями, что признавалось за истину еще недавно, но мы должны в этом отношении держаться взгляда о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во Вселенной. Это учение, как объединяющее все мировые явления, мы обозначаем именем эволюционного монизма, ибо в данном случае к монизму мы приходим путем выяснения и анализа эволюционного процесса, приводящего все вообще внешние проявления видимого мира к единой «мировой» энергии как началу всего сущего.

Эта мировая энергия обуславливает движение всего во Вселенной, ибо во всем познаваемом пространстве нет ничего без движения, и мы не знаем вообще ни одного явления в природе, ни одного процесса, который не сопровождался бы движением.

С движением связаны и энергия притяжения и отталкивания, лежащая в основе законов тяготения небесных тел, и энергия химического сродства и сцепления атомов, и, наконец, энергия того подвижного соединения молекул коллоидных веществ, которое, лежа в основе жизненных процессов, обладает свойством раздражимости, а следовательно, и всех вообще ответных реакций или рефлексов живой материи, входящей в состав организмов.

Мало того, необходимо признать, что все движется как бы в одной непрерывной цепи, благодаря непрерывному переходу одной энергии в другую. Отсюда постоянная и непрерывная зависимость одного явления от другого, благодаря ему весь мир представляет собой бесконечную систему взаимодействий, устанавливающую так называемый закон относительности.

В обширной экономии природы... взаимная зависимость части от части является неизменно установленной. Система вещей от вершины до основания есть непрерывный ряд взаимодействий. Царство согласуется с царством, органическое с неорганическим.

Действительно, все вступает в жизнь благодаря чему-нибудь другому. Вещество Земли создано из содействующих друг другу атомов; она обязана своим существованием, своим положением и своей устойчивостью содействующим светилам. Растения и животные созданы из содействующих друг другу точек, нации состоят из содействующих друг другу людей. Природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, компас не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации; и по мере того как несогласия мира исчезают с ростом знания, наука с возрастающей ясностью раскрывает универсальность ее взаимных соотношений.

В конце концов все силы природы полны взаимодействия и соучаствуют в творении человека и тем самым сливают его с бесконечным началом.

Но и этого еще недостаточно; для уяснения мирового процесса необходимо признать, что живая и мертвая природа подчинены закону эволюции – тому закону, по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего сущего, всего вообще мирового процесса и в том числе человека как высшего живого существа на земле...

С этими предварительными сведениями перейдем к рассмотрению интересующего нас вопроса. Посмотрим, действительно ли наука бессильна в выяснении вопроса о существовании человеческой личности за пределами ее жизни.

Когда человек умирает, организм разлагается и прекращает свое существование – это факт. Путем разложения сложных белковых и углеводных веществ тело разлагается на более простые вещества. Благодаря этому энергия частью освобождается, частью же вновь связывается, служа основой для произрастания растительного царства, в свою очередь служащего питательным материалом для жизни и, следовательно, условием развития энергии в новых организмах. Таким образом, то, что называется физической стороной организма, то, что обозначают именем тела, распадается, истлевает, но это не значит, что оно уничтожается, оно

не тратится, а лишь превращается в другие формы, служа к созданию новых организмов и новых существ, которые путем закона эволюции способны к бесконечным превращениям и совершенствованию. Следовательно, круговорот энергии не прекращается и после смерти организма, содействуя развитию жизни на земле.

Но спрашивается, что же делается с индивидуальным сознанием человека, или вернее, с его психической деятельностью? Мы приведем здесь слова Мечникова, большого скептика в вопросе о бессмертии человеческой личности. «До нашего рождения, – говорит он, – и столь часто на пути нашей жизни сознание отсутствует, но никогда оно не превращается ни во что другое, нам каким бы то ни было образом ведомое. Даже то видоизменение нашего сознания, которое мы воспринимаем в сновидениях, нам большей частью неприятно, так как оно обуславливается нарушением правильной деятельности мозга. Без последнего же для нас наступает именно ничто, которое, хотя и превращается в природе в нечто, но в столь же отличное от сознания, как наш мозг, нормально функционирующий, отличается от мозга, превращенного в культуру гнилостных бактерий или в содержимое кишечного канала трупных насекомых».

Однако все ли этим сказано в вопросе о дальнейшем бытии или небытии человеческой личности? Если нервно-психическая деятельность должна быть сведена на энергию, то нужно признать, что закон сохранения энергии, провозглашенный Майером, поддержанный затем Гельмгольцем и теперь являющийся общепризнанным, должен получить свое полное применение и по отношению к нервно-психической, или соотносительной деятельности.

Таким образом, энергетизм, на котором основывается и та научная дисциплина, которую мы называем рефлексологией, дает нам возможность не только рассматривать нервно-психическую деятельность человека в ее высших проявлениях с точки зрения строго объективной, как все вообще явления природы, не противопоставляя притом духа материи, как это делалось и делается еще многими и донныне, но и применить к явлениям нервно-психической деятельности закон сохранения энергии.

Этот закон по отношению к данному предмету может быть выражен так: ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно. И это потому, что всякое вообще действие, слово или вообще тот или иной жест, или мимическое движение неизбежно сопровождается для самого человека определенными органическими впечатлениями, что в свою очередь должно отразиться в его личности, претворившись в новые формы деятельности в последующий период времени.

Но особые свойства нервно-психической деятельности обуславливают то, что этим «самовлиянием» дело не ограничивается.

Дело в том, что если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать все, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворятся путем непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире.

В конце концов всякий человек представляет собой существо, проявляющее себя в зависимости от тех влияний, которые воздействуют на него со стороны других лиц. Человек является существом, принявшим от рождения известную часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путем усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений и в том числе моральные приобретения, сделанные ранее другими лицами,

находящимися с ним в общении. Вместе с тем он обогащается и собственным жизненным опытом, вырабатывая определенные навыки.

Таким образом, всякий человек обладает известным запасом энергии, заимствованной от предков в силу рождения, и запасом энергии, приобретенной им самим путем воспитания и жизненного опыта, а потому действующие на него внешние влияния оказываются действительными в той мере, в какой мере они в состоянии побудить к активному проявлению или направить в известную сторону приобретенную им ранее запасную энергию. В противном случае действие этих влияний затормаживается.

Тем не менее и в этом случае оно не остается бесследным, а так или иначе проявляет себя хотя бы более или менее скрытым образом или вызывая известную реакцию противодействия. К тому же торможение есть лишь акт временной задержки, а не полное уничтожение явления.

Да может ли и быть иначе! Если нервно-психическая деятельность человека должна быть сведена на энергию, то ясно, что эта энергия, проявляясь в речи, мимике, жестах, действиях и поступках одних людей, путем воздействия этих внешних проявлений, т. е. речи, мимики, жестов, действий и поступков на воспринимающие органы других лиц, должна отражаться в свою очередь на речи, жестах, мимике, действиях и поступках этих последних, а это и гарантирует социальную преемственность фактов и событий в исторической жизни народов.

Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме, а между тем этот вздох с проклятием на устах воскресает затем на улицах и митингах, в кликах восставшего народа, проклиная тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов. Кто мог заметить улыбку на лице невесты, провожающей своего жениха на войну, а между тем она делает его героем в предстоящем сражении, ибо он уловил ее смысл и не может вернуться домой для новой встречи с ней без победных лавров.

Нервно-психическая деятельность как выражение энергии, заимствуемой человеком по праву рождения от родителей и накапливаемой им в течение жизни, благодаря превращению в нервный ток внешних энергий, действующих на воспринимающие органы, и вследствие тех внешних проявлений, которыми она характеризуется, имеет все условия для распространения от одних лиц к другим и для передачи из поколения в поколение.

Отсюда мы имеем основание говорить о том, что «духовная» личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потомстве как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле.

Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и неблизких ему лиц, которые в свою очередь передают приобретенное другим, а те – третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других, себе подобных, в свою очередь будет воздействовать на саму личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других.

В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествя, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собой другое преступление.

Обращаясь к фигуральному сравнению и принимая во внимание беспредельность

взаимоотношений людей вообще, мы должны сказать, что человек в течение своей жизни распространяет свое влияние в большей или меньшей мере на всю собирательную человеческую личность и в свою очередь испытывает на себе влияние со стороны других лиц подобно тому, как плывущий по морю корабль дает начало отходящим от него в разные стороны волнам, которые в конце концов, докатившись до берегов и получив обратное направление, вновь докатываются до того же корабля...

Таким образом совершается кругообращение энергии от человека к человеку, благодаря чему происходит не всегда уловимое, но постоянное взаимодействие между людьми и даже не между людьми только, но и между людьми и теми существами, с которыми человек вообще обращается в условиях своей жизни. В конце концов взаимовлиянием людей друг на друга создается одна общая духовная личность среды, из совокупности – духовная личность народа, а совокупность народных личностей создает общечеловеческую личность.

Но если постоянное взаимовлияние есть факт непреложный в человеческой жизни, то ясно, что человек, умирая физически, не умирает духовно, а продолжает жить и за гранью телесной формы человеческой личности, ибо все то, в чем эта личность уже проявилась, чем она заявила себя в течение своей жизни, в умах и сердцах людей все это, претворяясь в окружающих людях и в потомках в новые нервно-психические процессы, переходит от человека к человеку, из рода в род, оставаясь вечно двигающим импульсом, побуждающим людей, его воспринявших, к той или иной форме деятельности.

Вот почему так называемая загробная жизнь, т. е. жизнь за гранью телесной формы человеческой личности, несомненно существует в форме ли индивидуального бессмертия, как определенного синтеза нервно-психических процессов, проявившегося в данной личности, или в форме бессмертия более общего характера, ибо содержание человеческой личности, распространяясь как особый стимул вширь и вглубь по человеческому обществу, как бы переливаясь в другие существа и передаваясь в нисходящем направлении к будущему человечеству, не имеет конца, пока существует хотя бы одно живое человеческое существо на земле.

В этом отношении учение Востока о переселении душ как бы предвосхитило за много веков воззрение, которое в этом отношении создается на основании строго научных данных.

Мы приходим, таким образом, к идее социального бессмертия всякого вообще человека. Это бессмертие необходимо и неизбежно вытекает из положения о неисчезании энергии во внешнем мире, вследствие чего нервно-психическая деятельность одного человека, как выражение энергии его центров, проявляясь внешним образом в той или иной форме и воспринимаясь всеми окружающими, или посредством особых органов, как своего рода трансформаторов, служит импульсом к возбуждению процессов в других существах и, следовательно, дает тем самым толчок к новым их проявлениям во внешнем мире.

Таким образом идет непрерывная передача энергии от одного лица к другому и от старшего поколения к младшему из века в век, путем того, что в обыденной жизни называется влиянием или взаимовлиянием, и которое обозначают этим именем лишь тогда, когда вышеуказанная передача энергии от этого лица к другому становится более или менее явной и очевидной; между тем в действительности эта передача, хотя и не всегда заметна, но обязательна и неизбежна каждую минуту и даже каждую секунду при общении человека с другими людьми, причем влияние личности продолжается и после ее смерти...

Из предыдущего ясно, что речь идет не о бессмертии индивидуальной человеческой личности в ее целом, которая при наступившей смерти прекращает свое существование как личность, как особь, как индивид, как уже говорилось выше, **а о социальном бессмертии**

ввиду неуничтожаемости той нервно-психической энергии, которая составляет основу человеческой личности, или, говоря философским языком, речь идет о бессмертии духа, который в течение всей индивидуальной жизни путем взаимовлияния как бы переходит в тысячи окружающих человеческих личностей, путем же особых культурных приобретений (письмо, печать, телеграф обыкновенный и беспроволочный, телефон, граммофон, те или другие произведения искусства, различные сооружения и проч.) распространяет свое влияние далеко за пределы непосредственных отношений одной личности к другой, и притом не только при одновременности их существования, но и при существовании их в различное время, то есть при отношении старших поколений к младшим. Можно сказать, что личность всеми своими сторонами и индивидуальными особенностями как бы переливается в целый ряд других личностей, с ней сосуществующих и за ней следующих.

Вот почему в той мере, в какой жизнь человечества может считаться вечной, могут и должны считаться вечно преемственными и все вообще проявления человеческой личности. Поэтому понятие о загробной жизни в научном смысле должно быть сведено, в сущности, к понятию о продолжении человеческой личности за пределами ее индивидуальной жизни в форме участия ее в совершенствовании человека вообще и в создании духовной общечеловеческой личности, в которой живет непременно частица каждой отдельной личности, хотя бы уже и ушедшей из настоящего мира, и живет не умирая, а лишь претворяясь в духовной жизни человечества, иначе говоря, бесконечного ряда человеческих личностей.

Нечего говорить, что каждая личность делает тот или иной, то больший, то меньший, то положительный, то отрицательный вклад в общечеловеческую духовную культуру своей деятельностью и своим трудом вообще, производя созидательную или разрушительную работу, и это опять-таки заставляет признать, что личность не уничтожается вместе со смертью, а, выявляясь в течение всей жизни своими различными сторонами, живет и дальше, и живет вечно, как известная частица в творениях общечеловеческой духовной культуры, которая является слагаемой из производительного труда всех вообще отдельных человеческих личностей.

В самом деле, разве творения Праксителя, Фидия, Микеланджело, Рафаэля, Шекспира, Ньютона и других великих и менее крупных мастеров искусства и науки не живут среди нас и разве не оживляются перед нами образы самих творцов этих произведений? «Угасший гений – все же гений, он вечно мощен и велик, над нами власть его творений, и в нас не молкнет их язык». Да, наконец, вся вообще наша духовная культура, это бесценное наследие отцов, разве не представляет собой выражения коллективной деятельности наших предков?..

...Однако, кто полагает, что оставление своего собственного имени в потомстве обеспечивает ему неувыдаемую о себе память и, так сказать, вечную жизнь среди последующих поколений, тот глубоко заблуждается, и прежде всего потому, что это по существу неверно, ибо память на имена в человечестве, вообще говоря, коротка и, во-вторых, потому, что дело не в имени, а в той сознательной деятельности, которую проявила данная личность в течение жизни и которая входит как известная частица в общечеловеческую духовную культуру.

Пусть эта частица окажется крупинкой, крайне малой величиной в эволюции общечеловеческой духовной культуры, но нельзя представить себе, приняв во внимание закон сохранения энергии и понимая нервно-психическую деятельность как проявление этой энергии, чтобы какая бы ни было человеческая личность не вносила самой себя хотя бы в виде малейшей, пусть даже неизмеримо малой, частицы в общечеловеческую духовную культуру. А это и обеспечивает ей вечную жизнь за периодом ее земного существования. Таким образом,

нет основания гоняться непременно за большими делами, ибо и малые дела столь же необходимы человечеству, как и большие...

...В мире все движется, все течет, мир есть вечное движение, непрерывное превращение одной формы энергии в другую, так говорит наука. Нет ничего постоянного, одно сменяется другим. Люди рождаются и умирают, возникают и разрушаются царства. Ничего не остается ни на минуту одинаковым, и человеку лишь кажется, что со смертью он разлагается и исчезает, превращаясь в ничто, и притом исчезает навсегда. Но это неверно. Человек есть деятель и соучастник общего мирового процесса. Нечего говорить, что новый шаг в науке, технике, искусстве и морали остается вечным, как этап нового творческого начала. Но и повседневная деятельность человека не исчезает бесследно.

Представьте себе, что вы побывали в театре. Плоха или хороша виденная вами пьеса, это зависит от самой пьесы, но что она оставила в вас тот или иной след, можно ли в этом сомневаться? Пусть этот след со временем даже забудется, но значит ли это, что он не отразился известным образом на зрителе и не дал своих последствий, что он тем или иным способом не отразился на вашей последующей жизни? Не то ли самое нужно допускать и в жизни? Вы видите деятельность окружающих вас лиц, слышите их беседу, суждения, и вам может показаться, что все это проходит бесследно, исчезает, не вызывая никаких последствий; а между тем может ли быть так с точки зрения неуничтожаемости энергии?

Ведь энергия проявлялась в другом человеке в его поступках, словах, мимике, жестах и других проявлениях, и может ли она исчезнуть бесследно? Конечно, нет. И если мы говорили о вечности наиболее выдающихся творений человеческого ума, то это лишь обозначает, что такие творения остаются вечными сами по себе как таковые, тогда как все остальные проявления человеческой деятельности служат лишь теми или иными импульсами для действий других лиц, но преемственно, передаваясь из поколения в поколение, они также вечны и служат теми агентами, которые с течением времени в ряде поколений проявятся снова в каком-либо новом творении, претендующем на вечность как таковое.

Возьмем продукты человеческого творчества в литературе. Около 300 лет тому назад человечество обогатилось неизгладимыми в памяти потомства творениями Сервантеса и Шекспира. Творения эти признаются вечными, ибо в них оказалось то, что живет вечно в человеке, в глубинах его личности. В лице Дон-Кихота вы имеете бедного рыцаря, фанатика, близкого к сумасшествию и, может быть, даже немножко сумасшедшего, но в котором проявлялось безграничное служение идеалу. «За свободу и честь человек должен жертвовать жизнью, потому что рабство составляет величайшее земное бедствие» – вот слова Дон-Кихота своему оруженосцу Санчо Пансе – слова, которые и олицетворяют это бескорыстное служение идеалу. В произведениях Шекспира вы имеете такие типы, как король Лир, которого автор переводит из положения счастливого обладателя царской власти и богатства в бедного, лишённого прав изгнанника. Этот переход от счастья к страданию не мог не привести короля Лира к состраданию, ибо счастье заглушает в человеке чувство справедливости и сострадания: «Учись, богач, учись на деле нуждами меньших братьев, горюй их горем и избыток свой им отдавай, чтоб оправдать тем Небо». Наконец, испивший чашу испытаний до дна, король Лир поднимается до ступеней высшей справедливости и высшего служения долгу, когда он восклицает: «Нет в мире виноватых! Нет, я знаю, я заступаюсь за всех!» И наконец Гамлет, вечно сомневающийся во всем и в самом себе, чувствующий себя безвольным, изверившимся во всем, лишним и ненужным человеком. Но Гамлет, признавая свое бессилие и безволие, сознает и величие человеческого духа, когда говорит: «Велик тот истинно, кто без великой цели не восстает, но бьется за песчинку, когда задета честь».

Это вечная истина, сказанная человечеству в прекрасных образах творческой мысли

двумя великими писателями. Но разве эти произведения и сами Сервантес и Шекспир явились как *deus ex machina*? Разве вся предшествующая творческая деятельность человечества, ведшего неустанную борьбу за идеалы, за честь, за лучшие блага, не подготовили всего того, что дали человечеству эти великие произведения?

И чтобы вы ни взяли из того, что признается вечным, вы должны признать, что вечное, в конце концов, есть плод бесконечного ряда предшествующих условий, созданных творческой рукой человека.

В будущем человечества, как в синтезе, должна отражаться вся предшествующая совокупная работа человеческого гения, а следовательно, и морали, ибо будущий человек есть прямой наследник всей предшествовавшей человеческой жизни с ее борьбой за лучшие блага и со всеми ее приобретениями в поступательном ходе человеческой цивилизации.

В этом отношении будущее человечество представит собой действительную картину достигнутого всеми предшествующими поколениями человечества, как бы их духовным наследием, но лишь в форме общего синтеза. В последнем, однако, ни одна новая черточка, ни одно малейшее зернышко, которые внес тот или другой ранее живший человек в сокровищницу общечеловеческой культуры, не останутся бесследными, ибо оно всегда даст свои ростки, которые позднее будут развиваться и расти. Даже лица, не давшие ничего нового своей жизнью, являющиеся как бы подражателями других, уже самим своим существованием, как живые существа, действующие и вступающие в отношения с другими, как своего рода передаточные среды, оставят свой след (хороший или дурной – это другой вопрос), который не может не сказаться на духовном лике будущего человечества, являющегося, как уже сказано, синтезом всего прошедшего и воспроизводящего все приобретения прошлого человеческого опыта в его конечных выводах и следствиях.

Дело в том, что если человеческая личность бессмертна и остается жить в будущем как частица духовной общечеловеческой культуры, то она же живет и в прошедшем, ибо она есть прямой продукт прошедшего, продукт всего того, что она восприняла из прошлой общечеловеческой культуры путем преемственности и унаследования...

...Путем строгого размышления о роли личности как одного из звеньев бесконечного ряда жизней, преемственно наследующих одна другую в своем внутреннем содержании и во внешней форме, человек должен найти примирение с тем сроком, который уделаила ему судьба для исполнения возложенной на него созидательной работы. Ощущаемый страх смерти только и доказывает, что человек рассматривает самого себя как нечто самодовлеющее и обособленное от всего мира, которое будто бы утрачивает свое бытие вместе со смертью, что, как мы видели, неправильно по существу.

По словам Мечникова: «Высокое умственное развитие обусловило сознание неизбежности смерти, а животная природа сократила жизнь вследствие хронического отравления ядами, вырабатываемыми бактериями кишечной флоры. Эта основная дисгармония человеческой природы может быть устранена правилами рациональной гигиены, чем дается возможность человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью. Это и есть так называемый ортобиоз, на который можно смотреть как на цель рационального человеческого существования».

Не отрицая ортобиоза как жизни по правилам гигиены, обещающей после 120–150 лет привести к естественной физиологической старости, можно ли, однако, на ортобиоз смотреть как на цель рационального человеческого существования?

Ведь это значило бы сказать, что трудолюбивая, умеренная и долгая жизнь по правилам гигиены есть цель, к которой должны стремиться как к конечному идеалу. Но разве мы не знаем тысячи примеров, когда люди, прожившие короткий век, оставили после себя духовное

наследство, которое несравненно по ценности с тем, что оставляют люди, живущие долгий век?

А если это так, то ортобиоз, или жизнь по правилам гигиены, составляет не цель, а лишь одно из средств для осуществления лучших моральных идеалов, ибо она дает возможность непрерывного умственного и морального самоусовершенствования, для которого телесное благосостояние является лишь одним из благоприятных условий, ничуть не более. Но помимо всего сказанного человек, доживающий до естественного конца по правилам ортобиоза, разве тем самым неизбежно освобождается от страха смерти, разве его сознание неизвестности за порогом жизни просветляется от «долготы дней»? Ведь все в этом отношении остается прежним, разве только дряхлость будет настолько тяготить, что возникает сама собой потребность «вечного покоя», или же сознание будет угашено под влиянием старости как у человека, уже умственно ослабевшего. Если это имел в виду Мечников, говоря о своем ортобиозе, то я бы спросил, будет ли в общем даже для общечеловеческой культуры полезно не только в материальном, но и в моральном отношении обременение всего человечества людьми дряхлыми, слабосильными, вообще немощными и с притупленной умственной деятельностью – этим печальным свойством глубокой старости, которую ведь ортобиоз не устраняет, устраняя лишь преждевременную дряхлость.

По нашим взглядам, человек, умирающий в предназначенный ему судьбой срок, безразлично, преждевременной ли будет его смерть или он воспользовался полным сроком своей жизни, расставаясь с ней и переходя в вечный сон без сновидений, составляющий, по словам Метерлинка, истинное благо в течение всей жизни человека, должен не страшиться самой смерти, как вечного сна, а лишь жалеть о том, что он не все совершил, что мог сделать для общего блага, и утешаться мыслью о сделанном. Но именно и нужно, чтоб было чем утешаться перед расставанием с жизнью. **А у многих ли есть это утешение общепольности проведенной жизни, что не может не нарушать спокойствия духа перед наступающей смертью? Те, кто умирают при сознании, что они служили правому делу, смерти не боятся. Вспомните смерть первых христиан, переносивших страшные муки со славословием Божества на устах. Вспомните смерть Гуса с молитвой на костре. А разве мало приявших смерть как высшую дань своему долгу из тех, которые умерли за свою родину, а равно и из тех, кого судьба сделала жертвой за свои политические убеждения?..**

Разве это не примеры живой моральной силы, победы духа над плотью? Что, в самом деле, может быть выше и, скажу даже, завиднее того, когда даже лютая смерть не только не перестает быть страшной, но радостна, как жертва на благо человечества в его настоящем и будущем...

Друг, не страшись, что смерть настанет,
И сердцу биться вновь не даст,
Что твой потухший взор не взглянет
На все, что гений вновь создаст.

Поверь, мой друг, кругом все тленно,
Чем жив и славен Божий свет,
Твоя душа лишь будет ценна,
Когда оставит добрый след.

Дабы не меркли идеалы,
От века суждено судьбой,
Чтоб старость дряхлую сменяла

Улыбка жизни молодой.

Твои дела, твои сомненья
В молодые души западут,
В них закипят опять волненья,
Чем сердце к подвигам зажгут.

И вот я скажу, чтобы побороть страх смерти, нужно жить так, чтобы оставалось сознание небесплодно прожитой жизни, и нужно быть в постоянной готовности умереть.

Мы погрязаем в мелочах своей жизни так, что забываем о вечном институте смерти и только вспоминаем о нем, когда смерть постигает друга, когда по улице двигается погребальный кортеж, и даже в эти моменты мы не всегда думаем о том часе, который неизбежно наступит для нас самих. А между тем об этом именно часе и следовало бы вспоминать почаще, но не для того, чтобы горевать и плакаться, а для того, чтобы бодрить себя к деятельности, побуждать к мысли о связи нашей личности со всем человечеством и со всем вообще миром с беспредельным его движением и беспредельным совершенствованием, частицу которого мы осуществляем.

Можно ли, однако, говорить о вечной жизни, если наша планета имеет, в конце концов, ограниченное существование, хотя бы от медленного, но постоянного охлаждения солнца? Но если заходить так далеко, то надо признать, что так как границ совершенствования человеческой личности не существует, то вполне допустимо в будущем общение человечества с другими планетными мирами Вселенной, тем более что задача о межпланетном общении поставлена уже ныне некоторыми из астрономов.

А что жизнь существует не на одной Земле, а и на других планетах, где имеются условия, приблизительно сходные с земными, можно ли в том сомневаться? Ведь мировые законы одни и те же как для земли, так и для других планет, и если на Земле в отдаленное от нас время возникла жизнь в силу общих мировых законов, то она также должна была возникнуть и на других, сходных по внешним условиям планетах. С другой стороны, так как силы природы безграничны, а силы человеческого ума, являющегося отражением мировой энергии, неиссякаемы, то и надо признать, что задача межпланетных сигнализаций между существами, их населяющими, не может быть признана неразрешимой в течение грядущих веков. А вместе с этим устранится и ограничение будущей жизни человечества условиями существования земной планеты – этой песчинки, кружащейся вокруг своего Солнца, ибо тогда будет установлена преемственность духовной культуры живых существ, населяющих различные планеты беспредельного мирового пространства.

С понятием о вечной жизни человеческой личности в духовной жизни всего человечества необходимо связывается, как мы видели, и вопрос о нравственной ответственности отдельной личности, о чем была речь уже выше, но вопрос сам по себе так важен, что мы считаем необходимым к нему вернуться вновь.

В самом деле, представим себе, что человек умирает, причем вместе со смертью утрачивается и духовная его сторона вполне и навсегда. Представим себе, что мы имеем при этом дело с атеистом, который совершенно исключает веру в загробную жизнь в смысле христианского учения. На что он может опираться в своих действиях и поступках, что он может мыслить о себе, о своем существовании, о смысле жизни? Чем будет оправдываться добродетель, чувство долга, подвиг? На чем будет основываться человеческая совесть, и, наконец, возможна ли при таких условиях даже общечеловеческая духовная культура, ибо она предполагает духовный прогресс или совершенствование духовной личности человечества, а как

оно возможно при полной духовной смерти отдельных личностей?..

Между тем развиваемая выше точка зрения исключает подобную доктрину, выдвигая и вопрос о моральной ответственности каждой отдельной личности перед потомством, точнее говоря, перед всем человечеством. Ответственность за свои поступки и действия является совершенно естественной, если каждый поступок, каждый шаг, каждое слово, каждый жест, каждое мимическое движение и даже каждый произнесенный человеком звук не остаются бесследными, а так или иначе отражаются в других, претворяясь здесь в новые формы воздействия на внешний мир и передаваясь путем социальной преемственности будущим поколениям человечества.

А если это так, то для всякой человеческой личности возникает и необходимость нравственного совершенствования в течение жизни. Необходимо, чтоб каждая личность, благодаря тому запасу энергии, который она приобретает как со своим рождением, так и в течение своей жизни путем трансформирования энергий окружающей природы, возможно полнее участвовала в общей созидательной работе над развитием духовной культуры человечества и вносила бы всю силу своей творческой деятельности в окружающий мир. Это есть моральная обязанность каждой вообще личности, вытекающая из всего строя посылок, который был передан нами в предыдущем изложении.

...Однако взаимное соперничество не может быть ни целью жизни, ни даже одним только средством совершенствования, ибо уже и в биологии наряду с естественным отбором, основанным на борьбе, действует везде и всюду, как я доказываю, так называемый социальный отбор, причем если первый, т. е. естественный отбор лежит в основе биологического прогресса, то второй, т. е. социальный отбор, основанный на сотрудничестве и разделе труда, лежит главным образом в основе социального прогресса...

...Жизнь есть неизбежное и неустранимое явление в мировом процессе, являющееся результатом определенного сочетания энергий. При этом никакие вообще планетные катаклизмы не могут прекратить окончательно жизни в мировом пространстве, ибо, исчезнув на одной планете, она воскресает на другой планете при соответствующих условиях и опять развивается по установленным законам естественного и социального отбора, приводя к физическому и моральному совершенствованию живых существ. Отсюда должно быть ясно, что стремление к добру существует вечно, как вечна и сама жизнь.

В заключение заметим, что закон эволюции заставляет нас искать первоначальные корни современной человеческой жизни не только в доисторической эпохе, относящейся к первоначальному периоду существования человека, но в период первоначального развития органической жизни на Земле, в первом зачатке появившейся на земном шаре живой материи. Так как, с другой стороны, последняя является сложным продуктом энергии, то начало человеческой жизни, а следовательно, и духа должно искать в той самой мировой энергии, которая служит началом всего видимого и невидимого мира.

Эту истину инстинктивно признавали уже древние народы, поклоняясь солнцу и свету, т. е. той энергии, которая является живительным началом для нашей планеты. Современная научная мысль идет в том же направлении, но она устремляет свои взор дальше воззрений мудрецов древности, видя не в солнце только, этом живительном светиле нашей планеты, начало всех начал, а в той мировой энергии, которая служит основой мироздания и началом всего сущего, в том числе и самого солнца.

Но и в видимом нами мире, доступном нашему уму, нет ничего абсолютного, ибо существа мира мы не знаем, а постигаем только отношения в нем и разные их формы. Энергии, какие мы знаем, также не представляют сами по себе чего-нибудь абсолютного, форма энергии

– это принятие, выражающее количественное отношение видимых и осязаемых вещей, но существа самой энергии мы все же не знаем. Оно для нас непостижимо. Тем не менее мы знаем, что мировая энергия в конце концов дает начало высоким моральным достижениям человеческой личности. **Когда вся она отдается на бескорыстное служение другим и в особенности всему человечеству до самозабвения, до уничтожения своих личных интересов, мы признаем ее достойной обожествления ввиду приближения ее к высшему моральному идеалу, именуемому Богом.**

Наивное религиозное воззрение непременно представляет себе Бога в человеческом образе. Но ведь это есть антропоморфизм, недопустимый с логической точки зрения. Какое основание именно представлять Бога в человеческом образе? Не только не необходимо, чтобы Бог – духовное начало, уподоблялся физическому образу человека, каковым его рисует человеческое воображение, но и должно быть логически исключено.

Правда, человек согласно религиозному воззрению создан «по образу и подобию» божества, и это не противоречит научному воззрению, ибо иначе не было бы никакого соотношения между человеком и высшим добром или богом, и человек перестал бы искать Бога. Но соотношение здесь предполагается духовное, т. е. которое в человеке может быть признано проявлением высшего духовного начала, идущего в соответствии с социальностью. А если это так, то ни о каком совпадении внешних форм человека и божества не может быть и речи. В конце концов и христианское учение, олицетворяя в образе Христа Богочеловека, признает в нем божественной не физическую природу, а его духовную сторону, иначе говоря, его учение, полное высших и недостижимых моральных ценностей, и его деятельность как действенное их осуществление и лучшее отражение мировой энергии.

С совершенствованием человеческой личности связан и тот божественный принцип, который обеспечивает существование добра на земле, проникающего жизнь в различных ее проявлениях и являющегося в высших своих формах венцом мирового прогресса. Вот почему можно не только верить и питать надежду, но и высказать убеждение, что мировой процесс, двигаясь по тому же пути, приведет в конце концов путем прогенерации человеческого рода к созданию того высшего в нравственном смысле человеческого существа – назовем его прогенеративом – которое осуществит на земле царство любви и добра. Это случится через много веков, но случится непременно, ибо законы, управляющие жизнью вообще и жизнью человека в частности, столь же непреложны, как и законы, управляющие движением небесных светил...

Необычные случаи из практики В. Бехтерева

Случай полной слепоты, сопровождаемой галлюцинациями зрения

Д-р В. М. Бехтерев демонстрировал случай полной слепоты, сопровождаемой галлюцинациями зрения.

Больная около 30 лет от роду. В половине июня прошлого года у нее без особенной причины развились сильные стреляющие боли в задней части головы, сопровождающиеся головокружением. Вместе с этим начало развиваться ослабление зрения на обоих глазах. Головные боли в особенности были сильны в течение первых двух недель, затем они ослабели, но и до сих пор все еще появляются приступами в сопровождении головокружения. Ослабление зрения возрастало до сентября, когда оно достигло степени полной слепоты на оба глаза. Около того же времени начали появляться двигательные расстройства в виде нарушения равновесия и склонности отклоняться при движении влево; наконец, присоединились зрительные

галлюцинации. Ни сифилиса, ни травматических повреждений головы у больной не было.

Status praesens. Полная слепота на оба глаза, причем отсутствует даже количественное восприятие света... оба зрачка, хотя и представляются расширенными, но еще вполне ясно сокращаются под влиянием сильного света; на аккомодативные импульсы, когда больную заставляют направить глазные оси на кончик своего носа, зрачки также ясно сокращаются. В обоих глазах замечается резкий нистагм. Офтальмоскопически – обоюдосторонний застойный сосок. Из двигательных расстройств обращает на себя внимание только то обстоятельство, что больная слегка колеблется на ногах; это колебание еще немного усиливается с закрытием глаз. Кроме того, при ходьбе больная отклоняется в левую сторону, после же нескольких пассивных или активных вращений тела она почти не в состоянии удерживаться на ногах. Из субъективных симптомов, кроме временно появляющихся головных болей, больная жалуется на чувство головокружения, сопровождающееся чувством поворачивания головы и туловища вправо.

Галлюцинации зрения, продолжающиеся до настоящего времени, состоят в самых разнообразных виденьях. Вначале перед ее глазами мерцали искры и светлые круги; она видела движущихся перед нею животных (собак и лошадей), затем женщин и детей в разноцветных платьях, наконец, целые пейзажи, улицу, покрытую снегом, по которой двигаются сани, блеск луны на небе и т. п. Во время приступов головокружения предметы галлюцинаций нередко двигаются в одном направлении, большей частью слева направо, т. е. в направлении, противоположном субъективному или кажущемуся движению ее тела. Ни в чувствительной, ни в двигательной сфере нет резких изменений... В этом случае дело идет о поражении четверохолмия, причем патологический процесс захватил также и подлежащие волокна, связывающие центральное серое вещество третьего желудочка с мозжечком...

О слышании собственных мыслей

В последнее время в психиатрической литературе, благодаря сообщению д-ра Кеппена было обращено внимание на своеобразный симптом при душевных болезнях, который может быть назван слышанием собственных мыслей.

Этот симптом, известный уже и ранее, представляет, на мой взгляд, совершенно особый интерес, в силу чего он уже давно служил предметом моего внимания. Еще более 7 лет тому назад, во время моей профессорской деятельности в Казанском университете, я посвятил клиническую лекцию одному из больных, у которого вышеуказанный симптом обнаружился в крайне резкой степени. Этот больной, бывший чиновник, человек в общем довольно интеллигентный, представляет собой старого алкоголика, пившего водку в продолжение 35 лет и только в 1886 году совершенно оставившего эту пагубную привычку. Он сделал, между прочим, собственное описание своих обманов чувств, из которого я извлеку прежде всего все существенное, относящееся к его болезненному состоянию.

«Я житель Самарской губернии, был 25 лет на государственной службе, с 1872 года проживал в своем небольшом имении, занимаясь сельским хозяйством; но хозяйство расстроилось и имение продано в 1875 году. В этот год, проживая несколько месяцев в Самаре один без семьи, я заболел от последствий алкоголизма и, главное, к ужасу своему почувствовал, что при мне находится какое-то существо, благодаря которому в левом ухе как будто бы раздается металлический звонок; последний, не давая мне покоя ясным голосовым звуком, но как будто издали, говорил о моем дурном семейном положении и производил в то же время страдание действием на нервы всего тела, причем я чувствовал то подергивание нервов, то осыпание тела сверху огненными искрами, отчего я приходил в состояние беспокойства. В

таким виде я поступил в самарскую больницу и, не получивши облегчения, оставил оную через месяц.

Из Самары я переехал в Саратов искать службу, но существо, живущее при мне, или, вернее сказать, во мне, не оставляло меня. Я вновь пользовался у одного из докторов и был в городской больнице, но лекарства (мушка и морфий в малых, вероятно, дозах) мало действовали на меня, разговор со мною и возбуждение не прекращалось, я спал не более двух часов в сутки и в то же время не чувствовал усталости.

От нервного ли расстройства, или от непрерывных действий на меня непонятного существа на всем теле начал высыпать сплошной лишай.

В таком виде я из Саратова по своим делам отправился в Москву, где, пользуясь с месяц лекарствами из лечебниц исключительно от лишая, наконец, должен был лечь в Екатерининскую больницу. При этом ясный человеческий разговор в левое ухо не прекращался, когда же не было говора, то я чувствовал, как и теперь чувствую, в левом ухе как бы металлический тончайший звонок. Здесь начало повторяться осыпание меня искрами еще сильнее, я становился беспокойным в ночное время, проводил ночи без сна, и меня едва не отправили в дом для душевнобольных, но оставили, потому что ответы мои были ясны и толковы, и притом я, скрепя себя, не стал объяснять доктору, что со мною происходит. По осмотре меня в больнице профессором Найденовым, я пользовался ваннами и мазями от открывшейся на мне лишайной сыпи и, по совершенном почти очищении тела, через пять недель вышел из больницы. Четыре месяца после того я жил на даче под Москвой, ведя самую строгую жизнь в родном семействе, но ни нравственная жизнь, ни физическая сила не помогли мне в том, чтобы я освободился от находящегося во мне существа, которое мучает меня своим вмешательством как в одиночестве, так и в обществе.

Из Москвы я возвратился в Саратов, потом жил в Самаре, Оренбурге и в каждом из этих городов был в больницах, но бесполезно. Высказывая врачам откровенно свое положение, я вызывал в них лишь сомнение в здравости своего рассудка, выносил долговременные мушки без всякой надобности, причем врачи большей частью смотрели на мое состояние, как на последствие невоздержной жизни и желание притом отдохнуть в больнице, ввиду ограниченности моих ничтожных средств (пенсия в 100 руб. в год).

По моим понятиям, существующее во мне не могло появиться от моей природы, потому что нет ничего в нем согласного и сходного с моими правилами жизни; у него постоянная ложь и обман, вообще отсутствие всего нравственного и постоянные скверные ругательства. Это что-то чуждое, прививное. Оно смотрит на предметы отчетливо, указывает моему вниманию предметы, которых я не расположен даже и видеть, и может даже отвлекать от предмета, затемняя самое зрение. Всех лиц, которых когда-либо я знал или даже где-либо встречал, оно указывает уже издали, называя фамилии даже и в том случае, если бы я не досмотрел или не хотел обратить внимания. Где я предположил быть или предполагал что-либо сделать полезного, оно старается отвлекать меня, затемняя зрение, наводит другие мысли и, наконец, им производится физическая боль в руках и ногах, а при письме трясение рук или онемение самих пальцев, так что с трудом могу пересилить это действие.

От действий существующего во мне я хожу в возбужденном состоянии ежедневно, иногда вдруг налагается тяжесть на меня, чувствую, что верхнее платье на мне неестественно по своей тяжести, не дает мне хода, едва даже могу войти в дом к кому нужно по делу, при этом трудно объясняюсь, глаза затуманиваются и упорно отворачиваются от лица, с кем приходится объясняться. Нередко оно останавливает ход мыслей, по его выражению, «наводит столбняк», и тут же обращается с вопросом: «О чем Вы, Николай Иванович, думаете теперь?», оно же закрывает иногда слух так, что я нередко не разбираю, что говорят со мною, и не могу читать на

близком расстоянии. Зрение от природы моей всегда было хорошее, а с появлением во мне непонятого существа при чтении я прибегаю к очкам, а равно и при письме, иногда даже через очки не могу разбирать печатного, при усиленном же напряжении зрения я достигаю того, что явное противодействие теряет силу. Несколько случаев было таких: вдруг зрение мое очищается, я совершенно ясно и свободно могу читать и писать без очков и в то же время следовал всегда вопрос: «Что, хорошо, Николай Иванович, с чистыми глазами?» и вскоре затем зрение по-прежнему становилось туманным.

До начала августа 1888 года я два года проживал в Астрахани, вел самую строгую жизнь, не допускал ни в чем излишества, а спиртуозного совершенно не употреблял, развлекаюсь исключительно посещением публичной библиотеки и домашним чтением, и тем не менее существо не оставляло меня и тяготело надо мною. Ему также доступно чтение. Последнее происходит таким образом: я разворачиваю книгу и смотрю в нее построчно, при этом идет отчетливое чтение само собой, то одним ясным голосом, то другим; но я не допускаю подобного чтения, потому что оно вообще меня утомляет.

В продолжение четырнадцати почти лет я не имел женщины и не имею потребности, между тем в стволе и мошонке я нередко чувствую боль как будто бы от постороннего действия чем-то острым.

Как ни грустно и тяжело мое положение столько лет, я не могу, однако, плакать, слез нет, чувства сердечные связаны.

Пятый уже месяц я проживаю в Казани с целью обратиться к пособию медицины и именно в клинике и заходил в нее неоднократно, но во мне делается какое-то отупение и охлаждение к своему положению, и я опять возвращаюсь в квартиру, между тем действия существа и по сие время не прекращаются в различных видах, которые трудно описать в подробности; но, главное, и теперь продолжается металлический как будто бы шум в левом ухе, иногда над самой головой, а также наколы как бы иглой по разным частям тела, в особенности когда я стараюсь днем или ночью заснуть и, лишь совершенно измучившись, засыпаю часа на три и много на четыре.

Все описанное – краткий обрис всего происходящего со мною по настоящее время; для меня жизнь мучительна и безотраднa, и если берегу ее и берег до сего времени, то из покорности к провидению и в надежде, что это явление, если еще небывалое в медицинской практике, разъяснится на пользу других».

В дополнение вышесказанного на лекции от 4 февраля 1889 года больной сообщил, что он болен «мышлением», сам он будто бы мыслить не может, так как каждый раз, когда он начинает мыслить, то все его мысли тотчас же произносятся вперед; он старается переменить ход мыслей, и вновь за него мыслят вперед. Этот разговор он слышит всегда левым ухом. Голос, который больной слышит уже в продолжение 13 лет и притом всегда в левое ухо, вполне ясный, мужской, но с различным характером – то более тонкий, то более грубый, а иногда сиповатый. Этот голос всегда слышится больным на близком расстоянии, как будто бы кто-нибудь говорит около его левого уха. По утверждению голоса, левое ухо – его (голоса); а правое ухо – больного. Иногда больной испытывает около уха как бы движение под кожей чего-то постороннего. Иногда он чувствует там же ощущение как бы от укуса блохи или пчелы. Нередко также около его левого уха появляются ощущения ползания постороннего существа (наподобие чувства ползания клопа), а также и своеобразные ощущения в самом ухе. В последнем часто слышится шум, «как будто в ухе сидит пчелиный рой». Если больной заткнет правое ухо, то шум еще сильнее. Все вместе взятое и заставляет его думать, что в его левом ухе или около последнего поселилось какое-то существо, могущее говорить человеческим голосом, которого он, однако, никогда не видит.

Это-то существо и овладело его мыслями. Оно подсказывает вперед его собственные мысли, иногда же говорит ему то, с чем он не согласен и против чего он готов протестовать всей душой или, наконец, делает различные замечания по поводу того или другого его поступка или его слова, даже прямо противоречит больному и вступает с ними в спор. Если больной стоит в церкви, то он слышит нередко поющий голос, который вперед напевает все то, что поют на клиросе. Но иногда голос в церкви путает его мысли, говорит дурное, даже произносит площадную брань. Однажды в соборе в Москве во время ектеньи больной пришел в ужас от того, что услышал, и должен был выйти из церкви. Вообще в церкви больному нередко слышатся неприятные слова, но он старается от них уклониться, и путем некоторой борьбы ему удается заставить голос затихнуть.

Если больной идет по улице и видит, например, вывеску, то голос вперед его читает то, что написано на вывеске (например, фамилию портного, сапожника и пр.). По словам больного, это не он читает, так как он иногда даже не думает о вывеске и, несмотря на то, голос прочитывает ее содержание. Если больной завидит издали кого-либо из знакомых, то голос тотчас же обыкновенно еще прежде, чем он подумает об этом лице, говорит ему: «Вот идет такой-то». Иногда больной даже и не думает обращать внимание на проходящего, а голос своим заявлением по поводу проходящего невольно заставляет его обратить на него внимание. В другой раз его внимание отвлекается от известного предмета и он его не видит, хотя бы предмет лежал перед ним. Это явление больной называет затемнением зрения, которое является лишь на известные предметы. Например, больной нуждается в очках и не может их видеть, хотя бы они лежали перед глазами, а должен нащупать их рукой. По его заявлению, это ничуть не зависит от его невнимания, так как он следит за собой.

Когда больной читает книгу, то чтение повторяется его голосом; мыслить в это время он не может, если он останавливается, то притихает и голос. Если больной, не читая, смотрит глазами в книгу, то ему читает книгу голос. Без очков, например, он не может читать, но если без очков он смотрит в книгу, то его глазами как бы кто-то смотрит и читает. Впрочем, он убедился, что существо, которое ему говорит в левое ухо, нуждается в очках так же, как и он сам.

В начале появления голоса больной был поражен таким явлением, он даже бегал от голоса, не знал куда деваться, как будто его кто-то преследовал. «Есть что-то такое в натуре человека, – замечает больной, – чего, может быть, до сих пор еще не объяснили себе ученые. Этот голос не может быть только испорченностью слуха; нет ли в организме существ каких-нибудь?» – задает он себе вопрос. В силу этого больной и допускает существование особого Существа, которое говорит ему в левое ухо.

Иногда голос говорит обыденные вещи: например, после посещения больным меня голос говорит: «Наконец-то занялись Вами, Вы не лечились в больницах; напрасно в клинику идете». Почему «напрасно» – голос не сказал. «Вы, говорит, смерти не бойтесь», на что больной заметил, что он хладнокровен.

По заявлению больного, ему очень трудно становится управлять собой: ему вперед уже говорят, куда идти, иногда туда, куда он и не хочет; он делает напротив, и является борьба в мыслях и действиях. Благодаря этому, он испытывает постоянное напряжение. Существо может заставить больного заснуть тогда, когда ему нужно идти, и наоборот; в последнем случае является возбуждение и больной может пройти очень много без усталости. Как производится существом это возбуждение, он не знает, но, во всяком случае, существо может заставить приказать делать то, что ему угодно. Если больной хочет уснуть, оно ему часто не дает сна и глаза остаются открытыми. «Хочу закрыть глаза, закрываю – и должен их открыть по приказанию голоса, потом у что становится тяжело. Хочу писать, беру перо – пальцы

раздвигаются, писать не могу, если голос этого не желает». То же и с ногами: больной идет, а его ноги раздвигаются в стороны; ему становится трудно идти и напряженно сдвигать ноги. Иногда его глазами двигают в ту сторону, куда он не желает. Нередко ноги в том или другом месте колют как бы жесткой щеткой, и он берет сам щетку и трет это место, после чего колотье переходит в другое место. Под влиянием того же существа воображение рисует больному чрезвычайно живые картины. Прежде он допускал в воображении эти картины, но они его утомляли; теперь же, когда появляются картины, он отвертывается к лампе, и тогда картины пропадают. Картины являются различные: знакомые местности, люди и пр. Иногда бывают и незнакомые картины. Больной сам может вызвать свои картины в ответ на картины существа; это он может сделать каждый раз при открытых и закрытых глазах. Иногда больной слышал гнилостные, трупные запахи.

По поводу причины всех этих явлений больной задается вопросом: «Все ли в натуре человека исследовано?» Он не допускает существования большого существа, а – маленького; может быть не в ухе, а в голове, может быть за ухом, в ухе, по всему организму. На вопрос, как может маленькое существо говорить человеческим голосом, больной отвечает: «Не управляет ли это существо слухом?» Он может определенно сказать, что существо это есть и управляет его организмом. Это не есть результат болезни, так как он слышит голос очень ясно и притом столько лет; в то же время он рассудок имеет, не потерял его. «Ведь в медицине много неизведанного!» – добавляет больной.

Когда я высказал больному убеждение, что это галлюцинации и что я могу ему представить более полтора человека, имеющих в Окружной лечебнице, которые слышат голоса, тотчас же больной заметил, что «может быть они слышат не так ясно!» На дальнейшее разубеждение больной заметил, что он, подобно Галилею, должен стоять на своем и утверждает, что «все же есть существо».

Объективное исследование ушей, произведенное проф. Высоцким, показало следующее: сильная сухость слуховых проходов, особенно левого; мутность левой барабанной перепонки и резкое общее втягивание ее, отсутствие светового конуса. Ослабление звуковой проводимости через воздух на левое ухо и усиленный резонанс на камертон в этом же ухе через головные кости, что вместе взятое указывает на усиленное внутриушное давление. Звук часов слева едва слышит даже при непосредственном приложении. Костная проводимость звука, однако, вполне сохранена. На правое ухо тоже имеется ослабление, но в значительно меньшей степени; часы слышит в расстоянии более одной четверти от уха. В зрачках резкой разницы нет. Язык обнаруживает дрожание и небольшое отклонение в сторону. Укол булавкой в различных частях вызывает лишь приятное чувство, а не боль; сухожильные рефлексы заметно повышены.

В пополнение вышеприведенной истории болезни необходимо заметить, что все вообще явления у больного оставались без изменений в течение дальнейшего наблюдения, продолжавшегося около года, за исключением лишь того, что больной со временем стал уклоняться от рассуждений на тему о существе, живущем у него в левом ухе, и даже стал отказываться от этой идеи, но, по-видимому, неискренно; все же галлюцинаторные явления и также слышание вперед своих мыслей у больного продолжались в прежней степени. Между прочим, ему была сделана попытка ослабить явления путем гипноза, но, к сожалению, сон больного оказался очень слабым, и внушение имело лишь кратковременное действие. Больной в течение первого вечера после гипнотизации, пока вспоминал слова внушения, не слышал повторения своих мыслей и его голос умолкал; больной также спал всю ночь превосходно, как никогда в течение болезни, но на другой день голос опять беспокоил больного по-прежнему.

К сожалению, больной после нескольких раз гипнотизации прекратил свои посещения и, таким образом, нельзя было выяснить ее влияние на болезненное состояние. Между прочим, в

течение сеансов гипнотизации выяснилось, что даже непродолжительная фиксация блестящего предмета вызывает у больного зрительные галлюцинации. В первый раз во время фиксации блестящего шарика больной заявил, что он ясно видел двое часов со стрелками. В другой же раз больной при смотре на блестящий шарик видел уже сильно жестикулировавшего человека, который наклонялся и как будто что-то искал; при фиксации на близкое расстояние он увеличивался, при смотре вдаль он уменьшался. Кроме того, больной видел мужчину с детьми, которые находились при нем. При этом голос говорил те или другие фразы, например, указывая на мужчину с детьми, повторял: «Это ты!».

Если мы обратимся теперь к выяснению болезненного состояния, то не может подлежать сомнению, что мы имеем здесь дело с галлюцинациями алкогольного происхождения, составляющими остаток неизлеченного галлюцинаторного помешательства, проявлявшегося в прежнее время гораздо более бурными симптомами и вместе с тем более распространенными галлюцинаторными явлениями, которые вместе с затиханием болезненного расстройства ограничились почти исключительно левым ухом и обусловили своеобразный бред. Упорное появление галлюцинаций в левом ухе, очевидно, обуславливается хроническим катаральным состоянием среднего уха при общей возбудимости центральных органов. Так как катарр у больного ограничивался почти исключительно левым ухом, то этим легко объясняется тот факт, что галлюцинации приняли односторонний характер. Не касаясь подробнее этой интересной особенности нашего больного, мы остановимся с самого начала лишь на том явлении, которое может быть названо слышанием собственных мыслей.

Мы уже упомянули, что симптом этот недавно обратил на себя внимание в психиатрической литературе, благодаря сообщению д-ра Кеппена в Берлинском обществе психиатров и невропатологов. Больной д-ра Кеппена, страдавший хронической паранойей, в августе 1892 года встретил в ресторане даму, которая взглянула на него странным образом. По возвращении домой он впервые услышал женский голос, который повторял его собственные мысли, критикуя их вслух. С тех пор больной стал слышать, как различные голоса, главным же образом женский голос, повторяют и критикуют вслух его собственные мысли. Если, например, больной что-нибудь пишет, он слышит, как кто-то произносит вслух написанное. Особенно беспокоит это явление больного в то время, когда он не занят; при усиленных же занятиях явление это вообще ослабевает и даже прекращается совершенно. Автор обращает внимание на то, что его больной при этом никогда не ощущал движения языка и губ.

При обсуждении вышеуказанного симптома Кегшен относит его к слуховым галлюцинациям, которые он разделяет на две группы: одни не имеют ничего общего с обычным порядком мышления больного и другие, стоящие в тесной связи с мыслями больного, который галлюцинирует образами, имеющими ближайшее отношение к предмету его идей.

Первая группа галлюцинаций объясняется центральным или периферическим раздражением органов чувств, тогда как вторая группа галлюцинаций, к которым должно быть отнесено и своеобразное явление, состоящее в слышании собственных мыслей, должно быть объяснено иначе. По взгляду Мейнерта, в этом случае дело заключается не в раздражении органов чувств, а в извращенном толковании своих мыслей или мозговых процессов. Между тем, Крамер слышание собственных мыслей объяснял раздражением мышечного аппарата речи. Последний взгляд Кеппен совершенно справедливо оспаривает. По его мнению, если бы причина этого симптома состояла в раздражении мышечного аппарата речи, то больные в этом случае должны были бы полагать, что кто-нибудь приводит в движение их язык, губы и пр. или что они сами принуждены двигать языком или губами, как это, действительно, и наблюдается при так называемых двигательных галлюцинациях. Между тем ничего подобного на самом деле у больных такого рода не наблюдается. По мнению д-ра Кеппена, сущность явления состоит в

расстройстве слуха. В нормальном состоянии каждое мысленное слово звучит акустически, вызывая иннервационное ощущение выговаривания или произношения этого слова. По Кеппену, этот-то процесс ложно истолковывается больными, в особенности параноиками, в силу чего они полагают, что посторонние люди произносят вслух их мысли.

На мой взгляд, не подлежит никакому сомнению, что слышание собственных мыслей должно быть отнесено к порядку галлюцинаторных явлений. Так, мой больной, как можно видеть из описания его болезни, сохранил еще хороший интеллект и способен отлично анализировать себя; при этом он решительно отрицает, чтобы его языком кто-нибудь управлял, тогда как он ясно сознает, что вся суть дела заключается в слышании голоса, в громком повторении этим голосом его мыслей при письме, при чтении, а также в тех или других замечаниях и критике его мыслей и действий со стороны этого голоса, который больной, по крайней мере первоначально, приписывал особому существу.

Нельзя, однако, согласиться и с мнением Кеппена, что слышание собственных мыслей основано на ложном истолковании слухового звучания слов. Дело в том, что в нашем случае собственно дело шло не только о повторении мыслей больного, но и о произношении их вперед, как, например, при чтении или при встрече знакомого. Иногда и другие мысли больного как бы подсказывались вперед. Это подсказывание мыслей, как известно, у параноиков составляет вообще нередкое явление, а между тем, вряд ли можно полагать какое-либо различие по существу между тем, что понимается под слышанием собственных мыслей и так называемым подсказыванием их, состоящим в сущности также в слышании собственных мыслей, но слышании вперед.

На мой взгляд, в этом случае дело идет не о том, что слуховой отзвук мысленных слов ложно истолковывается, а о том, что этот звук, благодаря необычайной возбудимости центрального аппарата, усиливается в такой степени, что, будучи аперцепирован, он достигает интенсивности объективно произносимого слова.

Если внимание больного сосредоточивается на своих мыслях, то слуховой отзвук, превращающийся в галлюцинаторный образ, аперцепируется вслед за аперцепцией мыслей больного, и тогда больной слышит лишь повторение собственных мыслей, наоборот, если больной сосредоточивает свое внимание на громком слуховом отзвуке, то он аперцепируется раньше его мыслей, и больной слышит слуховой отзвук своих мыслей вперед, следовательно, имеет так называемое подсказывание мыслей. Фигурально представляя самый процесс, можно его уподобить тому, как дело происходит в часах Вундта с восприятием одновременных слуховых и зрительных впечатлений. Если мы сосредоточиваем внимание на слуховом впечатлении, оно слышится вперед; если, наоборот, мы сосредоточиваем внимание на зрительном впечатлении, мы его видим ранее слухового впечатления. Разница заключается лишь в том, что в этом случае дело идет о произвольном или активном внимании, тогда как в состояниях болезни мы имеем дело не только с активным, но и с пассивным вниманием, которое привлекается к ходу мыслей или к слуховому их отзвуку, помимо личности больного.

О внушающем влиянии слуховых обманов

Уже многими авторами было обращено внимание на тот факт, что душевнобольные с сохранением интеллекта допускают в своем бреде такие нелепости, которые никоим образом не могут быть совместимы с более или менее здоровой логикой.

Это особенно рельефно выразилось и в случае, описанном нами в работе о слышании собственных мыслей. Больной наш, как мы видели, человек крайне интеллигентный и в болезни рассуждающий вполне здраво по всем вообще предметам, не относящимся к его бреду,

утверждает тем не менее положительную и очевидную для всех и каждого нелепость, что в его левом ухе или около уха поселилось какое-то невидимое существо, которое говорит человеческим голосом и управляет всем его организмом. Надо заметить, что у нашего больного бред ограничивался почти одной этой идеей и в то же время в период наблюдения у него был поражен галлюцинациями почти один только орган слуха, к тому же с одной лишь стороны, и при всем том больной, несмотря на свой интеллект, не мог отрешиться от этой идеи. В противовес здравым взглядам в невозможности такого существа, он довольствуется одними предположениями, догадками или вопросами, не дающими ему возможности окончательно отрешиться от этой идеи.

Заканчивая свою записку, он, между прочим, выражает надежду, что его признание послужит в пользу науке и, если дело идет о явлении, еще небывалом в медицинской практике, наивно замечает больной, что оно разъяснится на пользу других. В другом месте по поводу своего существа больной восклицает: «Мало ли в медицине есть неизведанного?» Таким образом, несмотря на то, что больной не находит возможным опереться в своей логике на что-либо положительное, кроме фантастических предположений и наивных вопросов, он твердо держится своей болезненной идеи и после моих настойчивых убеждений, сделанных в присутствии целой аудитории, в ошибочности его взглядов, он тем не менее сослался на Галилея, заявив, что, как последний утверждал, что земля вертится, так и он должен стоять на своем, т. е. что существо в его левом ухе действительно существует.

Обыкновенно говорят, что упорство бредовых идей, обусловленных обманами чувств, основывается на том, что последние в глазах больного являются свидетельствами органов чувств гораздо более убедительными, чем все убеждения других. Это обстоятельство, действительно, в некоторых случаях имеет огромное и безусловное значение, в особенности же там, где галлюцинации необычайно живы, обильны и обнаруживаются во многих органах чувств, благодаря чему для больного вместе с убедительностью галлюцинаторных образов утрачивается и всякая возможность правильного контроля со стороны непораженных органов чувств. В нашем случае, однако, не было ничего подобного: галлюцинации, как уже упомянуто, сосредоточивались главным образом в одном из органов чувств, именно в органе слуха и притом лишь на одной стороне; к тому же больной имел полную возможность убедиться в болезненном происхождении своих слуховых галлюцинаций прежде всего потому, что в его левом ухе имеется шум, свист и в то же время обнаруживается очевидная слабость слуха, испытываются ненормальные кожные ощущения в наружном ухе и в частях, соседних с ушной раковиной, и пр. Словом, у больного существовал целый ряд болезненных явлений, понятных всем и каждому, не говоря о возможности более или менее правильного контроля со стороны всех остальных органов чувств, и, несмотря на то, он твердо убежден в справедливости своей нелепой идеи о присутствии в его левом ухе особого существа.

Такое упорство идеи, несмотря на очевидную ее нелепость, вполне напоминает собой внушенные идеи. Последние, как известно, также прочно удерживаются в сознании в течение известного времени, несмотря на очевидное противоречие их со здоровой логикой.

Невидимому, сила внушенной идеи основывается главным образом на том, что внушение входит в сферу сознания совершенно независимо от «я» субъекта, которое поэтому может оказывать лишь слабое воздействие на этот прививной продукт сознания.

Не то же ли самое мы имеем и в галлюцинациях? Последние, являясь продуктами бессознательной умственной деятельности, точно так же вступают в сознательную сферу, как нечто совершенно независимое от «я» субъекта, и потому-то они в известных случаях с такой быстротой подчиняют сознание больного даже наперекор его логике и здравому смыслу, который в этом случае легко и быстро вступает в ту или другую сделку с новым гостем

сознания. Словом, на мой взгляд, одной из причин подавляющего влияния галлюцинаций на сознание душевнобольных является то обстоятельство, что их галлюцинаторные образы происходят из бессознательной сферы, уже в силу того быстро подчиняют сознание и волю подобно тому, как внушенные идеи, появляясь в сознании, подчиняют последнее, несмотря даже на то, что они не совместимы со здоровой логикой и убеждениями данного лица.

Самый характер галлюцинаций в подобных случаях напоминает собой настоящие внушения: наш больной, например, однажды слышал почти постоянное тверждение на следующую тему: «Не ходи в клинику, нас не найдут и не поймут, а ты все равно умрешь. Да ты не боишься смерти, а мы-то куда? Мы ведь тоже существа» и пр.

Очевидно, что слышание таких фраз действует подобно внушению и прививает больному идеи, которые при других условиях легко могли бы быть исправлены сознанием больного.

Известно уже давно, какое магическое влияние производят на больных отрывочные слуховые галлюцинации с повелительным тоном («убей!», «подожги!»), которые нередко сразу овладевают сознанием больного и приводят иногда тотчас же к преступным деяниям. В подобных случаях внушающий характер обманов чувств ясен до очевидности. В других случаях больные сами отлично сознают свою неспособность противостоять подчиняющему влиянию слуховых обманов чувств и говорят о внушении им чужих мыслей.

В нашем случае внушающее влияние обманов чувств проявлялось не только в отношении развития бреда, но они, по словам больного, вызывали остановку мышления, а также действовали на физическую сферу, вызывая, например, затемнение зрения по отношению к известным предметам, совершенно напоминающее собой явление, известное в гипнозе под названием отрицательной галлюцинации, или же вызывая особые изменения в напряжении мышц нижних конечностей, затрудняющие ходьбу больного, и производя трясение рук при письме или онемение пальцев. Что дело идет в этом случае о настоящем внушении со стороны обманов чувств, производимом в бодрственном состоянии, легко доказывается тем обстоятельством, что каждый раз временное затемнение зрения или те или другие двигательные расстройства и расстройства чувствительности предшествуют слышанию голосов, предупреждающих о наступлении соответствующих явлений. Особенно нередко у больных такого рода наблюдается влияние слуховых галлюцинаций на болевые ощущения, которые в полном смысле слова внушаются предшествующими им голосами, предупреждающими о предстоящем вызывании этих болевых ощущений.

Об искусственном вызывании обманов чувств у алкоголиков, страдающих галлюцинаторными формами помешательства

В последнее время Липман обратил внимание на возможность легко вызывать зрительные галлюцинации и иллюзии у больных, страдающих запойным бредом, с помощью надавливания на глазные яблоки. При этом выяснилось, что у некоторых больных возможность вызывать такие иллюзии и галлюцинации наблюдалась и вслед за прекращением острого периода запойного бреда. По наблюдениям автора, такие искусственно вызванные обманы чувств отличаются от естественных тем, что предметом их содержания редко служат животные, как, например, крысы или мыши; напротив того, в них в большинстве случаев преобладают неодушевленные предметы или люди; при этом не обнаруживалось и устрашающего характера искусственно вызванных обманов чувств, которые представлялись обыкновенно лишенными связности и того колебательного или качательного движения, которое, по автору, столь характерно для естественных галлюцинаций запойного бреда. По мнению автора, его способ может быть полезным и как диагностический прием в тех случаях, когда больные отрицают

присутствие обманов чувств.

В видениях, вызываемых давлением на глазные яблоки, автор видит, между прочим, точное доказательство этиологической зависимости галлюцинаций от периферического раздражения.

На основании своих опытов он согласен также принять, что многие из самопроизвольных обманов чувств, которые не представляют собой иллюзорного восприятия внешних впечатлений, являются иллюзорной переработкой внутренних, т. е. эндоорганных, возбуждений. Автор считает даже вероятным предположение, что такова причина всех вообще обманов чувств запойных пьяниц.

Нужно заметить, что уже и ранее некоторые высказывались в пользу зависимости обманов чувств при запойном бреде от периферических раздражений в органах чувств. Не говоря о старых наблюдениях Жолли, вызывавшего у галлюцинирующих больных слуховые обманы чувств с помощью раздражения слухового органа постоянным током, и наблюдениях Кеппена, описавшего появление обманов чувств при введении воронки в ухо и при других аналогичных манипуляциях специально по отношению к больным, страдающим *delirium tremens*, Некке допускает, что иллюзии зрения у них происходят вследствие энтоптических световых явлений. Независимо от вызываемых гиперемией сетчатки искр, огненных шариков и т. п., по Некке, легко может случиться, что глазное яблоко придет в соприкосновение с краем постели и таким образом произойдет периферически обусловленное сильное световое явление, которое затем соответственным образом перерабатывается в больном мозгу.

Вышеуказанная работа Липмана, впрочем, не осталась без возражений. Д-р Альцгеймер убедился, что зрительные галлюцинации вышеуказанным способом могут быть вызваны у разнообразных больных, как, например, параноиков, истеричных, эпилептиков и даже у паралитиков, в силу чего Альцгеймер не находит в этом явлении ничего специфического или характерного для запойного бреда. Тем не менее Липман и после этого заявления, не отрицая фактов, сообщенных Альцгеймером, допускает известное диагностическое значение искусственно вызываемых зрительных обманов, хотя и далек от того, чтобы считать их явлением специфическим.

При своих наблюдениях над алкогольными формами помешательства я уже в течение многих лет обращал особенное внимание на искусственное вызывание обманов чувств, но способ, к которому я прибегал для этой цели, был совершенно иным. Для вызывания слуховых иллюзий и галлюцинаций я пользовался монотонным звуком молоточка от индукционного аппарата, к которому больные должны были прислушиваться, для вызывания же зрительных обманов чувств я прибегал к фиксации больными в течение известного времени блестящего предмета, находящегося вблизи глазных яблок, как это применяется при гипнотизации. И тем, и другим способом мне удавалось вызывать в высшей степени легко обманы чувств не только у алкоголиков, находящихся еще в периоде запойного бреда, но также и спустя более или менее продолжительное время после исчезновения обманов чувств и притом в некоторых случаях с поразительным постоянством. Я имел больных, у которых после перенесенной белой горячки не оставалось уже ни одного из болезненных проявлений, и тем не менее достаточно было больному несколько прислушаться к звуку индукционного аппарата, как он уже начинал слышать в этом звуке голос, произносящий те или другие слова. Равным образом и при фиксации блестящего предмета у таких больных легко вызывались те или другие видения, например какие-либо предметы, физиономии людей и т. п. Такого рода явления со стороны слухового и зрительного органа у больных, перенесших *delirium tremens*, продолжаются различное время; иногда они исчезают уже спустя несколько дней по прекращении бреда, в других же случаях наблюдаются целыми неделями и даже в течение нескольких месяцев.

Наконец, в случаях, когда после перенесенного delirium tremens обманы чувств у алкоголиков остаются как постоянное явление, нередко остается навсегда и эта поразительная склонность к появлению обманов чувств при вышеуказанных условиях в органе слуха или зрения или же в одном из этих органов.

Прекрасным примером подобного состояния может служить больной, на котором мы остановились при рассмотрении вопроса «О слышании собственных мыслей». Мы видели, что у этого больного, перенесшего много лет назад приступ острого галлюцинаторного психоза алкогольного происхождения и у которого остались галлюцинации, ограничивающиеся почти исключительно одним левым ухом, уже при непродолжительной фиксации блестящего предмета в первый раз появилось видение двойных часов; в другой раз при такой же фиксации блестящего предмета больной уже видел сильно жестикулировавшего человека, затем мужчину с детьми и пр. Совершенно аналогичные явления при одинаковых условиях наблюдались и в других аналогичных случаях. Точно так же прислушивание к монотонному дребезжанию индукционного аппарата у таких больных уже по истечении короткого времени вызывает появление слуховых обманов. В некоторых случаях прислушивание ко всякому решительно звуку, на котором может быть сосредоточено внимание больного, уже вызывает появление слуховой иллюзии того или иного содержания. Относительно характера обманов чувств, вызываемых у алкоголиков искусственно с помощью вышеуказанных раздражений, необходимо заметить, что, согласно мнению Липмана, они, действительно, в большинстве случаев не представляют ничего устрашающего и вообще почти не содержат чего-либо неприятного для больных в противоположность естественным обманам чувств, обнаруживающимся при алкогольных формах помешательства.

Что касается причины искусственного вызывания обманов чувств при вышеуказанных способах, то оно, по-видимому, сводится не на одну только повышенную возбудимость самих органов чувств, но, вероятно, еще в большей мере на влияние напряженного внимания. Дело в том, что вышеуказанные раздражения оказываются действительными обыкновенно лишь в том случае, если больные сосредоточивают на них внимание, в противном случае те же самые раздражения неспособны вызывать обманов чувств.

Таким образом, очевидно, что какое бы значение в происхождении обманов чувств мы ни придавали внутренним раздражениям периферических органов, не подлежит сомнению, что в появлении обманов чувств в вышеуказанных случаях играет известную роль и чрезмерная возбудимость психических центров, приходящих в состояние патологического возбуждения под влиянием направления внимания на то или другое внешнее впечатление.

Что касается, наконец, вопроса относительно диагностического значения искусственно вызываемых обманов чувств для алкогольных форм помешательства, то, хотя и не может подлежать сомнению, что подобные же явления могут обнаруживаться в известных случаях и при других формах помешательства, тем не менее мои наблюдения говорят с решительностью в пользу того, что вышеуказанные явления составляют в общем довольно частый симптом галлюцинаторных форм именно алкогольного происхождения.

О значении внимания в отношении локализации и развития галлюцинаторных образов

Уже давно в отдельных случаях психических заболеваний обращала на себя внимание своеобразная локализация галлюцинаторных образов. Особенно поразительно, что больные, в развитии галлюцинаций которых играет очевидное значение психический момент, иногда локализируют свои слуховые галлюцинаторные образы внутри тела, например нередко внутри

своего живота, реже в дыхательном горле и других частях. Из целого ряда имеющихся в нашем распоряжении наблюдений можно было бы привести множество интереснейших примеров, если бы эти факты не признавались в настоящее время более или менее установленными, в которых уже нет более повода сомневаться.

С другой стороны, вообще локализация слуховых галлюцинаций в окружающем пространстве возбуждает много вопросов. Почему одни больные слышат голоса из определенной части пространства, например из-за стен комнаты, другие – из-под пола или сверху, из-за потолка, с неба и т. п.

В этом отношении прежде всего нужно иметь в виду, что в локализации психологически обусловленных галлюцинаторных образов в большинстве случаев не существует ничего постоянного. Не говоря о том, что часто у больных не имеется определенной более или менее точно фиксированной локализации галлюцинаторных образов, так как они слышат голоса отовсюду, т. е. с разных сторон, но и те больные, которые слышат голоса с одного какого-нибудь пункта окружающего пространства, не всегда указывают одно и то же место появления своих голосов, чаще же заявляют, что их голоса исходят то из одного, то из другого пункта. В других случаях больные, слышавшие голоса с одного пункта, через некоторое время заявляют, что они слышат голоса уже из другого пункта, причем бывает иногда совершенно невозможно уловить причину переселения голосов из одного пункта в другой. Само собой разумеется, что при перемене окружающей обстановки голоса изменяют нередко свою локализацию.

Так, больные, слышавшие раньше голоса из-под пола, начинают слышать их из-за стен или с потолка и т. п.

Ввиду этого, естественно, возникает вопрос, что же служит причиной того, что слуховые галлюцинации в одном случае локализуются в одном пункте окружающего пространства, в другом случае в другом; иначе говоря, какой психологический процесс определяет ту или другую локализацию слуховых ощущений в окружающем пространстве.

В этом отношении необходимо прежде всего иметь в виду влияние внешних впечатлений на локализацию слуховых обманов. Всякий знает, что нередко слуховые галлюцинации относятся к той части окружающего пространства, откуда слышится шорох или какие-либо иные звуковые впечатления.

Вообще объективные звуковые впечатления, как показывают клинические наблюдения, оказывают огромное влияние на локализацию слуховых обманов, особенно у больных, страдающих слуховой гиперестезией, как нередко случается, например, у галлюцинирующих больных, страдающих хроническим алкоголизмом. Нередко приходится наблюдать, что больной, слышавший раньше голоса из той или другой части окружающего пространства, вместе с тем, как раздастся звон колокола на соседней колокольне, начинает слышать те же самые голоса уже в колокольном звоне; равным образом достаточно бывает больному с слуховыми обманами услышать журчание льющейся или капающей из водопроводного крана воды, и он начинает слышать свои голоса в журчаньи текущей воды. Если во время оживленных слуховых галлюцинаций больной услышит стук шагов, то нередко его галлюцинации начинают слышаться в стуке шагов. Иногда даже больные слышат голоса в стуке своих собственных шагов и даже в урчаньи своих кишок, как я убеждался неоднократно.

Исследуя алкоголиков, страдающих слуховыми галлюцинациями, мне удавалось по произволу изменять локализацию этих галлюцинаций. Так, если заставить такого больного прислушиваться к звуку электрического индукционного аппарата, то голоса, раньше слышанные больным с той или другой области окружающего пространства, он нередко начинает слышать в звуке электрической машинки, но достаточно

приостановить звук машинки, как тотчас же голоса или временно исчезают, или изменяют свою локализацию в пространстве. При возобновлении монотонного звукового раздражения от дребезжащего молоточка индукционного аппарата больной тотчас же снова начинает слышать голоса в звуке электрической машинки. Если последнюю переставить на другое место, то и больной, прислушивающийся к звуку электрической машины, будет слышать свои голоса из того пункта, куда переставлена машина.

Все эти данные не оставляют сомнения в том, что локализация галлюцинаторных образов в известных случаях находится в прямой зависимости от произвольного направления внимания, благодаря чему каждый раз, когда источник звука или, что все равно, какой-либо другой предмет, привлекающий внимание, будет перемещен, то переместятся соответственным образом и галлюцинаторные образы.

В справедливости вышесказанного нетрудно убедиться и на основании одного недавно представившегося мне крайне интересного случая, относящегося к больной, страдавшей около 10 лет слуховыми галлюцинациями вследствие поражения органа слуха. Болезненное состояние больной было уже описано мною в моей статье «О галлюцинаторном психозе, развивающемся при поражении органа слуха», и здесь нет надобности подробно останавливаться на нем, но заслуживает внимания одна особенность у одной из описанных больных, состоящая в следующем.

Особенностью больной, демонстрированной мной в научном собрании врачей клиники душевных и нервных болезней, является то обстоятельство, что она может вызвать галлюцинации искусственно, производя своей рукой простое прикосновение или легкое почесывание по лбу, по щеке, по губам и по другим частям тела. Эти галлюцинации слышатся больной из той части тела, которую она почесывает, и притом всегда различные по содержанию.

Впервые больная убедилась в появлении у нее галлюцинации при почесывании тех или других частей тела совершенно случайно. Однажды в Оптину пустынь, где жила больная, приехал великий князь К.; больная, очевидно, заинтересовалась его личностью и, когда великий князь стоял в церкви во время богослужения, больная не сводила с него своих глаз и старалась подражать ему во всем. Когда великий князь брал себя за ус и больная прикасалась к своей верхней губе, когда великий князь касался своего подбородка, делала то же и больная, при этом она убедилась, что, кроме голосов, которые она слышала в церкви вообще, она слышала также голос из того места своей кожи, к которой прикасалась. Она подумала, что этим путем великий князь передает ей свои мысли. При этом, производя прикосновение к различным частям тела, например ко лбу, к щекам, к руке, и прислушиваясь к ним, больная убедилась, что каждый раз слышались те или другие слова из этих областей тела. То же самое больная испытывала и во время пребывания своего в клинике, причем ее нетрудно было заставить вызывать свои галлюцинаторные образы почесыванием тех или других частей тела. При этом оказалось, что больная должна была каждый раз прислушиваться к той области, которую она почесывала, чтобы услышать свои галлюцинации. Очевидно, что и здесь дело сводится к направлению внимания, которое и содействует развитию галлюцинаций.

Что это так в действительности, доказательством может служить тот факт, что больной достаточно прислушаться к какой-либо части пространства, чтобы появилась у нее в этом направлении слуховая галлюцинация. Так, когда я заставлял больную прислушиваться в направлении определенного угла, то она начинала слушать галлюцинации из этого угла, когда же я заставлял больную прислушиваться к другому углу, тогда она начинала слышать голоса уже из этого угла. Вообще куда бы ни привлечь внимание больной, она оттуда и начинала слышать голоса.

В последнем случае, кроме влияния внимания (в данном случае волевого) на локализацию галлюцинаторных образов, это внимание, очевидно, содействовало и появлению галлюцинаторных образов.

Для проверки положения, устанавливающего зависимость локализации галлюцинаторных образов от произвольного направления внимания, я воспользовался одной из бывших под моим наблюдением истеричной больной, у которой нетрудно было вызывать глубокие степени гипноза и внушать в нем самые оживленные слуховые галлюцинаторные образы. Эти галлюцинаторные образы слышались больной с той или другой части окружающего пространства, смотря по тому, где больная воображает по своему разумению говорящее лицо, но затем достаточно было больную заставить прислушиваться к тому или другому постороннему звуку, как она начинала слышать голоса именно из того места, откуда она слышала звук. Даже если без всякого постороннего звука путем внушения привлекали внимание больной к тому или другому пункту пространства, как больная начинала слышать голоса из той именно области пространства, к которой привлекалось ее внимание.

Даже привлечением внимания к ее животу удалось вызвать слуховые галлюцинации, исходящие из живота больной, точь-в-точь как это наблюдается иногда в патологических случаях у лиц, страдающих хроническими галлюцинациями. В недавнее время опыты такого же рода были проделаны мною в присутствии д-ра Нарбута над другим гипнотиком с влиянием внешних впечатлений не только на слуховые, но и на зрительные и осязательные галлюцинации. Молодой человек Т. был приведен в состояние глубокого гипнотического сна, причем ему были внушены слуховые галлюцинации в виде голоса своего брата, только что к нему пришедшего и говорящего ему о своем житье-бытье. Голос при этом слышится больным прямо спереди, как будто бы его брат стоял впереди его. Затем пускается в ход молоточек индукционного аппарата, поставленного с боку больного, и оказывается, что без всякого постороннего внушения голос своего брата Т. слышит теперь уже в том месте, где шумит молоточек индукционного аппарата, хотя самый шум молоточка им не слышится вовсе. После того как индукционный аппарат незаметно от Т. переставили на другую сторону, и голос стал слышаться им уже из этого нового места, где помещен аппарат; таким образом, сколько бы раз мы не переставляли индукционный аппарат, голос, слышимый Т. в виде галлюцинации, постоянно меняет свое место сообразно местоположению источника звука, хотя самый звук аппарата и не слышится Т. Очевидно, что источник звука здесь направляет только внимание больного в определенную сторону, чем определяется локализация слуховой галлюцинации.

Достоин внимания, что вместе с прекращением галлюцинации по внушению шум индукционного аппарата начинает вновь слышаться Т., тогда как с появлением внушенной галлюцинации шум индукционного аппарата тотчас же перестает им слышаться. Факт этот, очевидно, следует объяснить поглощением внимания в сторону слуховой галлюцинации.

Совершенно аналогичные результаты были получены и при испытании с помощью камертонов: каждый раз при звучании камертона с той или другой стороны внушенная слуховая галлюцинация изменялась в своей локализации и проецировалась в области источника звука. При этом самый звук камертона не был слышен, пока продолжалась слуховая галлюцинация. С прекращением же последней по внушению звук камертона становился тотчас же слышимым для Т.

Совершенно аналогичные явления можно было наблюдать и в отношении зрительных галлюцинаций. Т. в гипнозе была внушена галлюцинация в форме светлой звезды, и оказывается, что местоположение этой звезды менялось вместе с тем, как больному был показываем из того или другого места небольшой медный диск, хотя последний Т. и не видел, по его удостоверению. В другой раз ему была внушена зрительная галлюцинация в виде

кривляющейся физиономии, причем с той и другой стороны от больного впереди от него было расположено у стен по одной лампочке накаливания. Оказалось, что каждый раз, когда зажигали одну лампочку, галлюцинация, локализовавшаяся первоначально впереди от больного, перемещалась в сторону лампочки, хотя последняя во время галлюцинирования и не замечалась Т., при тушении лампочки галлюцинация опять проецировалась прямо en face от больного, с зажиганием же лампочки, лежащей по другую сторону от больного, снова галлюцинация перемещалась в сторону зажженной лампочки, которая, однако, сама не была доступна восприятию. Опыт этот удавалось проделать бесчисленное число раз и всегда с одним и тем же результатом. Если внимание больного было отвлечено от зажженной лампочки, то она и не влияла на локализацию галлюцинации, но достаточно было зажечь другую лампочку, и тотчас же галлюцинация проецировалась в сторону этой вновь зажженной лампочки. Последняя тем не менее, как уже упоминалось, была невидима для Т. до тех пор, пока, благодаря новому внушению, не исчезала зрительная галлюцинация.

С кожными ощущениями опыт было трудно обставить, но к здесь в общем мы получили сходные результаты. Т. в гипнозе внушали, что его кусает комар. После многократных внушений вызвать этой галлюцинации не удалось; но как только стали прикасаться кончиком бумажки к тылу одной кисти рук, как он начал чувствовать укус в этой именно области. Как только больному начали слегка водить той же бумажкой по тыльной поверхности кисти другой руки, как укус стал чувствоваться Т. в месте этого прикосновения на другой конечности.

Заслуживает внимания, что вызывание галлюцинации у Т. в одном органе чувств, например в органе слуха, обыкновенно не давало возможности вызвать внушением галлюцинации в другом органе чувств, за исключением того случая, когда эта последняя, согласно внушению, должна слиться в то же время с первой в виде одного образа, например слышание голоса и видение говорящего человека.

Последний факт, по-видимому, следует поставить в связь с отвлечением внимания в сторону внушенной галлюцинации, что само по себе не лишено известного научного интереса.

Все эти наблюдения не оставляют сомнения в том, что та или иная локализация галлюцинаторных образов, как слуховых, так, очевидно, и иных, объясняется привлечением внимания больных к той или другой части окружающего пространства в силу каких-либо объективных явлений, наблюдающихся в данной области. Очевидно также, что и локализация галлюцинаторных явлений внутри своего тела объясняется привлечением внимания галлюцинирующих больных к данной области.

В этом отношении нетрудно привести много примеров, где больные локализовали свои слуховые галлюцинации внутри своего тела в зависимости от тех или других ощущений. Так, в одном случае дело шло о женщине, слышавшей голоса изнутри своего тела, при вскрытии уже у этой больной оказалось раковое новообразование в кишечнике. Другой больной, страдавший хроническим катарром кишечника, слышал по временам голос, исходивший из области живота, и можно было точно выяснить, что этот голос он слышал в то именно время, когда появлялось у него усиленное урчание в животе. Другой больной слышал голос, исходящий из предсердечной области, который он признавал за голос святого духа, поселившегося внутри тела, и в этом случае можно было проследить появление этого голоса вместе с возникновением чувства необычайной легкости в предсердечной области, которую больной и аллегоризировал в виде присутствия святого духа.

Особенно поучительным в этом отношении мне представляется наблюдение, сделанное И. П. Мержеевским по отношению к больному, страдавшему слуховыми галлюцинациями, которые он слышал, как обыкновенно, извне, но с тех пор, как он заболел перитонитом, те же голоса он начал уже слышать внутри своего живота. Это наблюдение, очевидно, прямо говорит

в пользу высказанного нами положения о значении непроизвольного внимания в отношении локализации галлюцинаторных образов. Очевидно, что с развитием перитонита внимание больного, помимо его воли, направлялось на область живота, в котором испытывались болезненные ощущения, в силу чего и галлюцинации, раньше слышавшиеся больным извне, стали слышаться внутри своего живота.

Даже не одни только патологические чувственные образы, в известных случаях, благодаря направлению непроизвольного внимания, относятся к тем или другим частям своего тела. Есть основание полагать, что и патологические аффективные состояния и общие ощущения могут при известных условиях, благодаря опять-таки направлению внимания, относиться к тем или другим областям, где их локализация представляется явно ненормальной.

Этим, например, объясняются заявления больных, что они испытывают «страх в мочевом пузыре» или что у них «тошнит левую ногу». При этом более внимательные расспросы показывают, что дело идет в этом случае не о фигуральном лишь выражении, а о таких состояниях, которых больные иначе и выразить не могут.

Этим же направлением непроизвольного внимания можно объяснить и прямой переход в известных случаях галлюцинаций в иллюзии и, наоборот, переход психопатологических иллюзий в галлюцинации.

Мы уже выше упоминали о том, что больные, слышащие голоса из какой-либо части пространства, нередко вместе с появлением постороннего звука, например колокольного звона, начинают слышать голоса в этом звуке, как будто бы те же самые голоса стали, по выражению одного из моих больных, «вызваниваться» в колокольном звоне. Между тем с прекращением колокольного звона голоса по-прежнему слышались больным из окружающего пространства. Точно так же вместе с появлением шума текущей воды голоса больного, ранее слышавшиеся из какой-либо области окружающего пространства, начинают слышаться в журчании воды и т. п. Наблюдаемый прямой переход галлюцинаций в иллюзии объясняется, очевидно, невольным привлечением внимания к тем или другим звуковым впечатлениям, вследствие чего галлюцинации и сливаются с последними, превращаясь в иллюзии.

Равным образом и локализация галлюцинаторных образов в окружающем пространстве стоит в известном отношении к привлечению внимания теми или другими внешними поводами. Поэтому в одной обстановке больные слышат свои голоса в одной части пространства, тогда как в другой обстановке те же больные слышат свои голоса уже в другой области пространства, смотря по тому, куда по преимуществу привлекается их внимание.

Выше мы привели наблюдение, где до очевидности ясно обманы чувств вызывались под влиянием напряжения в известном направлении. Есть и другие примеры из психопатологии, где можно с положительностью говорить об усилении и появлении галлюцинаторных образов под влиянием напряженного внимания. Особенно нередко у алкоголиков удается вызвать развитие зрительных или слуховых галлюцинаций простым возбуждением внимания.

Чтобы выяснить эту сторону дела, нельзя не указать на значение внимания в апперцепции вообще и на развитие перцепируемых образов.

Известно, что взимание представляет собой такой процесс, при посредстве которого наши внутренние явления становятся более яркими. Благодаря вниманию то или другое ощущение или идея становятся яснее или, как иногда говорят, выдвигается в поле ясного сознания. Как известно, особенно Вундт выдвинул в последнее время значение внимания в процессе апперцепции, хотя роль внимания в этом отношении была указана еще Лейбницем.

Не подлежит, однако, сомнению, что внимание не только усиливает внутренние явления, но оно в состоянии и возбудить те или другие внутренние образы. Это может быть доказано экспериментальным путем при работах с гипповским хроноскопом. Всем работавшим с этим

аппаратом известно, что когда требуется отмечать простую реакцию, то нередко дается сигнал во время самого звука или даже ранее его появления, несмотря на то, что лицо, над которым производят опыт, убеждено, что отметки сделаны верно.

Если мы возьмем маятник Вундта и установим звонок так, чтобы звон раздавался на определенном пункте положения маятника, то при обращении нашего внимания не на самый звук, а на любой пункт полукруга с делениями, по которому двигается конец маятника, оказывается, что мы слышим звонок каждый раз в том пункте, на который мы обращаем внимание, а не на том месте, на котором установлен звонок прибора.

С другой стороны, если мы возьмем карманные часы, ход которых может быть приостанавливаем по желанию исследователя и незаметно для испытуемого лица, то, отведя часы на такое расстояние, чтобы бой их был едва слышен, мы можем привлечением внимания испытуемого субъекта заставить слышать бой часов в то время, когда его наверно уже нет.

Все эти факты, очевидно, говорят в пользу того, что внимание является таким актом, который способен возбудить внутренние образы там, где их нет в действительности. В повседневной жизни мы встречаем подтверждение этого везде и всюду. Когда внимание привлечено в каком-либо направлении, то всякий знает, что мы получаем нередко действительные иллюзии, т. е. создаем образы, не соответствующие действительному восприятию. Очевидно, что и в патологических случаях непроизвольное внимание может оказывать возбуждающее влияние на появление галлюцинаторных образов, как это мы и наблюдали в приведенных примерах.

Признание действительности за галлюцинаторное переживание как одно из проявлений психического расстройства

Под названием «галлюцинаторные воспоминания» могут быть понимаемы те своеобразные болезненные состояния, когда больными в виде галлюцинаций воспроизводятся бывшие с ними происшествия или виденное и слышанное ими. Это не что иное, как в настоящем смысле слова галлюцинаторное воспроизведение прошлых, пережитых ранее представлений. Но прежде обсуждения этих своеобразных явлений приведем здесь несколько относящихся сюда наблюдений.

Больная, пожилая девица, без тяжкого наследственного предрасположения, жившая при монастыре, заболевает ушами после инфлюэнцы, причем у нее в конце концов развилось омертвление обеих барабанных перепонок и она получила резкое ослабление слуха, продолжающееся и по настоящее время. При монастыре больную определили в чеканную мастерскую, где она должна была заниматься с девочками. Под влиянием сильного нервного напряжения на почве поражения ее ушей здесь с ней развиваются иллюзии и галлюцинации, и она заболевает галлюцинаторным психозом на почве поражения органов слуха. Она начинает слышать при стуке молоточком в чеканной мастерской слова, а затем ей в стуке стали слышаться целые фразы. Больная стала также слышать свое имя и отчество, произнесенные присутствующими при работе монахинями. Тут же больная была поражена тем обстоятельством, что она услышала весь разговор, бывший год назад между ней, девочками и надзирательницей в приюте, где она ранее занималась с девочками рукоделием. Дело происходило так.

Девочка Е. Я. сильно нагубила, вследствие чего наша больная, тогда бывшая здоровой, отправила девочку из своей рукодельной в младшее отделение; потом надзирательница позвала нашу больную и начала упрашивать снова взять к себе провинившуюся девочку, бывшую ее приемной дочерью, так как девочка сильно плакала, двое суток не спала, не пила и не ела.

Также и другие дети долго и настойчиво, более двух дней, упрашивали больную простить девочку и снова взять ее к себе в рукодельную. Больная в конце концов заставила девочку просить прощение за свои грубости и снова взяла ее к себе в рукодельную. И вот весь этот разговор и упрашивание девочек, уговаривание простить со стороны надзирательницы, плач и мольбы провинившейся девочки и, наконец, слова самой больной со всеми мельчайшими подробностями были воспроизведены в галлюцинаторных слуховых образах с такой точностью, «как будто бы, – по словам больной, – предо мной сейчас все происходило». Больная всем происшедшим была сильно поражена, рассказала обо всем игуменье, которая признала это «искушением» и тем вызвала недовольство к себе у больной.

В другой раз больная услышала голос своего давнего знакомого П.; он начал рассказывать ей всю свою жизнь, начиная с молодости, а затем он начал рассказывать свою позднейшую обыденную жизнь и свои отношения к другим, что больной вообще было хорошо известно. Здесь повторялось все, что больная знала об этом господине с такой точностью, что на нее напал сильный страх. Больная эта, страдающая и по сие время хроническими галлюцинациями слуха, передает и много других галлюцинаций, которые являются настоящим переживанием прошлого.

Другой больной, алкоголик, страдающий алкогольным галлюцинаторным психозом, рассказывая о своих галлюцинациях, между прочим, записал следующее: «Утром, идя на службу в Сенат, ко мне подошла какая-то женщина и попросила на бедность, но так как у меня не было денег, я отказал ей, и хотя ее уже не было, но я все до дверей самого Сената слышал ясно и отчетливо ее голос за собой, «господин студент, помогите мне», даже чувствовал, как она за плечо останавливает меня несколько раз, молящим голосом прося помочь ей».

«На службе в Сенате в этот день мне не было легче, голос женщины по-прежнему продолжал назойливо обращаться ко мне, а особенно мучили меня страдания прошлой ночи. Стоило мне подумать, как говорила ночью девочка: «Дядя, зарежем его» (это была галлюцинация), и я сейчас же вместо голоса женщины слышал эти слова ясно; или мысленно припомню какую-нибудь фразу, хотя бы, например, сестры своей, которая живет в Томске, и уже слышу: ту же самую фразу кто-то громко произносит около меня точно такой же интонацией и точно таким же голосом».

В этом примере галлюцинаторное воспроизведение пережитых событий выступает не менее резко, нежели в предыдущем случае.

Само собою разумеется, что подобного же рода «галлюцинаторные воспоминания» наблюдаются и в форме зрительных образов.

Так, один больной, страдавший обыкновенными галлюцинациями, рассказывал, что, переехав на большое расстояние от города, в одном из ресторанов которого он кутил, он вновь увидел всю ту обстановку ресторана, где он сидел за столом вместе со своими товарищами, причем видел в числе других товарищей и самого себя. По словам больного, «все представилось ему так, как было в действительности».

Подобные же зрительные галлюцинации в виде точного воспроизведения виденного и пережитого случались с больным и в другом роде.

Другой из моих больных, страдавший галлюцинаторным помешательством, заявлял, что ночью после того, как он проснется, он начинает слышать с мельчайшими подробностями тот самый разговор окружающих лиц, который он слышал днем. Галлюцинация в этом случае достигала полной объективности, так как больному казалось, как будто бы ему кто-нибудь извне шептал этот разговор.

В эпилепсии мне случалось неоднократно наблюдать, что галлюцинации, воспроизводящие действительно бывшие восприятия, являются в виде особого предвестника

приступа. В этих случаях каждый раз падучий приступ начинался повторным воспроизведением в форме галлюцинации воспринятого ранее слухового впечатления. Таким образом, если, например, с больным начинается приступ в то время, когда последнее достигшее до его уха слово из разговора, который он вел с окружающими лицами, было «человек», то это слово «человек» затем воспроизводилось в виде галлюцинации много раз, и такое воспроизведение продолжалось до тех пор, пока он совершенно не утрачивал сознания. В других случаях перед каждым приступом стереотипно появляется одна и та же галлюцинация, являющаяся повторением бывшего восприятия.

У одной женщины 42 лет обнаружилось обморочные припадки 2 раза. Кроме этого, никаких указаний на падучую не имеется; но у нее обнаруживаются крайне оживленные галлюцинации, которые развиваются следующим образом: больная с самого начала «задумается» и за тем подвергается видениям, а иногда и голосам. Случалось, например, что ей покажется посторонний человек, которого она принимает за действительность, крайне пугается этого, а затем как бы очнется и все проходит, причем больная помнит о всем происшедшем, но как будто виденное оно было во сне. Однажды она услышала голос, приказывающий ей идти на чердак, и, повинувшись ему, она действительно поднялась на чердак, где увидела рыжего большого человека, предлагавшего ей веревку. Она испугалась и очнулась. В другие разы она тоже начала подниматься на чердак, но очнулась уже тогда, когда хватилась за скобку. У той же больной нередко оживляются в форме галлюцинаций и прошлые воспоминания. Однажды, например, ей представилась вся обстановка ее собственных родов, т. е. она видела перед собой в галлюцинаторных образах всех лиц, бывших при ее родах, а также всю бывшую при этом обстановку и т. п.

К той же категории явлений, по-видимому, относятся и наблюдения, в которых галлюцинации, развивавшиеся перед приступом падучей, являлись воспроизведением сновидений, бывших с больным в предшествующую ночь. Подобные случаи, по моим наблюдениям, вообще не составляют редкости. В одном из моих случаев галлюцинации, олицетворявшие бывшие сновидения, представлялись крайне живыми и сложными. Больной, например, во сне видит себя в поле за посевом (он новобранец из крестьян), видит галок, собирающих в поле зерна, слышит их крики и т. п. И это сновидение во всей своей полноте и с точностью воспроизводится в виде галлюцинаций на следующий день перед наступлением падучаго приступа.

В другом случае больной, молодой человек, страдал издавна головными болями. В последнее время стали присоединяться симптомы неврастения; между прочим, он стал спать тревожно и испытывать массу сновидений, которых он по пробуждении припомнить не в состоянии. Но в течение дня, когда у него развивается головная боль, он начинает подвергаться грезам, в которых он узнает бывшие с ним сновидения. Эти грезы отличаются бессвязностью, состоят из линий, лиц и т. п. Хотя по пробуждении от сна он не может установить ни одного сновидения, но теперь он узнает сразу, что это те сновидения, которые с ним происходили в течение предшествующей ночи. Явления эти продолжают уже в течение около года. При этом у больного с объективной стороны не было обнаружено ничего существенного.

В другом случае дело идет о больном, страдавшем органическим поражением мозга на почве бывшего *lues*'а. Объективно у него обнаруживается опускание левого верхнего века, то усиливающееся, то ослабевающее, по временам двоение в глазах и ограничение поля зрения. Из субъективных жалоб больного обращают на себя внимание головные боли в верхней части головы и за левым виском, которые временами достигают необычайной силы и даже однажды сопровождалась рвотой.

Больной, между прочим, рассказывает, что достаточно ему побывать в бане при

повышенной окружающей температуре, особенно если он обливается очень теплой водой, как с ним наступает состояние отупения, при котором он видит то, что ему представлялось во сне, и он начинает в настоящем смысле слова галлюцинировать. В это время он начинает светиться и болтать, что его вообще облегчает, и он быстро приходит в себя. Во время самого видения больной заявляет, что видит то самое, что видел во сне под утро в предшествующую ночь, хотя подробности он помнит смутно, неясно.

В вышеуказанных случаях мы имеем, таким образом, дело с настоящим галлюцинаторным воспроизведением в патологическом состоянии пережитых однажды умственных образов в виде внешнего восприятия или в виде сновидения. Прототипом этого своеобразного патологического явления, что касается по крайней мере галлюцинаторного воспроизведения бывшей действительности, на мой взгляд, может служить воспроизведение действительного восприятия в сонных грезах. Известно, что некоторые лица то, что они видят и слышат днем, переживают ночью во время сна в виде сонных грез или сновидений.

В некоторых случаях это явление обнаруживается в поразительно резкой степени, как показывает, например, нижеследующий случай.

Больная 68 лет, замужняя, без наследственного расположения, имеет 5 человек детей; при последней беременности получила парез обеих правых конечностей, который с течением времени еще несколько усилился. Объективное исследование показало, кроме правостороннего пареза руки и ноги, еще и легкий парез правого *facialis* и небольшое отклонение языка вправо, а кроме того, крайне резкое повышение сухожильных рефлексов на правой стороне.

При расспросах выяснилось, что больная уже с детства отличается той особенностью, что во сне она переживает все заинтересовавшее ее в течение дня с совершенной точностью. Таким образом, например, побывав в опере, она каждый раз переживает во сне всю оперу от начала до конца в правильной последовательности со всеми участвующими лицами. Это до такой степени для нее представляется обычным явлением, что супруг ее, шутя, замечает, что ей очень выгодно ходить в театр, так как за одни и те же деньги она прослушивает оперу дважды. Равным образом и все, что больную сильно заинтересует или поразит в течение дня, она переживает непременно во сне. Обыкновенно спит она в таких случаях не очень спокойно и часто пробуждается, причем может рассказать все виденное во сне со всеми подробностями. В остальном сон совершенно нормален. Надо при этом заметить, что больная отличается особенной впечатлительностью и, например, возвращаясь после оперы, она сосредоточивается на своих впечатлениях в такой степени, что раздражается, если ее отвлекают какими-либо вопросами.

Хотя приведенный случай и представляется несколько необычным по крайней живости переживания действительности в форме сонных грез, но известно, что подобное переживание не в столь резкой степени не составляет редкости. Во всяком случае оно может быть поставлено в известную аналогию с переживанием действительности и самих сновидений в галлюцинаторных образах. Сходство обоих явлений увеличивается еще тем, что в отдельных случаях, как это было, например, в последнем из приводимых случаев, состояние галлюцинаций сопровождалось состоянием помрачения и отупения с явлениями амнезии.

Что же касается эпилепсии, в которой также наблюдается галлюцинаторное переживание восприятий, то в наблюдаемых мною случаях оно происходило часто в виде ауры, следовательно, в состоянии уже начинающегося приступа, и потому в этих случаях галлюцинаторное переживание может быть также уподоблено сновидному состоянию с переживанием действительности во сне.

Известно, что и в течение больших истерических приступов содержание галлюцинаций нередко составляют бывшие, пережитые ранее больными события.

Из приведенных примеров очевидно, что «галлюцинаторные воспоминания» могут наблюдаться при разнообразных психических расстройствах, как, например, при истерии, эпилепсии, при хроническом алкоголизме, при галлюцинаторном помешательстве и даже при органическом поражении мозга.

Без всякого сомнения такого рода галлюцинаторные переживания прошлого не лишены известного значения с точки зрения патогенеза галлюцинаций, в силу чего они и заслуживают изучения.

О психо-рефлекторной терапии

В то время как рефлексология начинает пробивать себе пути в область патологии, служа к объяснению некоторых из патологических проявлений нервной системы, в числе которых мы назовем, кроме многих других, наркоманию, болезненные привычки разного рода (например, онанизм и др.), различные фобии и половые извращения, ибо эти состояния не могут быть понимаемы иначе, как в форме патологических сочетательных рефлексов, необходимо иметь в виду, что рефлексология открывает себе путь и в область терапии нервных болезней.

Примером могут служить те же болезненные состояния психогенного происхождения, о которых речь была выше. Психо-рефлекторное воздействие во всех болезненных состояниях психогенного происхождения должно преследовать две цели: с одной стороны по возможности затормозить возникший при известных условиях и упрочившийся патологический сочетательный рефлекс, а с другой стороны, привить или воспитать новый сочетательный рефлекс в соответствии с требованиями здоровой жизни.

Для пояснения возьмем случай сексуального извращения, которое приходится лечить психо-рефлекторным методом. Применяя этот метод, мы пользуемся словом, как символом, который, благодаря упрочившемуся у всех людей сочетанию, замещает собою либо реальные внешние впечатления, либо определенные душевные состояния. Но, спрашивается, как при психо-рефлекторном методе можно пользоваться словом, как символом?

Прежде всего, в случаях привычек болезненного характера мы стараемся, с одной стороны, противодействовать сложившемуся путем привычки патологическому сочетательному рефлексу, воспроизводя путем слова определенные тормозящие впечатления, указывая на несоответствие патологического сочетательного рефлекса природе организма и на происходящий отсюда моральный и физический вред здоровью и упрочивая в то же время связь их с реакцией отвращения и с необходимостью в интересах здоровья полного воздержания от повторения патологического сочетательного рефлекса; с другой стороны, мы всемерно стараемся привить организму больного нормальный сочетательный рефлекс, для чего возбуждаем путем слова все реакции, поддерживающие этот сочетательный рефлекс, и заставляем больного по возможности осуществить его на деле, дабы сделать его привычным для организма сочетательным рефлексом, каким он и является в огромном большинстве случаев у нормальных людей.

Возьмем другой пример, представляющий случай патологического страха, или так называемые фобии. Допустим, что мы имеем фобию открытых мест. Как известно, эта фобия состоит в том, что больному навязывается мысль, что на открытом месте с ним может что-либо произойти, например, сердце его не выдержит, и он не будет в состоянии перейти открытую площадь. В таком случае психо-рефлекторное воздействие должно быть направлено на то, чтобы оживить все реакции, тормозящие развитие страха при данных условиях, и, прежде всего, путем убеждения о полном здоровье организма вообще и сердца в частности, вселить больному уверенность относительно невозможности какого-либо

неожиданного с большим происшествием во время перехода через площадь. Этим самым уже тормозится развитие того страха и волнения, которые сочетаются у такого рода больных с одним видом большой площади.

Но помимо этого необходимо таким больным вселить уверенность относительно действительной возможности переходить площади без всяких дурных последствий для себя и поддержать эту уверенность осуществлением спокойного перехода открытых площадей, чем упрочивается нормальный сочетательный рефлекс, свойственный всем вообще здоровым людям.

Возьмем еще пример из области наркомании. Допустим, что мы имеем наркоманию в форме привычного пьянства. В этих случаях, опять-таки, применяя психо-рефлекторный метод, мы должны стремиться к возбуждению всевозможных психических тормозов в отношении привычного злоупотребления алкоголем, связывая с последним при посредстве слова и причиняемый вред здоровью, и нравственные последствия как для самого больного, так и для его семьи, и в то же время воспроизводя перед ним материальные последствия привычного пьянства. С другой стороны, необходимо укрепить одновременно и здоровый сочетательный рефлекс воздержания путем оживления реакций, связанных с положительной стороной воздержания, как в смысле большей трудоспособности при воздержании, так и в смысле укрепления здоровья и, наконец, в смысле нравственных и материальных выгод для больного.

Таким образом и здесь, как и во всех других случаях, психо-рефлекторный метод лечения сводится, с одной стороны, к возбуждению, развитию и укреплению соответствующих тормозов патологических сочетательных рефлексов, а с другой стороны, к возбуждению, развитию и укреплению нормальных сочетательных рефлексов, отвечающих интересам здоровья организма.

В заключение нужно остановиться еще на одном способе психо-рефлекторной терапии при наркомании и вообще при привычных ненормальных склонностях. **Этот способ заключается в упрочении путем сочетания привычного наркотического яда с реакцией отвращения, вызываемой вместе с его приемом искусственными физическими приемами. Таким способом я давно уже пользовался при отучении больных от курения табаку. Для этой цели мной применяется слабый раствор *arg. nitrici* для полоскания горла, вследствие чего не только самое курение табаку, но даже умственное воспроизведение этого курения сопровождается возбуждением реакции отвращения от противного впечатления, вызванного раздражением табачным дымом воспаленной слизистой оболочки носоглоточного пространства.**

Естественно, что если такая реакция будет поддержана в течение продолжительного времени, то курение будет в конце концов оставлено, как акт, не только не возбуждающий привычной реакции удовлетворения, но и возбуждающий на место первой реакции отвращение.

Далее известно, что народ пользуется для лечения хронического алкоголизма в некоторых случаях не без успеха примесью к водке рвотных веществ, возбуждающих отвращение. Этот метод, применявшийся мною в отдельных случаях, требует еще научной разработки, которая была начата между прочим в противоалкогольном Институте одним из его врачей, но была затем временно прервана по не зависящим от него обстоятельствам.

Ясно, что и этот метод лечения алкоголизма основан на том же принципе, как и метод отучения от курения табаку с помощью полоскания горла раствором *arg. nitrici*, т. е. на принципе возбуждения, развития и упрочения сочетательного рефлекса отвращения и рвоты при одном виде спиртного напитка, возбуждавшего ранее сочетательный рефлекс удовлетворения.

О сочетательно-рефлекторной терапии

Вместе с развитием учения о сочетательных рефлексах, исследуемых мною в сотрудничестве с целым рядом лиц первоначально на животных, а затем с начала текущего столетия на людях, стала выясняться особая роль искусственного воспитания сочетательных рефлексов в смысле восстановления нарушенных функций нервной системы при неврозах. Как известно, сочетательный двигательный рефлекс в постановке нашей методики получается путем многократного совмещения, вызванного электрическим раздражением двигательного рефлекса с индифферентным (в смысле данного рефлекса) звуковым, световым и другим раздражителем, после чего тот же двигательный эффект получается и на одни звуковые, световые и другие раздражения. И вот оказалось, что этот же прием получает терапевтическое значение при анестезиях и параличах невротического происхождения. В этом отношении еще в 1918 году в редактируемом мною «Обзрении психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» я писал следующее: «Многократные попытки исследования уколами кожных рефлексов у истеричных нередко приводят к тому, что анестезия, бывшая в начале исследования ясно выраженной, начинает постепенно ослабевать, первоначально на месте раздражения уколами, а затем и в остальных частях пораженной области. То же наблюдается и при воспитании сочетательных двигательных рефлексов, если анестезированная область подвергается методическому раздражению с помощью электрического тока для получения с нее сочетательного двигательного рефлекса по выработанному у нас методу. Мало-помалу анестезия ослабевает и, наконец, исчезает совершенно.

Неоднократно также случалось наблюдать, что если у больных имеется истерический паралич, то воспитание сочетательных рефлексов на парализованной конечности приводит к тому, что вместе с появлением сочетательного рефлекса движения в парализованных областях начинают постепенно восстанавливаться и, наконец, истерический паралич излечивается более или менее совершенно.

Таким образом, вслед за воспитанием сочетательного двигательного рефлекса на парализованной конечности идет и восстановление тех движений, которые мы называем личными или, как их обыкновенно называют, произвольными».

С тех пор наблюдения в этом отношении проводились в том же направлении, и можно было убедиться, что в методе воспитания сочетательных двигательных рефлексов мы имеем действительное лечебное средство против анестезий и параличей при неврозах.

Не менее благоприятные результаты были получены у нас и при воспитании сочетательных рефлексов на звуковые раздражения у лиц с функциональной глухотой при травматических неврозах, а также и при истерии. Вместе с многократной пробой воспитывать по выработанному у нас методу сочетательный рефлекс у оглохших от контузии постепенно, но в общем быстро, чаще всего в течение нескольких сеансов, совершенно утраченный ранее слух восстанавливался.

По показанию такого же рода больных вместе с воспитанием сочетательных рефлексов у них как бы «отворяются» уши.

Очевидно, что и истерическую слепоту можно исправлять точно таким же приемом. Во всяком случае, в методе воспитания сочетательных рефлексов мы получаем важное терапевтическое средство, дающее возможность быстро исправлять истерические параличи и анестезии кожной поверхности и специально воспринимающих органов. Очевидно, что функционально заторможенные корковые связи в этих случаях под влиянием соответствующих раздражителей и установления сочетательных связей между ними и двигательным аппаратом подвергаются растормаживанию, чем и достигается в данном случае восстановление

функциональной деятельности.

Позднее методика воспитания сочетательных рефлексов существенно расширилась. Так, при работах в заведываемом мною Государственном рефлексологическом институте по изучению мозга явилась возможность, с одной стороны, получать сочетательный рефлекс путем сочетания активного движения рукой при словесном раздражителе «действуй» с одновременно производимым индифферентным раздражением, например звуками, после чего это движение осуществляется и при одном индифферентном раздражении при посредстве звука.

Таким образом, мы здесь имеем настоящий сочетательный рефлекс в виде движения руки на один звук. При этом выяснилось, что такие же сочетания пассивного движения руки со звуком не дают возможности воспитывать сочетательный рефлекс вышеуказанного характера (Дернова, Ярмоленко). Точно так же, если звуковой раздражитель совмещать со словесным раздражителем «подними» и вместе с тем испытуемый будет производить активное поднятие пальцев руки от ключа, на котором они лежат, то при повторении этих сочетаний легко образуется сочетательный рефлекс отдергивания пальцев руки на одно звуковое раздражение.

В дальнейшем оказалось возможным пользоваться сочетанием возбуждающего словесного раздражителя «подними», а также затормаживающего данное действие в смысле противодействующего приказа «не поднимай» (т. е. не поднимай пальцев) со звуком еще и в ином отношении. Допустим, что воспитан сочетательный рефлекс с помощью совмещения электрокожного и звукового раздражителя на звук «до». Как известно, вначале такой рефлекс недифференцирован, так как отдергивание пальцев руки происходит и на звук «до», и на звук «фа», и на всякий другой звук. Но вместо того, чтобы продолжать дифференцировку постоянным подкреплением полученного рефлекса путем сочетания «до» с электрокожным раздражителем и оставлением без подкрепления такими сочетаниями других звуков, мы говорили одновременно со звуками «фа» и «не отнимая». У испытуемого в таком случае затормаживается рефлекс на «фа». Но вместе с тем торможение распространяется и на другие звуки: «ре», «ми» и пр., а иногда даже и на «до», и в таком случае для восстановления сочетательного рефлекса на «до» требуется новое его сочетание с электрокожным раздражением, которое с восстановлением сочетательного рефлекса может вновь распространить свое возбуждающее влияние на другие звуки, пока окончательно не установится соответствующий рефлекс на один звук «до».

С другой стороны, если мы имеем торможение воспитанного сочетательного рефлекса на данный звук и будем сочетать этот звук со словом «отними», мы тем самым растормозим сочетательный рефлекс на данный звук и вместе с тем растормозятся сочетательные рефлексы и на другие звуки. опыты, которые были произведены у нас д-ром В. Н. Осиновой, показали, что словесный раздражитель тормозящего характера в большинстве случаев вызывает ответную реакцию быстрее, нежели словесный раздражитель возбуждающего характера и, с другой стороны, воздействие первого раздражителя приводит и к заторможению воспитанного ранее сочетательного рефлекса.

Вышеуказанный метод показывает значение сочетания словесного раздражителя того или иного характера, т. е. тормозящего или возбуждающего, с рефлекторным раздражителем.

Это и дало основание применять вышеуказанный метод в целях рефлексотерапии. В Государственном рефлексологическом институте по изучению мозга этот метод получил применение против привычного воровства у детей дошкольного возраста и частью школьного возраста. Д-р В. Н. Осипова провела рефлексотерапию этого рода на 7 приютских детях в возрасте от 9 до 12 лет, из них 3 девочки и 4 мальчика, причем в этом числе имелись и настоящие kleptomаны, и дети с привычным воровством. При этом с детьми, приводимыми для лечения в институт, во избежание условий внушения не велось предварительно никакой беседы

по поводу их воровства, а делался только опрос имени, фамилии, возраста, школы, класса и не допускалось при этом никаких других вопросов. Самое же лечение состояло в следующем.

После установления степени возбудимости пальцев к электрическому току у ребенка воспитывается сочетательный рефлекс на звук и определяется скорость сочетательного рефлекса для выяснения сочетательно-возбудимого или сочетательно-тормозного типа. Затем производится сочетание такого минимального электрокожного раздражения, которое вызывает отдергивание пальцев со словом «не бери». Таких сочетаний производится 10, и этим дело на первый раз заканчивается. Подобные же приемы лечения повторяются приблизительно через неделю или большее или меньшее число дней. Впоследствии методика сводилась к сочетанию того же слова «не бери» с одним звонком и притом с одинаковым успехом. Уже после 2–3 таких сеансов наблюдалось улучшение, а после 6 сеансов наступило выздоровление, прослеженное 6–7 месяцев. Рецидив был лишь в одном случае, что могло зависеть от неподходящей обстановки. Некоторые же из выздоровевших детей сами с удивлением заявляли, что «влечение к воровству у них прекратилось благодаря лечению током». Далее, была сделана попытка со стороны В. Н. Осиновой применить тот же метод против детского онанизма при посредстве сочетания слова «не трогай» с электрическим током.

Дерново-Ярмоленко и Тарановой аналогичный метод сочетания электрического тока был применен у детей с ночным недержанием мочи, причем здесь с электрическим током сочетали словесный тормозной раздражитель «не мочись». И в этом, и в другом случае дело идет лишь о начале исследований, и число наблюдений еще слишком незначительно, чтобы делать соответствующие выводы, но все же и в онанизме, и в ночном недержании мочи результаты такой терапии пока оказались вполне благоприятными. Эти исследования, конечно, будут продолжаться, и тогда будет о них сказано окончательное слово.

Чтобы отдать себе отчет в значении словесного раздражителя в вышеуказанных случаях, необходимо иметь в виду, что он имеет всегда и везде замещающее значение по отношению к тому действию, символическим знаком которого служит. Так, в жизненных условиях «возьми», «не бери», «не трогай» основаны на прочной связи этих словесных раздражителей с условиями мер воздействия – поощрительных при соответствующем выполнении, противодействующих при невыполнении этого приказа. Очевидно, что в вышеуказанных случаях многократное вкоренение такого словесного раздражителя в связи с основным раздражителем, возбуждающим оборонительный рефлекс, а затем и с сочетанным с ним раздражителем достаточно, чтобы возыметь соответствующее лечебное воздействие... Возьмем пример Тогау – лечебного приема против алкоголизма, который состоит в даче несколько раз рвотного вместе с вином и который основан на непосредственном сочетании двух раздражителей – одного с характером влечения и другого, более сильного раздражителя, с защитным характером. Можно ли говорить в этом случае о внушении? Полагаю, что нет. Другой пример: в моей практике неоднократно имелось налицо благоприятное успокаивающее действие вводимого под кожу физиологического раствора взамен привычного впрыскивания раствора морфия, что можно вернее всего объяснить установившимся путем сочетания благотворным действием самого укола на общее состояние организма, нежели внушением... При болезненных и привычных влечениях сочетательно-рефлекторная терапия, как показывали опыты над воровством у детей, дает также полезные результаты там, где внушение может не оказать соответствующего воздействия.

Вместо послесловия

Максим Горький о Владимире Михайловиче Бехтереве Из книги «Мои университеты»

«Раз в неделю я бегал еще дальше – в «Сумасшедший дом», где читал лекции психиатр Бехтерев, демонстрируя больных. Однажды он показывал студентам больного манией величия: когда в дверях аудитории явился этот длинный человек, в белом одеянии, в колпаке, похожем на чулок, я невольно усмехнулся, но он, остановясь на секунду рядом со мною, взглянул в лицо мне, и я отскочил, – как будто он ударил в сердце мое черным, но огненным острием своего взгляда. И все время, пока Бехтерев, дергая себя за бороду, почтительно беседовал с больным, я тихонько ладонью гладил лицо свое, как будто обожженное горячей пылью.

Больной говорил глухим басом, он чего-то требовал, грозно вытягивая из рукава халата длинную руку с длинными пальцами, мне казалось, что все его тело неестественно вытягивается, бесконечно растет, что этой темной рукою он, не сходя с места, достигнет меня и схватит за горло. Угрожающе и властно блестел из темных ям костлявого лица пронизывающий взгляд черных глаз. Десятка два студентов рассматривают человека в нелепом колпаке, немногие – улыбаясь, большинство – сосредоточенно и печально, их глаза подчеркнута обыкновенны, в сравнении с его обжигающими глазами. Он страшен, и что-то величественное есть в нем, – есть.

В рыбьем молчании студентов отчетливо звучит голос профессора, каждый вопрос его вызывает грозные окрики глухого голоса, он исходит как будто из-под пола, из мертвых, белых стен, движения тела больного архиерейски медленны и важны.

Ночью я писал стихи о маниаке, называя его «владыкой всех владык, другом и советником бога», и долго образ его жил со мною, мешая мне жить».

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерев В.М. Нервные болезни в отдельных наблюдениях. 1894–1896.
Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб., 1904.
Бехтерев В.М. О влиянии гипноза и внушения на сочетательные рефлексy. 1927.
Бехтерев В.М. Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров? 1927.
Бехтерев В.М. Сознание и его границы. Казань, 1888.
Бехтерев В.М. Гипноз, внушение и психотерапия. СПб., 1911.
Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
Бехтерев В.М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. 1918.
Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.
Бехтерев В.М. Речь, сказанная на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 г. и первоначально напечатанная в «Вестнике знания».
Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб., 1904.
Бехтерев В.М. Гипноз и его значение как врачебного средства. 1894.
Бехтерев В.М. «Лечебное значение гипноза». СПб, 1900.
Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе. (Академик В.М. Бехтерев и д-р В. Нарбут) 1892.
Бехтерев В.М. Внушение и воспитание. СПб., 1912.

Бехтерев В.М. Избранные произведения (статьи и доклады). М., 1954.

Бехтерев В.М. Мозг и его деятельность. 1928.

Бехтерев В.М. Работа головного мозга в свете рефлексологии. Л., 1926.